общие принципы и правовые
условия реализации данного
права в различных государствах





Экспертно-правовое сообщество
«Инициатива FORB»

СВОБОДА РЕЛИГИИ ИЛИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: общие принципы и правовые условия реализации данного права в различных государствах (лучшие практики государств)

Материалы международной научно-практической конференции, г. Минск, 8–9 ноября 2013 г.

Минск
«Конфидо»
2014

УДК 342.731
ББК 67.400.7
С25

Рецензенты:

Лункин Р. Н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, кандидат философских наук.

Сломский В., профессор, директор Института исследований славянской философии им. св. Кирилла и Мефодия Высшей школы менеджмента в Варшаве.

С25 Свобода религии или вероисповедания: общие принципы и правовые условия реализации данного права в различных государствах (лучшие практики государств): материалы международной научно-практической конференции, г. Минск, 8–9 ноября 2013 г. / Экспертно-правовое сообщество «Инициатива FORB». – Минск : Конфидо. – 2014. – 152 с.

ISBN 978-985-6777-65-6

Сборник докладов на международной научно-практической конференции «Свобода религии или вероисповедания: общие принципы и правовые условия реализации данного права в различных государствах (лучшие практики государств)», которая состоялась 8–9 ноября 2013 года в Минске, представляет видение экспертами – адвокатами, правозащитниками, религиоведами из стран Европы, Беларуси, России, Украины – важных аспектов регулирования деятельности религиозных организаций в соотношении с международными правовыми стандартами. В сборнике затрагиваются вопросы применения международных стандартов в законодательстве отдельных государств; ограничительные оговорки; проблемы религии и образования; право на самоопределение религиозных организаций; государственная регистрация религиозных организаций; практика государств по отдельным вопросам правового регулирования.

Сборник будет полезен для специалистов, работающих в системе конфессиональной политики Республики Беларусь, активистов и юристов религиозных организаций, а также для религиоведов, правозащитников.

УДК 342.731
ББК 67.400.7

ISBN 978-985-6777-65-6

СОДЕРЖАНИЕ

I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ДОПУСТИМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ И (ИЛИ) ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Джонс Мэтью

СВОБОДА РЕЛИГИИ ИЛИ УБЕЖДЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В течение последних двадцати лет европейцы имели возможность в значительной мере осуществлять свои свободы в области религии и убеждений. Путь к обеспечению этих свобод был непростым. До сих пор некоторые проблемы остаются, например, в том, как мы относимся к религиозным общинам меньшинств. Эта проблема особенно актуальна в Западной Европе по отношению к общине мусульман. Таким образом, встает важный вопрос: как сохранить уважение к людям, с чьими идеями или практиками мы могли бы не согласиться, или которые, возможно, даже оскорбят нас? Так как наши страны и общества становятся все более плюралистическими, на этот вопрос необходимо получить ответ.

Одна из первых проблем в области защиты права на свободу религии или убеждений – правильно понять, что это такое. Ведь данное право часто понимается неверно. Это право заложено в человеческом достоинстве. Речь идет о нашей самоидентификации как человеческих существ, кто мы есть и где мы видим себя в мире. Это право гарантирует возможность выражать себя на основе личных внутренних убеждений как самостоятельно, так и совместно с другими. Речь идет о предоставлении людям возможности исследовать и пересматривать свои личные убеждения или убеждения, существующие в обществе, обмениваться убеждениями с другими людьми, в том числе мирно оспаривая чужие убеждения. Свобода в области религии или убеждений является правом, которое по сути исключает принуждение (насилие). Это право, которым хотят реально обладать все в мире, но важно, что мы расширяем это право для всех остальных даже тогда, когда мы сами для себя его используем. Это право, которое обеспечивает уважение каждого человека и коренится в человеческом достоинстве, оно особенно важно для людей, имеющих специфические мнения и убеждения, с которыми могут быть не согласны другие.

Право на свободу религии или убеждений давно закреплено в международных правовых документах. Всеобщая декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Статья 18 Декларации гласит, что: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или

частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Наряду с этой статьей и другие положения Декларации обладают нормативной и моральной силой, уже в преамбуле Декларации отмечено, что международная приверженность правам человека вытекает из Устава Организации Объединенных Наций, основополагающего договора Организации Объединенных Наций, документа, который юридически обязателен для всех государств-членов ООН.

С 1948 года право на свободу религии или убеждений дополнительно подтверждено на международном уровне, в ряде международных, региональных и двусторонних соглашений, и контролируется множеством механизмов. Рассмотрим международно-правовой компонент. Право на свободу религии или убеждений подчеркивается в большинстве международных договоров по правам человека, заключенных в течение последних пятидесяти лет. Эти договоры юридически обязательны для государств, которые их ратифицировали. Особенно четко это определено в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, который был ратифицирован более чем 160 странами, включая Великобританию, Беларусь и все страны Европы. Ратификация этого международного договора, как и любого другого, требует внедрения во внутреннее национальное законодательство его норм. После того как страна ратифицирует тот или иной договор, в ней идет постоянный процесс отчетности перед международным договорным органом, контролирующим исполнение договора и направляющим страну на улучшение ее внутренней ситуации. Есть также целый ряд обязывающих региональных соглашений с различными возможностями для мониторинга и исполнения, которые включают в себя положения в сфере свободы религии или убеждений. В Европе это – Европейская конвенция по правам человека, которая была ратифицирована 47 странами, от Исландии и Португалии до России и Турции, и, возможно, когда-нибудь будет ратифицирована Беларусью. Статья 9 Конвенции в значительной степени опирается на статью 18 Всеобщей декларации в защите и продвижении свободы религии или убеждений. Конвенция является юридически сильным документом, насколько договоры по правам человека таковыми могут быть, и включает обеспечение механизма простыми процедурами мониторинга. Граждане стран, ратифицировавших договор, могут обратиться за юридической помощью в Европейский суд по правам человека, и многие в поисках справедливости так и делают. Некоторые специфические британские случаи были рассмотрены в Суде в течение последних двух лет. В этой ситуации правительству недостаточно просто признать свободу религии или убеждений в международных соглашениях, необходимо продемонстрировать выполнение обязанностей по защите и поддержке прав. Двусторонние соглашения могут также содержать в себе компонент прав человека.

Мы часто видим, что такие обязательства контролируются на национальном уровне внутри страны. По последним данным в настоящее время в 69 странах существуют национальные правозащитные организации, полностью соответствующие Парижским принципам. Эти национальные институты могут сыграть реша-

ющую роль в поддержке и мониторинге выполнения международных стандартов прав человека на национальном уровне. В Великобритании существует комиссия «равенства и прав человека», которая по закону уполномочена осуществлять контроль и поддерживать права человека в Великобритании, в том числе свободу религии или убеждений.

Итак, мы видим, что могут существовать взаимосвязанные соглашения и организации, которые укрепляют свободу религии или убеждений на международном, региональном и национальном уровнях.

Давайте кратко рассмотрим несколько механизмов Организации Объединенных Наций. Многие из вас слышали о Совете по правам человека ООН, который встречается три раза в год на очередные сессии в марте, июне и сентябре. Совет обеспечивает политическое руководство остальной части ООН в области прав человека. Хотя он был создан относительно недавно, в 2006 году, Совет продолжает расти в статусе и престиже в рамках ООН и часто является первым органом ООН для решения особенно сложных ситуаций, как, например, с Ливией, Египтом и Сирией в течение последних лет. Существует целый ряд возможностей для гражданского общества по налаживанию связей с Советом по правам человека, и я сам присутствую на каждой из сессий и регулярно выступаю, обращая внимание мирового сообщества на вопросы, связанных со свободой религии или убеждений.

Наряду с Советом в 2006 году возник еще один инструмент – Универсальный периодический обзор. В течении четырехгодичного цикла все 193 государства-члена ООН проходят «экспертную оценку» национальных положений в области прав человека, как правило, с десятками рекомендаций со стороны других государств – членов ООН. Великобритания уже дважды проходила данную процедуру, Беларусь была рассмотрена в 2010 году и будет вновь рассмотрена в 2015 году. Это нормально для государства – пройти экспертную оценку ситуации в сфере прав человека и получить ряд рекомендаций для более эффективного обеспечения свободы религии и убеждений, что, конечно, относится и к Беларуси. От Беларуси зависит, будет ли сделано все возможное, чтобы выполнить полученные рекомендации до проведения новой экспертной оценки.

Значение международных органов и процедур в том, что обязательства, которые страны берут на себя, находятся под международным вниманием, и в интересах правительства – по крайней мере, пытаться делать правильные вещи, что, даже если и не обеспечит полного соответствия страны международным стандартам, но дает мощный стимул к прогрессу.

Наконец, возможно, самым главным, с учетом нашей темы, является вопрос института Специального Докладчика ООН по вопросу о свободе религии или убеждений. Текущим обладателем мандата является Хайнер Билефельдт, который базируется в Германии. Специальный докладчик является независимым экспертом и фокусируется исключительно на свободе религии и убеждений. Специальный докладчик посещает страны по приглашению правительств и представляет ежегодные доклады в Совете по правам человека и Генеральной Ассамблее ООН.

В Нью-Йорке я стал свидетелем последнего доклада спецдокладчика в Генеральной Ассамблее о свободе религии, убеждений и гендерных вопросах. Было приятно видеть делегацию Беларуси в числе тех, взаимодействие которых с докладчиком характеризуется как положительное.

Свобода религии или убеждений совершенно уникальна по сложности и деликатности. В то время как существует целый ряд международных соглашений и механизмов по стимулированию ее использования, наблюдению за нарушениями, эти институты не предлагают полного обеспечения повсеместного соблюдения данной свободы. Ответственность за защиту и поддержку свободы религии или убеждений в первую очередь лежит на государстве, правительство которого является самым важным субъектом, несущим ответственность за защиту прав человека.

Но дополнительно ответственность лежит на всех нас как специалистах, ученых, представителях гражданского общества, обычных гражданах. Даже сейчас, когда мы стремимся пользоваться свободой религии или убеждений для себя, мы должны работать, чтобы закрепить данное право для тех, кто вокруг нас.

Стимулирование заключается в следующем: общество, которое поддерживает и обеспечивает свободу религии или убеждений, воспринимается всеми как справедливое и уважаемое общество, ведь каждый из нас ищет ответы на важные жизненные вопросы и стремится действовать в соответствии с убеждениями. Поэтому именно в таком обществе большинство людей хотело бы жить.

Кишка Роджер

ПРИЗНАНИЕ И РЕГИСТРАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

В 2011 году Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о свободе религии или убеждений посвятил свой ежегодный доклад вопросу признания и регистрации религиозных общин. За последние несколько лет многочисленные случаи нарушений в этой сфере были рассмотрены в Европейском суде по правам человека, и многие находятся в стадии рассмотрения. ЕС затронул этот вопрос в недавно опубликованных руководящих принципах, касающихся свободы религии и убеждений; Венецианская комиссия ОБСЕ в настоящее время работает над очень важными руководящими принципами, касающимися этого вопроса.

Международные стандарты

На протяжении последних лет все международные организации рассматривали вопрос о системах регистрации религиозных организаций.

ООН

ООН рассматривает вопрос о регистрации религиозных общин посредством двух институтов, в частности, Комитета по правам человека (КПЧ), который анализирует ситуацию обеспечения прав человека в каждом государстве примерно раз в четыре года, а также Спецдокладчика.

После получения данных от государства-члена ООН и от неправительственных организаций КПЧ дает свои заключительные замечания. КПЧ критикует системы регистрации, существующие в настоящее время в европейских странах. Так, КПЧ подверг критике «многоуровневые системы» регистрации. Такие системы присущи многим европейским странам. Они, хотя и имеют различия, но схожи в следующем: существует строго ограниченный «высший уровень» – религиозные группы, которым предоставлены преимущества (налоговые льготы, бюджетное финансирование, доступ к различным общественным институтам (школы, больницы, тюрьмы), возможность открывать религиозные школы, преференциальный режим в отношении виз, преференциальный режим в отношении собственности и пр.); существует также «средняя категория», которая обладает меньшим количеством преимуществ; наконец, есть «базовый уровень», который не имеет никаких преимуществ, но в который легко войти.

В определении КПЧ говорится: «Комитет вновь выражает обеспокоенность ..., что в процессе регистрации продолжают делать различия между религиями, что равносильно неравному обращению, противоречащему статьям 18 и 26. КПЧ отмечает, что религиозные общины, которые не соответствуют критериям регистрации, находятся в неблагоприятном положении – не могут регистрироваться в качестве юридических лиц и поэтому ... могут столкнуться с определенными трудностями, в частности, по отношению к реституции собственности». Это замечание было высказано в докладе о ситуации в Литве, но подобные доклады сделаны для многих европейских стран.

Мнение данного органа ООН: многоуровневые системы являются дискриминационными и, следовательно, нарушают Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП).

Спецдокладчик подготовил обширный доклад по вопросу регистрации, хотя не пошел так далеко, как Комитет по правам человека. Спецдокладчик сделал следующую рекомендацию государствам-членам: «Предлагая привилегированную правовую статусную позицию для определенных религиозных или духовных общин, или других групп, такой особый статус должен быть предоставлен в строгом соответствии с принципом недискриминации и должен в полной мере уважать право на свободу религии или убеждений всех людей».

Таким образом, органы ООН критически относятся к регистрационным системам, присутствующим во многих европейских странах. КПЧ считает, что регистрационные системы являются де-факто нарушением МПГПП, в то время как Спецдокладчик не заходит так далеко, а считает, что страны должны быть очень осторожны при использовании таких систем.

Европейский суд по правам человека

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) занял по данному вопросу позицию, аналогичную позиции Спецдокладчика. В последние годы ЕСПЧ были вынесены десятки решений по вопросу о системах регистрации. Позиция суда: многоуровневые системы не нарушают Европейской конвенции по правам человека как таковой, но государства-члены должны быть очень осторожны при их реализации.

Например, австрийская модель была предметом рассмотрения в Европейском суде в нескольких случаях. Тем не менее, устанавливая факты нарушения Конвенции, Суд не пришел к выводу о том, что модель многоуровневых систем как таковая противоречит Европейской конвенции по правам человека.

Например, в деле «Коппи против Австрии» Суд сослался на предыдущие дела и сделал следующее заключение: «...Суд отметил, что различие в отношении к религиозным группам, которое обусловливалась их различным правовым статусом, было совместимо с требованиями ст.14 Конвенции, взятой в совокупности со ст.9 Конвенции».

Все религиозные группы должны иметь справедливые возможности для обращения за регистрацией, если захотят ее осуществить, а установленные критерии регистрации должны гарантировать приобретение соответствующего статуса недискриминационным путем.

В последних рекомендациях по продвижению и защите права на свободу религии или убеждений ЕС также признал проблему: «Любое ограничение свободы религии или убеждений, в том числе в отношении мест отправления культа и государственной регистрации религиозных или духовных групп, должно быть исключительным и соответствовать международным стандартам». ЕС намерен принимать меры, «…если требования к религиозным или духовным организациям зарегистрироваться используются как средство государственного контроля, а не для облегчения осуществления права на свободу религии или убеждений».

ОБСЕ

ОБСЕ также изложил мнение о европейских системах регистрации. В то время, как новые руководящие принципы ожидаются, ОБСЕ писал по этому вопросу еще в 2004 году в своих «Руководящих принципах по анализу законодательства о религии и убеждениях», подготовленных совместно с Венецианской комиссией:

– Регистрация религиозных организаций не должна быть обязательной, хотя уместно требовать регистрации с целью получения статуса юридического лица и аналогичных преимуществ.

– Индивиды и группы должны иметь возможность свободно исповедовать свою религию без регистрации, если они того пожелают.

– Чрезмерные минимальные требования к членству не должны применяться в отношении получения статуса юридического лица.

– Нецелесообразно требовать длительного присутствия в государстве до того, как допускается регистрация.

– Другие чрезмерно обременительные ограничения или задержки для получения статуса юридического лица должны быть пересмотрены.

– Государственные (официальные) действия с целью ограничения религиозной свободы, например, посредством установления неопределенных положений или иным способом, должны быть сведены к минимуму.

– Вмешательство во внутренние религиозные дела через существенный пересмотр церковных структур, навязывание бюрократических отзывов или ограничений в отношении религиозных назначений и тому подобное не должно быть допустимо.

– Положения, которые применяются ретроспективно или не защищают коренные интересы (например, требования перерегистрации религиозных организаций в соответствии с новыми критериями) должны быть пересмотрены.

– При введении новых правил должны быть предусмотрены надлежащие правила перехода на эти новые правила.

– В соответствии с принципами автономии, государство не должно устанавливать, что…религиозные группы должны подчиняться другой определенной религиозной группе, или требования об иерархической структуре религиозных организаций (зарегистрированная религиозная организация не должна иметь право вето на регистрацию любого другого религиозного юрлица).

Таким образом, международные органы по правам человека сходятся в том, что, хотя системы регистрации как таковые, в частности, многоуровневые системы, не нарушают международные договоры по правам человека, но процесс установления и реализации конкретной системы регистрации должен быть максимально тщательным и справедливым. Это означает, что «процесс регистрации» и «требования» регистрации должны быть четкими, справедливыми, доступными и носить недискриминационный характер. К сожалению, при рассмотрении некоторых из этих систем, становится ясно, что они не отвечают этим основным критериям.

Актуальные проблемы, касающиеся процесса регистрации

Длительность

Процесс регистрации во многих странах является чрезвычайно длительным. Например, в Литве Министерство юстиции принимает решение о заявке на регистрацию в течение шестимесячного периода с момента подачи заявки. В случае отказа на высшем уровне, запрос не может быть подан повторно в течение следующих 10 лет. Три протестантские церкви ждали одобрения парламента в течение более чем 10 лет: Новая Апостольская Церковь – с 2003 года, пятидесятники (Евангелическая вероисповедание, христианский союз) – с 2002 года и Объединенная методистская церковь Литвы – с 2001 года.

В Италии существует три группы (уровня) организаций – католическая церковь (имеет привилегированное положение); религиозные организации, которые вступили в соглашение с правительством и, наконец, организации, которые не признаются правительством. В то время как многие церкви хотели бы заключить

соглашение с правительством, этот процесс невероятно затруднен. Некоторые группы были признаны в 1984 году и включают методистов, адвентистов седьмого дня, ассамблею Божью, иудеев, баптистов и лютеран. В начале 1990-х годов еще одна группа религиозных конфессий стремилась подписать соглашение с правительством, в том числе Апостольская Церковь, Православная Церковь Константинопольского Патриархата, буддийский Союз, Свидетели Иеговы, мормоны и хинду (индуисты). Почти 15 лет – до 2007 года – заняло подписание соглашения с правительством, и еще 6 лет – пока соглашения был окончательно утверждены парламентом в начале этого года. Таким образом, процесс от начала до конца занял около 20 лет.

Произвольность

Во многих странах процесс регистрации позволяет правительствам пользоваться чрезмерной свободой действий, принимая решения о регистрации (нерегистрации) той или иной группы. Как показывает опыт, когда исполнительная власть имеет чрезмерную свободу, решения могут быть произвольными (необоснованными). Например, недавно в Болгарии церкви было отказано в регистрации со стороны директора департамента по делам религий без ясного объяснения отказа. После отказа в регистрации церковь внесла поправки в свой устав и обжаловала решение в [Болгарский] Апелляционный суд. В регистрации снова было отказано и четких объяснений, почему церковь не зарегистрировали, или что должно быть изменено для регистрации, не было дано. В настоящее время дело находится на стадии апелляции в Верховном суде.

Другой пример дела в Европейском суде по правам человека – из Хорватии. Хорватское правительство приняло инструкцию, согласно которой для регистрации требуется принадлежать к «высшему церковному уровню», а именно – являться исторической религиозной общиной европейского культурного круга. Любая церковь, которая не была включена в это определение, «должна присутствовать в Хорватии с 6 апреля 1941 года и иметь более 6000 членов». Несколько хорватских церквей не отвечали данным критериям, что не позволило им получить доступ к «высшему церковному уровню» страны. В 2005 г. правительство отказало в доступе к «высшему уровню» реформистам, а в 2006 г. соответствующее решение правительства было оставлено в силе хорватским Конституционным Судом, после чего вышеуказанное требование правительственной инструкции стало предметом жалобы в Европейский суд по правам человека (Союз церквей «Мир жизни» и другие против Хорватии [Savez crkava "Riječ života" and Others v. Croatia] (№ 7798/08). Ведь отказ в доступе к «высшему уровню» исключил для церковных организаций целый ряд возможностей: обеспечивать религиозное образование в государственных школах и детских садах; осуществлять заключение религиозных браков, признаваемых государством; осуществлять пастырское попечение в учреждениях здравоохранения, соцобеспечения, в тюрьмах. Государство-ответчик не представило объяснений, почему церкви-заявители не отвечали этому критерию. Европейский суд по правам человека постановил, что Хорватия нарушила статью 14 Конвенции (о недискриминации), в совокупности со статьей 9 (свобода религии).

Отсутствие средств правовой защиты

Регистрация в некоторых европейских странах не обеспечивает эффективных средств правовой защиты группам, которым было отказано в регистрации. Например, в 2011 году венгерское правительство изменило закон, регулирующий регистрацию религиозных общин, в процессе чего была отменена регистрация для сотни церквей. Многое можно сказать об описанной ситуации, которая в настоящее время рассматривается Страсбургским судом, но я хочу выделить основную проблему – для церквей, которым было отказано в регистрации, нет никакой возможности пересмотра этого решения. Согласно новому закону, «для признания ассоциации в качестве церкви необходимо 2/3 голосов членов парламента».

Парламент является высшим государственным органом согласно Основному Закону Венгрии. Парламент может свободно голосовать «за» или «против» регистрации (признания) Церкви. Если парламент отказывает в регистрации, нет никакой возможности административного, законодательного или судебного обжалования. В результате этого у религиозной группы нет никаких возможностей для юридических претензий или обжалования такого решения, даже если она отвечает всем критериям, установленным законом.

Хотя решение по делу против Венгрии до сих пор не вынесено Европейским судом, вполне вероятно, что это отсутствие внутренних средств правовой защиты является нарушением Конвенции.

Современные проблемы: требования к регистрации

Теперь рассмотрим ряд проблем, связанных с регистрационными требованиями. Существуют многочисленные требования, предъявляемые к церквям, которые желают зарегистрироваться. В разных странах действуют разные системы, и в странах с многоуровневой системой требования для причисления к «высшему уровню» чрезвычайно жесткие.

Число членов

В большинстве стран Европы законы требует иметь минимальное число членов для регистрации религиозной общины. В странах, где существует многоуровневая система регистрации, зачастую требуется слишком большое минимальное количество членов, чтобы войти в «высший уровень». Например, в Словакии церковь должна иметь 20 000 членов для того, чтобы получить статус «высшего уровня». В Австрии церковь должна иметь членов в количестве, составляющем по меньшей мере 0,2 % от населения страны – около 16 700 членов – с целью получения статуса «высшего уровня»; в Чешской Республике церковь должна иметь членов в количестве, составляющем по меньшей мере 0,1 % населения – около 10 000 членов. Весьма вероятно, что такие количественные требования нарушают нормы международного права, например, руководящие принципы ОБСЕ 2004 г., гласящие, что «высокие минимальные требования к членству не должны быть позволены в отношении получения статуса юридического лица». Доклад Специального докладчика ООН 2011 г. рекомендует: «Регистрация не должна быть обусловлена многочисленными формальными требованиями о количестве членов».

Время

В некоторых странах, особенно имеющих «многоярусную систему», доступ к статусу «высшего уровня» может зависеть от длительности периода существования организации в стране или на международном уровне, что в некоторых случаях может означать очень долгое ожидание регистрации. Например, для получения статуса «высшего уровня» в Португалии церковь должна существовать в стране на протяжении 30 лет или 60 лет на международном уровне. Для получения статуса «высшего уровня» в Венгрии церковь должна быть представлена в стране в течение не менее 20 лет (как общественное объединение) или в течение 100 лет на международном уровне. В Литве церковь, которая не является одной из девяти признанных государством «традиционных» религиозных общин, должна быть зарегистрирована уже на протяжении 25 лет, прежде чем она может стать признанным «нетрадиционным» религиозным объединением. В Австрии церковь должна существовать в течение более чем 20 лет, по крайней мере 10 из которых она должна быть зарегистрированной религиозной общиной, для того, чтобы получить статус «высшего уровня». В Румынии религиозное объединение для признания в качестве конфессии должно непрерывно существовать на территории страны в качестве религиозного объединения не менее 12 лет.

Опять же, некоторые из этих периодов ожидания можно рассматривать как нарушение международных норм. Например, руководящие принципы ОБСЕ 2004 г.: «Неуместно требовать длительного существования в государстве для разрешения регистрации». Доклад Специального докладчика ООН 2011 г. рекомендует: «Регистрация не должна зависеть от многочисленных формальных требований о количестве членов и времени, которое данное сообщество существует».

Европейский суд рассмотрел 10-летний период ожидания, необходимый, согласно австрийскому законодательству, по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии» заявив, что: «Возможность приобрести права юридического лица через создание дополнительных объединений не может компенсировать длительный отказ властей предоставить эти права религиозному сообществу непосредственно, так как государство обязано оставаться нейтральным и беспристрастным в осуществлении регулирующей функции в сфере религиозной свободы и в своих отношениях с различными религиями, конфессиями и верованиями».

В связи с таким периодом ожидания необходимо особое наблюдение со стороны Суда. Суд может признать, что такой период необходим в исключительных случаях, таких как случаи с вновь созданными и ранее неизвестными религиозными группами. Но такие действия сложно оправдать в отношении давно существующих на международном уровне и давно находящихся в стране религиозных групп, которые известны компетентным органам и специалистам. В отношении таких религиозных групп власти должны иметь возможность проверить, насколько эти группы отвечают требованиям соответствующего законодательства, но в значительно более короткий срок.

Таким образом, если страны ввели длительные сроки для регистрации, то они находятся на очень «тонком льду» – в некоторых случаях большой срок будет являться нарушением Конвенции.

Названия

Еще одно требование относится к названию. В некоторых европейских государствах, в частности, в странах бывшей Югославии в рамках Балканского региона, не приветствуется существование церквей с одинаковыми или похожими на другие, уже признанные церкви, названиями. Таким образом, в качестве условия регистрации церковь должна выбрать название, которое сначала утверждается государством. Например, в Сербии закон гласит, что: «Религиозная организация, чье название содержит название или часть названия другой церкви или религиозной общины уже внесенной в реестр, или организации, которая подала заявку раньше, в Реестр не вносится». В результате реформистскому движению адвентистов седьмого дня было отказано в регистрации, потому что их имя содержит часть имени уже зарегистрированной церкви адвентистов седьмого дня.

Македонская и Черногорская православные церкви, самые большие несербские православные церкви, действующие в Сербии, остаются незарегистрированными из-за «одноименного» запрета. В связи с тем, что наименование «православная» уже содержится в названии зарегистрированной Сербской Православной Церкви, и ни одна из других православных церквей не может быть зарегистрирована. Правительственные чиновники ранее заявляли, что не будут регистрировать две группы, потому что они не хотят принимать участие во «внутреннем расколе» в Сербской Православной Церкви. Аналогичным образом, Сербская Православная Церковь не признается в Черногории и в Македонии.

Определение

Существует также вопрос о том, соответствуют ли конкретные группы определению религиозной общины. Поскольку признание государством зачастую влечет налоговые и иные льготы, то понятно, что церкви, стремящиеся получить признание, должны удовлетворять некоторым основным сформулированным требованиям. Так, официальное обоснование недавнего более строгого закона о религии в Венгрии было связано с желанием отфильтровать «церкви», которые явно не отвечают определению религиозной общины. Примеры в Венгрии включают «Милых Паломников от А до Я», «Венгерскую Ассоциацию Ведьм» и «Церковь веселья». В то время как многие европейские страны сохраняют широкое определение религии и позволяют церкви устанавливать собственные доктринальные заявления, если они отвечают минимальным требованиям, таким как ненарушение уголовного закона государства или конституции, в некоторых странах процесс признания предполагает значительный пересмотр содержания или характера церкви, стремящийся зарегистрироваться. Например, в Чехии церковь должна отвечать слишком обширным критериям, прежде чем она будет признана. Закон не позволяет «формирование и развитие церкви», если учения или деятельность церкви угрожает «равенству граждан», или она не «учитывает другие церкви». Кроме того, церковные учения не должны противоречить «принципам толерантности, разжигать нетерпимость, ограничивать личную свободу лиц, особенно с помощью психологического давления», и не должны быть тайной. Во Франции регистрация (например, ассоциация Cultuelle) означает участие в очень

ограниченных мероприятиях, связанных с формальными церемониями или богослужением. Если же церковь стремится работать в других (благотворительных, учебных или культурных) сферах, то необходима регистрация в качестве культурной ассоциации (ассоциация Culturelle).

Юридическое определение богослужения и религии (culte) является очень узким и не подходит для всех религий, заставляя многие церкви иметь два вида организаций. Различие порождает много практических проблем. Например, если церкви принадлежит здание (что уже распространенное явление для Франции), в нем можно заниматься только религиозной деятельностью. Согласно такому узкому определению религии, большинство церковных зданий могут быть использованы только в воскресенье для поклонения, или в течение недели на молитвенных собраниях. Они не могут быть использованы для других видов деятельности и не могут быть сданы в аренду другим организациям для нерелигиозной деятельности.

Имели место следующие ситуации, когда налоговые контролеры обнаруживали, что, например, комната в здании церкви не используется для религиозной деятельности (ванная комната, библиотека, хор, комната для репетиций) и, соответственно, нельзя применить освобождение от налогов, хотя остальное здание попадает под налоговые льготы.

Как видим, вопрос о регистрации церкви в Европе довольно сложен. В связи с различиями моделей церковного устройства, государственных отношений, историй и культур различных стран пока не существует единое решение по регистрации религиозных организаций, которое подходило бы всем. Тем не менее, Организация Объединенных Наций, ОБСЕ и Европейский суд по правам человека ясно дали понять, что свобода религии НИКОГДА не должна быть ограничена правительством или бюрократией. Чем больше свободы предоставляется церкви в процессе признания и функционирования, тем больше уверенность, что соответствующая модель взаимодействия государства и церкви соответствует международным стандартам.

Попов Лачезар

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СТ.9 (2) И СТ. 10 (2) ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРАКТИЧЕСКОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ

Дело 1. Истец «Церковь господа» (София, Болгария)

11.07.2013 Апелляционный суд Софии подтвердил отказ Софийского городского суда в регистрации «Церкви Господа». Истец обжаловал решение в Верховный кассационный суд. В соответствии с пунктом 1 статьи 280 раздела 2 и раздела 3 Гражданско-процессуального кодекса Болгарии, истец утверждает, что решение

необоснованное и неправильное из-за серьезного нарушения содержательных и процессуально-правовых процедур. В данном случае мы сталкиваемся с игнорированием права на свободу объединений, определенного в пункте 1 статьи 44 Конституции Болгарии. Только 10-15% случаев, доведенных до Верховного кассационного суда, принимаются для рассмотрения по существу. Поэтому знание процедуры подачи кассационной жалобы имеет решающее значение для успешного обжалования.

Порядок действий (процедур) (статья 280; Пункт 1; Пункты 2 и 3):

1. Правовой вопрос, поданный в Верховный кассационный суд, должен содержать четкую и ясную формулировку.

2. Основание для принятия кассационной жалобы возникает, когда вопрос, подлежащий компетенции судебной власти (правовой вопрос), имеет существенное значение для исхода дела и разрешен вопреки толкованиям, решениям или постановлениям Пленума Верховного Суда.

3. Основание для принятия кассационной жалобы возникает, когда вопрос, подлежащий компетенции судебной власти (правовой вопрос), имеет существенное значение для исхода дела и разрешен вопреки решениям или постановлениям судебной системы (1-й инстанции, апелляционного суда или Верховного кассационного суда).

4. Вопрос, подлежащий компетенции судебной власти (правовой вопрос), должен способствовать изменению реализации закона и судебной практики.

а) Экспертиза решения должна способствовать изменению судебной практики, которая на данный момент является результатом неправильной интерпретации закона.

б) Вопрос, подлежащий компетенции судебной власти (правовой вопрос), должен способствовать модернизации интерпретаций прецедентного права с учетом изменений законодательства и социальных условий.

в) Вопрос, подлежащий компетенции судебной власти (правовой вопрос), должен быть актуальным для развития и обновления прецедентного права, когда оно является неполным, неясным или противоречивым.

Причины, изложенные в рассматриваемой жалобе: обжалуемое решение не способствует надлежащему применению закона и правильному толкованию прецедентного права в соответствии с Пояснительным Решением 1/2010 Генеральной Ассамблеи Верховного кассационного суда.

В защиту вышеуказанного, основываясь на ст. 280, пункт 1, часть 2, заявитель представляет правовые основания Конституционного суда (ст. 2 и 3 Решений Конституционного суда 12/2003, дело Конституционного суда № 3/2003).

В поддержку своих аргументов заявитель представляет также правовые основания Верховного административного суда (ст. 5 решения 11820 от 19.12.2002, решение по административному делу № 7035/2002 изложены Группой пяти судей).

Выявлено нарушение права истца обращаться и получать информацию, данное право закреплено в статье 41 Конституции Болгарии. Решения суда также нарушают принцип верховенства права, закрепленный в пунктах 1 и 2 статьи 13

Конституции Болгарии: практика любой религии не должна быть ограничена и религиозные институты должны быть отделены от государства.

Отказ Софийского Апелляционного суда был обоснован ст. 7 Закона о религиях Болгарии, который основан на пункте 1 ст. 37 Конституции Болгарии, но не было указано какой из пяти пунктов ст.7 Закона о религиях был нарушен в этом деле.

Закон о религиях Болгарии (ст. 7)

1) Свобода вероисповедания не может быть направлена против национальной безопасности, общественного порядка, здоровья и морали народа или против прав и свобод других лиц.

2) Религиозные общности и институты, равно как и религиозные убеждения, не могут использоваться для политических целей.

3) Право на вероисповедание не может ограничиваться, за исключением случаев, указанных в п. 1 и 2.

4) Права и свободы лиц, являющихся членами религиозной общности, не могут ограничиваться внутренними правилами, ритуалами и обрядами данной общности или института.

5) Религиозные общности и институты не могут вовлекать в свою деятельность малолетних лиц, если на это нет согласия их родителей или опекунов. Несовершеннолетние лица могут вовлекаться в деятельность религиозных общностей и институтов за исключением тех случаев, когда родители или опекуны этих лиц выражают свое несогласие.

В нашем деле на кассационной стадии также не было указано, какие именно практики Верховного кассационного суда легли в основу решения Апелляционного суда Софии, при утверждении решения Софийского городского суда.

Следующий аргумент обоснования отказа Суда заключается в том, что не был предоставлен письменный протокол встречи, когда был принят пересмотренный Устав заявителя. Пересмотренный Устав был подписан всеми учредителями без исключения, что свидетельствует об их общей воле. Устав является достаточным доказательством действий учредителей, потому что они все подписали и согласились с правками, внесенными в Устав. В Уставе заявитель указывает пункт, в котором говорится, что Устав вступит в силу только после одобрения компетентными органами Республики Болгария. Следовательно, учредители не нарушают процедуру, изложенную в Уставе, потому что указанные две даты (12.07.2012 и 17.09.2012) не были юридическим условием, при котором Устав вступит в юридическую силу. Устав должен быть утвержден судом для вступления в законную силу.

Софийский Апелляционный суд указывает, что литургические практики подробно не были описаны в Уставе. Тем не менее, Суд не указывает, на каком правовом акте основывается его решение, так как такие требования не существуют в действующем законодательстве в соответствии со статьей 7 и статьей 17 п. 2 Закона о религии.

Закон о религиях Болгарии (ст. 17)

Устав данного вероисповедания в обязательном порядке должен содержать:

1) наименование и адрес центрального представительства данной религиозной организации;

2) изложение религиозных взглядов и богослужебной практики;

3) описание структуры и органов данной религиозной организации;

4) способ определения управляющих органов, их полномочия и продолжительность их мандата;

5) список лиц, имеющих право представлять данное вероисповедание, и способ их определения;

6) способы принятия решений и процедуры созыва заседаний органов управления данного вероисповедания;

7) способы финансирования и имущество;

8) способ прекращения деятельности данной организации, ее ликвидации.

Истец сталкивается с непониманием, что означает «литургическая практика не указана в деталях» и почему это попадает под нарушение статьи 7 Закона о религиях. Даже при наличии доказательств для применения статьи 7 Закона о религиях Суд должен применить статью 8 Закона. Возможные меры для ограничения свободы вероисповедания прописаны в ст.7 и ст. 8 Закона о религии. Правовая мера «отказ от первоначальной регистрации» отсутствует в этих упомянутых статьях.

Вывод: право истца на получение точной и конкретной информации, гарантированное ст.41 Конституции Болгарии нарушено.

Конституция Болгарии (ст.41)

Ст. 41. (1) Каждый имеет право на сбор, получение и распространение информации. Осуществление этого права не может быть направлено против прав и доброго имени других граждан, а также против национальной безопасности, общественного порядка, здоровья и морали.

(2) Граждане имеют право на получение информации от государственного органа или учреждения по вопросам, представляющим для них законный интерес, если информация не является государственной или иной, защищенной законом тайной, или не затрагивает ничьих прав.

Решение нарушает также ст.44, параграф 1 Конституции Болгарии, который гарантирует право истца на свободу ассоциаций.

Конституция Болгарии (ст.44)

Ст.44 (1) Граждане могут свободно объединяться.

Своими аргументами Софийский Апелляционный суд не содействует: исполнению основных принципов гражданской юрисдикции, предусмотренных в Гражданском процессуальном кодексе в ст.5 (Законность) и ст.10 (установление истины), надлежащему осуществлению закона и правильной интерпретации юрисдикции Верховного кассационного суда.

Статья 5. Суд заслушивает и решает дела по точному смыслу законов, и, когда они являются неполными, неясными или противоречивыми – в соответствии

с их здравым смыслом. В отсутствие закона суд основывает свое решение на основных принципах закона, обычая и морали.

Статья 10. Суд обеспечивает сторонам возможность и помогает им установить факты, которые имеют отношение к решению дела.

Что касается указанных причин, то оспариваемое постановление Софийского Апелляционного суда является неправильным и нарушает нормы материального права и судопроизводства, и, следовательно, не должно быть оправдано. Соответствующие основания мы находим в статье 9 и статье 10 Европейской конвенции по правам человека, которая воспроизводится в болгарском законодательстве

Европейская конвенция по правам человека

Ст.9 Свобода мысли, совести и религии

1.Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10 Свобода выражения мнения

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

2. Лилиан Ладели и Гари Макфарлейн (истец) против Соединенного Королевства (ответчик)

Нарушения Европейской конвенции по правам человека (ст.9 Свобода мысли, совести и религии):

Европейский суд по правам человека считает права, гарантированные статьей 9, одним из основополагающих принципов демократического общества. Суд постановил, что свобода вероисповедания является одним из важных элементов для определения личности верующих и их мировоззрения. Свобода выбирать

веру и исповедовать является неприкосновенной свободой, защищенной Европейской конвенцией. Дискриминационное обращение с вероисповеданием (религией) по историческим, этническим или иным причинам нарушает Европейскую конвенцию. Уважение разнообразия верований (религий) и убеждений – одно из основных обязательств государства. Человек должен иметь возможность свободно выбирать свои религиозные и моральные убеждения и религиозную принадлежность. Свобода мысли, совести и религии является выбором между свободой и тиранией. Свобода не может существовать, когда совесть индивида находится в плену.

Отказ от призыва в армию по убеждению:

1. Суд повторяет, что плюрализм, терпимость и широта взглядов являются отличительными чертами демократического общества. Хотя отдельные интересы должны время от времени быть подчинены интересам группы, демократия не означает, что взгляды большинства должны всегда превалировать, необходимо соблюдать баланс, который обеспечивает справедливое и надлежащее отношение к людям из меньшинств и избегать любых злоупотреблений доминирующим положением.

2. Могут возникнуть некоторые сомнения в том, какие гарантии попадают под защиту Конвенции. Без четких толкований Конвенции правоведческие доводы не должны размывать понимания прав, закрепленных в ст. 9, когда они вступают в противоречие с проблемами сексуальной ориентации.

Вмешательство в свободу совести:

1. Несмотря на защиту религиозной свободы в соответствие с Конвенцией, Великобритания демонстрирует, что будет игнорировать право на свободу мысли, совести и религии каждый раз, когда оно вступает в конфликт с защитой сексуальных привилегий и ориентации.

2.1. Например, муж и жена были признаны правонарушителями за то, что они не позволили однополой паре использовать одну кровать на двоих в своем частном гостевом доме, несмотря на их четкое уведомление для всех гостей (независимо от сексуальной ориентации), что из-за их христианских убеждений они обеспечивают двуспальную кровать только супружеским парам.

2.2. Религиозные (и, в частности, католические) агентства по усыновлению, которые хотят сохранить христианский дух, были вынуждены либо секуляризоваться, либо прекратить свое существование из-за отказа облегчать усыновление однополым парам. Позиция католических агенств по усыновлению мотивируется библейскими запретами гомосексуального поведения.

3. Этот случай четко устанавливает шаблон, по которому христиане подвергаются маргинализации и дискриминации, когда их подлинные религиозные убеждения сталкиваются с привилегиями для тех, кто практикует гомосексуальное поведение под ложным предлогом законов, поддерживающих терпимость.

4. Очевидно, что свобода мысли, совести и религии без «права совести» (вероисповедания) уже не является фундаментальным правом, которое гарантируется в соответствии с Конвенцией. Оно обретает более жесткие ограничения свободы

вероисповедания, которые защищают только частные проявления веры. Точно сказано: религиозная вера допускается при условии, что ее проявление не касаются других граней гражданского общества.

5. Несмотря на то, что правительство Великобритании неоднократно заявляло, что не существует никакой иерархии прав, и что закон о недискриминации в Великобритании одинаково защищает религиозные убеждения и сексуальную ориентацию, теперь ясно, что в тех случаях, где свобода религии и свобода совести встречается с принципом недискриминации в контексте сексуальной ориентации, притесняются именно верующие

Обоснование вмешательства

Для законного вмешательства в свободу мысли, совести и религии необходимы три критерия:

1. рассматриваемое вмешательство должно быть предусмотренным законом;

2. должно преследовать законную цель;

3.должно быть необходимым в демократическом обществе.

Во-первых, в соответствии с действующим законом, единственный способ защиты христиан, которые критически воспринимают гомосексуальное поведение или сексуальную активность вне брака – это избежать любого трудоустройства, где их убеждения могут быть скомпрометированы. На сегодняшний день отсутствует точность и ясности в разработке законов о сексуальной ориентации, что делает невозможным для многих христиан исповедовать догматы своей веры в общественных местах, либо на работе, или в сфере оказания услуг. Во-вторых, для того, чтобы вмешательство в свободу вероисповедания и совести не нарушало Конвенции, оно должно преследовать законную цель. Статья 9 § 2 ограничивает законные цели, преследуемые государством, а именно: в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Наконец, любое вмешательство в свободу мысли, совести и вероисповедания должно быть необходимым в демократическом обществе. Таким образом, закон может не только защитить терпимость к сексуальным пристрастиям других, закон должен также защищать религиозные и моральные взгляды верующих по отношению к этим сексуальным пристрастиям. Для того, чтобы такое вмешательство было необходимым в демократическом обществе, оно должно отвечать острой социальной потребности и в то же время, оставаться соразмерным преследуемой правомерной цели.

При нарушении свободы религии, задача Суда определить пределы «дозволенного» в каждом конкретном случае и принять во внимание то, что поставлено на карту, а именно необходимость сохранения истинного религиозного плюрализма, который присущ демократическому обществу.

Суд напоминает, что понятие частной жизни согласно пониманию статьи 8 Конвенции представляет собой широкое понятие, которое включает в себя право на личную автономию и личное развитие. Суд также считает, что факты, демонстрирующие неспособность властей оставаться нейтральными в осуществлении своих полномочий в этой области приводят к тому, что государство вмешивается

в свободу верующего исповедовать свою религию согласно статье 9 Конвенции. Соответствующие положения о религии и убеждениях, а также сексуальной ориентации предписывают равную защиту от дискриминации для людей христианской веры и для людей на основании их сексуальной ориентации.

Вывод:

Судебная практика, регулируемая судом, должна уделять особое внимание вмешательству государства в свободу мысли, совести и религии. Статью 14 (о дискриминации) следует применять таким образом, чтобы предотвращать дискриминацию, если она не пропорциональна любой законной цели, статью 9 следует рассматривать в сочетании со ст.14.

Ограничение ст. 9 права на свободу совести по отношению к трудовой занятости является незаконным ограничением свободы мысли, совести и религии. Ограничения прав, закрепленных в ст. 9, должны быть соразмерны законной цели и необходимы в демократическом обществе, разумный компромисс для религиозных верований четко предусмотрен в рамках защиты, предоставляемой в соответствии с Конвенцией.

Недавнее признание права на отказ от военной службы для религиозных верующих, принятое совместно с резолюцией Парламентской Ассамблеей Совета Европы, подтверждает, что разумные компромиссы должны быть предоставлены по религиозным убеждениям в случаях, когда не возникает неоправданных трудностей для работодателей в повседневном ведении деятельности.

Самостоятельная практика определения свободы, которая предоставляется для государств-членов, должна быть сведена Судом до минимума.

Дело 3. Свобода слова, ст. 10 ЕКПЧ.

Примеры:

1.Пастор Оке Грин, Боргхольм, Швеция

2 Елена Мудрович, Загреб, Хорватия

3 Римско-католический епископ; Ирландия

4 Епископ Хуан Антонио Reig PLA.; Алькала-де-Энарес, Испания

Пастор Оке Грин, Боргхольм, Швеция

20 июля 2003 года пастор Оке Грин произнес проповедь в Боргхольме (Швеция), на тему гомосексуального поведения и благодати. Прокуратура возбудила против него уголовное дело, основываясь на принятом в Швеции в 2002 г. законе против «пропаганды ненависти» в связи с «сексуальной ориентацией», пастор был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. В 2004 г. «Адвокаты Европы» объединили усилия с правозащитниками и в результате пастор Оке Грин был оправдан шведским апелляционным судом. В 2005 году главный прокурор Швеции обжаловал решение в Верховный суд Швеции с мотивом, что существует необходимость специального «интерпретативного» решения Верховного суда о практике судебной системе в подобных случаях. Верховный суд Швеции принял единогласное решение 29 ноября 2005 года об оправдании пастора Грина. При принятии решения Суд рассмотрел практику ЕСПЧ и, применив ее, утвердил

свободу духовенства проповедовать в церквях то, во что они верят, без цензуры государства.

Елена Мудрович, Загреб, Хорватия

7 марта 2011 года в Загребский окружной суд от Ассоциации лесбиянок поступил иск против пожилой католической учительницы начальных классов Елены Мудрович о «разжигании ненависти», Елена Мудрович во время обучения на уроке «Христианского катехизиса» говорила, что гомосексуальное поведение неестественно, преподавание основывалось на утвержденном государством учебнике. Против данной Загребской школы и Елены Мудрович был подан иск с обвинением ее в «гомофобии» из-за плохо определенной в законе страны «пропаганде нетерпимости (разжигании ненависти)». Католические верующие протестовали, считая, что это требование поддерживает «христианофобию». Суд вынес решение в пользу г-жи Мудрович, но стресс во время дела, которое продолжалось год, привел к тому что, Елена Мудрович получила инсульт. Правительство ответило, что нет необходимости менять существующий католический учебник.

Римско-католический епископ; Ирландия

11 августа 2011 г. уголовное расследование было начато в Ирландии против римско-католического епископа Филиппа Бойса по статье «разжигание ненависти». Епископ высказался о «светской и безбожной культуре», и о том, что только верующие «знают, что их жизнь не закончится в пустоте». Жалоба была направлена в полицию, которая в свою очередь отправила иск в Генеральную прокуратуру. Пока нет никаких сведений о начатом преследовании.

Епископ Хуан Антонио; Алькала-де-Энарес, Испания

Иск подан в провинцию прокуратуры Мадрида (Испания) с целью уголовного преследования епископа Хуана епархии Алкала де Энарес за проповедь во время мессы в Страстную пятницу, в которой он называл добродетели безгрешной жизни. Событие произошло 6 апреля 2012 г. Эта проповедь была показана по телевидению государственной вещательной компании Испании. Епископ говорил о характере и последствиях разрушительного греховного поведения, прелюбодеяния, воровстве и невыплате заработной платы работникам. Также он говорил о гомосексуальном поведении как одном из грехов, которых следует избегать.

Группа LGTB (лесбиянки, геи, бисексуалы и транссексуалы) обвинили его в оскорблении. После их реакции, последующей за проповедью, епископ согласился дать интервью Интернет службе новостей «Религия Свободы», в котором он заявил: «... Все, что я говорил в моей проповеди, соответствует учению Католической Церкви», и что к тем, кому свойственно гомосексуальное поведение, необходимо относится с «уважением, состраданием, и деликатностью» и что «следует избегать несправедливой дискриминации в отношении таких людей».

Тем не менее, этого оказалось недостаточно для ЛГБТ группы «COLEGAS», поэтому они подали иск в испанскую Генеральную прокуратуру, обвиняя епископа в «подстрекательстве к дискриминации и ненависти». Епископ ответил на кри-

тику, сказав: «Я не хочу никого обидеть, но я не буду отрекаться от своих слов о правде и милосердии».

Данные дела действительно демонстрируют растущую международную тенденцию, которая оказывает сковывающий эффект на свободу слова, в частности, в отношении спорных тем, таких как религия и сексуальная этика.

Защита свободы слова

1. Защита свободы слова ст. 10 Конвенции тесно связана со ст. 9 (свобода религии) и ст. 11 (свобода ассоциаций).

2. Европейский суд по правам человека заявил, что свобода слова имеет «особое значение» в соответствии с Конвенцией. Свобода слова представляет собой одну из главных основ для демократического общества, одно из основных условий для его прогресса и самореализации каждого человека».

3. Свобода «оскорблять, шокировать или внушать беспокойство» (объект тех ограничений пункта 2 статьи 10) – «свобода выражения мнений», которая применима не только к «информации» или «идеям», изложенным в дружелюбной форме, но и к тем высказываниям, которые оскорбляют, шокируют или вызывают обеспокоенность у государства или какой-либо части населения.

4. Национальные суды государств помогли добиться положительных заявлений о важности защиты от «оскорбительной» речи.

5. Статья 10 ЕКПЧ действует в качестве гарантии в тех случаях, когда национальные власти необоснованно ограничивают свободу слова, и часто используется в национальных судах для защиты свободы слова (пастор Оке Грин, 2005).

Пределы свободы слова:

Существует два законных способа ограничения свободы слова в соответствии с Конвенцией: исходя из статьи 10 или статьи 17 ЕКПЧ, применяя критерий статьи 10 § 2, чтобы оправдать вмешательство в свободу выражения мнения: если высказывания не находится под защитой статьи 10; либо ограничения должны быть предусмотрены законом, преследовать законную цель и быть необходимыми в демократическом обществе. Во-первых, любое ограничение на свободу слова должно основываться на внутреннем законодательстве соответствующего государства. Если нет никаких оснований во внутреннем законодательстве для ограничения, Суд найдет нарушение статьи 10. Во-вторых, ограничение должно преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных в статье 10 § 2. В-третьих, вопрос о том, может ли ограничение быть оправдано, зависит от того, было ли ограничение необходимым в демократическом обществе. Оценивая необходимость ограничения свободы слова, Суд все чаще анализирует характер или содержание высказываний с точки зрения «необходимости в демократическом обществе».

С одной стороны Суд хвалит свободу слова и считает фундаментом самой демократии, с другой стороны, Суд стремится искоренить «экстремизм» и отслеживать так называемый «язык вражды» (разжигание ненависти). Проблема в том, что никто, в том числе и суд, не в состоянии различать «оскорбительный», но законный язык и незаконный «язык вражды» (разжигание ненависти).

Таким образом, ЕСПЧ справедливо отмечает верховенство свободы слова, но демонстрирует неоднозначный подход к «нетерпимости» или «разжиганию ненависти», не определяя при этом четко, что следует под данными терминами понимать. Если нам нужна свобода безбоязненного выражения мнения, то суд должен защищать это право и в том случае, если высказывание является оскорбительным, даже шокирующим, т.е. «нетерпимым». Признание свободы слова как действительно фундаментального права должно повлечь за собой следующие выводы: во-первых, исключение защиты в отношении отдельных высказываний (основываясь в значительной степени на статье 17) – это, по сути, медвежья услуга для свободы слова и дел, связанных с якобы оскорбительными или спорными высказываниями; высказывания должны быть проанализированы в целом, а жалобы по таким делам не должны отвергаться на стадии приемлемости. Во-вторых, когда ограничение на свободу слова анализируется в соответствии со статьей 10 § 2, ЕСПЧ должен оценить позиции автора, реципиента и так далее, и избежать оценки на основе лишь содержания высказывания как такового. В-третьих, если Суд оценивает содержание высказывания, в ней следует искать угрозы насилия, а не просто высказывания, которые несут лишь «оскорбление» или «нетерпимость».

Фотре Вилли

«КУЛЬТОВЫЕ» ВОПРОСЫ И РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА

Есть ли различие между культами или сектами и религиями? Может ли быть доступна религиозная свобода только так называемым историческим религиям и их верующим? Можно ли отказывать в осуществлении прав и свобод, утвержденных в международных правовых документах, религиозным меньшинствам или духовным движениям, которые называют сектами или культами? Может ли быть ограничено индивидуальное право на исповедание или изменение религии? Я постараюсь ответить на эти вопросы с точки зрения правозащитника и международного права, а не с точки зрения богослова или социолога религий.

Существует ли разница между культом и религией?

Международные документы (статья 18 Всеобщей декларации прав человека ООН, статья 18.1 Международного пакта гражданских и политических правах), гарантируют свободу религии или убеждений[1]. Органы ООН, эксперты-религиоведы считают, что коллективное и индивидуальное исповедание религии или верований необходимо рассматривать в широком смысле, включая нетрадиционные религии и все формы убеждения.

В частности, Комитет ООН по правам человека в Замечаниях общего порядка № 22 отмечает: «Статья 18 защищает теистические, нетеистические и атеистиче-

[1] See http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/0/9a30112c27d1167cc12563ed004d8f15

ские убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений. Понятие «убеждения» и «религия» следует толковать широко. Применение положений статьи 18 не ограничивается традиционными религиями или религиями и убеждениями, которые по своим организационным формам или практике аналогичны традиционным религиям. В связи с этим Комитет беспокоит любая тенденция к дискриминации любых религий или вероисповеданий на любых основаниях, в том числе потому, что они являются вновь созданными или что их исповедуют религиозные меньшинства, к которым может враждебно относиться преобладающая религиозная община».

Кроме того, годовой отчет Специального докладчика ООН по свободе вероисповедания 1996 г. содержит мнение докладчика по вопросам терминологии и необходимости равного отношения ко всем религиям, в том числе так называемых «сект» или «культов»[2]. Во-первых, докладчик отметил неадекватность маркировки определенных групп верований как «сект»: «Термин «секта» имеет уничижительный оттенок. Считается, что секта отличается от религии, и, таким образом, не имеет права на такую же защиту. Такой подход свидетельствует о склонности к дискриминированию и ограничению религиозных свобод, и его трудно оправдать с точки зрения защиты религиозной свободы». Во-вторых, Специальный докладчик пояснил: «Религии не могут отличаться от сект на основе количественных показателей, говорящих, что секта, в отличие от религии, имеет небольшое количество последователей. Это на самом деле не всегда так. Такой подход абсолютно противоречит принципу уважения и защиты меньшинств, который зафиксирован международным правом и моралью. Кроме того, если развивать эту линию аргументации, то чем являются основные религии, если не успешными сектами? …Опять же, нельзя утверждать, что секты не должны пользоваться защитой религиозных свобод только потому, что они не имеют никаких шансов продемонстрировать свою долговечность. История содержит много примеров диссидентских движений, расколов, ересей и реформ, в которых происходило рождение религий или религиозных движений». И, наконец, докладчик сделал вывод: «В целом, различие между религией и сектой слишком надумано, чтобы быть приемлемым. Секта,…призывающая к божественности,… к сверхъестественному, трансцендентному или священному, всходит в религиозную сферу и должна пользоваться защитой религиозных свобод».

Терминология, которая используется при обсуждении этих вопросов, имеет огромное значение. Язык ООН в этой связи является нейтральным и универсальным, он не зависит от восприятия в определенном культурном и религиозном контексте или в определенной части мира, таких как европейских и американских стран с христианскими традициями. Эксперты ООН и договорные органы используют термин «религиозные или системы убеждений», чтобы охватить ши-

---

[2] Report E/CN.4/1997/91 of 30 December 1996, para. 95-98., see http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/(Symbol)/E.CN.4.1997.91.En?Opendocument

рокий спектр религий и мировоззрений, а термин «религиозные или духовные общины», чтобы охватить различные формы религиозных, духовных и нерелигиозных общин или организаций.

Вывод первый: все религиозные или духовные общины по всему миру и их члены имеют равные права. Поэтому верующие должны иметь доступ к тем же правам, а также те же обязанности, что и другие граждане. Правительства должны придерживаться нейтралитета, не должны дискриминировать конкретные религиозные или духовные общины. Правительства также обязаны защищать своих граждан от любых посягательств на их права, независимо от их религии или убеждений.

Второй вывод: свобода религии или убеждений является неделимой. Если религиозное сообщество, лидеры или религиозные служители нарушают законы, которые соответствуют международным стандартам, они должны быть привлечены к ответственности. Если член религиозного сообщества нарушает законы, он / она должен быть привлечен к ответственности, но его / ее сообщество не должно подвергаться стигматизации на основании действий одного из своих членов, нарушающих закон.

Могут ли быть ограничены индивидуальные права в случае изменения религии?

Во многих странах с доминированием ислама, мусульмане не имеют право изменять свою религию. В некоторых странах мусульмане могут быть даже приговорены к смертной казни на основании отступничества. Важно также отметить, что часто граждане сами исполняют закон, так например, в некоторых случаях, люди, перешедшие в христианство, были убиты. В Европе и Америке, где мусульмане находятся в меньшинстве, семьи и общины оказывают интенсивное давление на любого мусульманина, который хочет покинуть свою религию.

В Индии, где индуизм является доминирующей религией, были случаи, когда люди, перешедшие в христианство, были массово и насильственно вновь возвращены в индуизм. Rashtryia Swayamsevak Sang (RSS) – зонтичная группа, которая придерживается жесткой экстремистской линии в индуизме, утверждает, что все люди, родившиеся в Индии, являются индусами и поэтому любой, кто считает иначе, должен быть возвращен в свою индуистскую религию.

Наши западные государства не защищены от плохой практики вмешательства в случае индивидуального выбора религии. В странах с христианской или светской культурами некоторые правительства предупреждают общественность против перехода в новые религиозные или духовные движения, называя их «сектами» или «культами». Новые организации могут быть надлежащим образом зарегистрированы, но правительство все же должно оставаться нейтральным в вопросах религиозной свободы. В связи с этим, ст. 18.2 МПГПП говорит: «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору».

Тем не менее, некоторые государства-члены ООН еще не в состоянии защитить ряд своих граждан от принуждения.

Япония

За последние 40 лет огромное количество взрослых в Японии, которые перешли в Церковь Объединения (Церковь Муна) и Свидетелей Иеговы, были похищены собственными семьями, которые принуждали неофитов к возврату к прежним верованиям. Японские политики, полиция, судебные органы, гражданское общество и международное сообщество по правам человека всегда игнорировали эту давнюю проблему, считая, что эта практика является «семейным делом». Все жалобы на эти действия были объявлены неприемлемыми для уголовного судопроизводства. Небольшое количество жалоб были приняты к рассмотрению судами лишь в рамках гражданского судопроизводства.

Непредоставление жертвам таких похищений прав на равную защиту со стороны закона, безнаказанность виновных, представляют собой серьезное нарушение прав, гарантированных Конституцией Японии, а также международных стандартов в области прав человека, участником которых является Япония.

В 2009 и 2010 гг. было несколько известных случаев. В 2011 году не менее пяти взрослых-неофитов Церкви Объединения были похищены их родителями с целью религиозного «перевоспитания». Как и большинство японцев, родители новообращенных считали себя нерелигиозным, но настаивали на участии в буддийской и синтоистской религиозных практиках.

Большинство новообращенных были молодые женщины. Они в основном принадлежали к семьям среднего класса, и многие имели высшее образование. Некоторые были похищены повторно. Некоторые смогли бежать и продолжили свою жизнь в самостоятельно избранной вере; некоторые из них вернулись в семьи к традиционному религиозному укладу жизни. В нескольких случаях таким людям была оказана помощь по избавлению от «нового культа» со стороны протестантских пасторов.

Похищение, удержание и вынужденное религиозное «перевоспитание» в США и Европе

В Соединенных Штатах и в некоторых европейских странах, похищение и принудительное возвращение в традиционную веру практиковалось негосударственными субъектами в 1970-е и 1980-е годы. Родители ставили цель удержать своих взрослых детей от новых верований против их воли. Насильственные действия родителей были продиктованы любовью и заботой о детях, но во многих случаях эти действия проводили к безвозвратному болезненному разрыву отношений с детьми, утрате денег и времени. Были случаи восстановления семейных отношений, но есть такие ситуации, когда дети держатся подальше от своей семьи из-за страха нового похищения. Некоторые родители сожалели о своих действиях, в то время как другие не чувствовали никаких угрызений совести.

Суды в США и в Европе пришли к выводу, что похищение для насильственного религиозного «перевоспитания» являются нарушением уголовного законодательства. В Европе несколько решений было вынесено судами, согласно которым родители были привлечены к ответственности в рамках уголовных дел.

В Германии в отношении двух британских «де-программистов» был вынесен приговор к лишению свободы на срок три и пять месяцев за незаконное лишение свободы и телесные повреждения, нанесенные 32-летней прихожанке Церкви Саентологии. С этой целью два британских специалиста похитили 32-летнюю неофитку и «лечили» ее, ссылаясь на просьбу ее матери. Два «де-программиста» утверждали, что действовали по инициативе матери. Тем не менее, заявления этих двух граждан в попытке обвинить мать не были учтены судом. В своем решении от 29 декабря 1987 года районный суд Weilheim в Верхней Баварии признал обвиняемых виновными в том, что они «совместно совершили незаконное лишение свободы, а также причинили телесные повреждения».

Против матери было также возбуждено отдельное уголовное дело. Мать согласилась выплатить штраф в 2,000 DM, но впоследствии уголовное дело было прекращено по причине ее тяжелого психического состояния.

В Швейцарии в марте 1989 года Сандро П., который присоединился к движению Харе Кришна, был похищен четырьмя мужчинами по инициативе родителей, которые оба являлись членами SADK – швейцарский антисектантской ассоциации. Целью родителей являлось «депрограммирование» сына. Четыре специалиста – «де-программиста» поместили Сандро П. в изолированнй дом отдыха, где он удерживался против его воли. Два дня спустя, после того, как кришнаиты обратились в полицию, Сандро П. был освобожден полицейскими. Глава «де-программистов», гражданин Великобритании, позже был приговорен к 6 месяцам лишения свободы условно, оба родителя были приговорены к 10-месяцам тюрьмы также условно.

Во Франции, в Ницце, в августе 2011 года, семейная пара похитила 24-летнюю дочь, надели на нее наручники, дали наркотики и вывезли в инвалидной коляске на Корсику. Родители утверждали, что их действия были мотивированы неприязнью к секте, в которую попала их дочь, а также они защищали ее от влияния приятеля, который являлся Antoinist. Оба родителя были впоследствии привлечены к судебному разбирательству за похищение и насильственное удержание. Уголовное дело находится в стадии рассмотрения.

Европейский суд по правам человека руководствуется Европейской конвенцией по правам человека, постановил, что государство не может участвовать или одобрять такие похищения со стороны частных лиц для принудительного возвращения в прежнюю веру.

В своем решении Риера Блюм и другие против Испании (*Riera Blume and others v. Spain)* от 14 октября 1999 года, ЕСПЧ установил нарушение Конвенции со стороны испанского государства, хотя похищение и «депрограммирование» были произведены родителями и анти-сектантской ассоциацией Pro Juventud:

29. (...) заявители были перевезены в каталонских полицейских служебных автомобилях в отель, который находится в тридцати километрах от Барселоны. Там жертвы были переданы их семьям и доставлены в отдельные помещениях под наблюдением людей, завербованных для этой цели, … им не разрешили покинуть свои комнаты в течение первых трех дней. Окна их комнат были плотно закры-

ты деревянными досками, и оконные стекла были закрыты. Заявители якобы подвергались процессу «депрограммирования», который осуществлялся психологом и психиатром по просьбе Pro Juventud. (...)

35. В свете вышеизложенного, Суд считает, что … без активного сотрудничества с каталонскими властями лишение свободы не могло произойти. …Суд приходит к выводу, что имело место нарушение § 1 статьи 5 Конвенции. ЕСПЧ также постановил, что право на свободу вероисповедания должен быть защищено, даже если родственники относятся враждебно к религиозному выбору.

В своем эпохальном решении от 10 июня 2010 г. в деле Свидетелей Иеговы г. Москвы против России, ЕСПЧ подтвердил право осуществлять свою жизнь по своему собственному выбору, и, в частности, подтвердил религиозные свободы. Суд установил, что:

111. Далее, как явствует из показаний свидетелей по делу, то, что было воспринято российскими судами как «принуждение к разрушению семьи», на самом деле являлось разочарованием, испытанным членами семьи, не являющимися Свидетелями Иеговы, вследствие разногласий по поводу образа жизни, избранного их родственниками-Свидетелями в согласии со своими религиозными принципами, и вследствие их возрастающей изоляции ввиду неучастия в жизни Общины, к которой принадлежат их родственники-Свидетели. Широко известно, что религиозный образ жизни требует от своих последователей соблюдения религиозных норм, а также посвящения себя религиозной деятельности, которая может забирать значительную часть времени верующего и иногда принимает такие крайние формы, как монашество, характерное для многих христианских конфессий и в меньшей степени присущее также буддизму и индуизму. Тем не менее, если самоопределение в вопросах религии есть результат самостоятельного и свободного решения верующего – каким бы при этом ни было недовольство его или ее семьи по поводу такого решения, – последовавшую за ним отчужденность нельзя считать распадом семьи, наступившим вследствие влияния религии. Очень часто верно обратное: причиной конфликта становится противодействие со стороны членов семьи, не разделяющих религиозные взгляды, и их нежелание допустить и уважать свободу их верующего родственника на исповедание своей религии и осуществление религиозной деятельности. В тех браках, в которых супруги принадлежат к различным конфессиям или один из них является неверующим, действительно часто возникают трения. Однако такое положение обычно для всех семей, где существует различие во взглядах на религию, и Свидетели Иеговы не являются исключением.

Это решение также содержит некоторые соображения по поводу аргумента «промывания мозгов», сделанное российскими властями, чтобы оправдать запрет деятельности Свидетелей Иеговы, Суд установил, эти доводы юридически несостоятельны и полностью неприменимы:

128. Российские суды также постановили, что Община-заявитель нарушила право граждан на свободу совести ввиду оказания на них психологического давления,

а также применения в отношении них методов «контроля над сознанием» и тотально властной дисциплины.

129. Даже если не принимать во внимание отсутствие общепринятого и научного определения понятия «контроль над сознанием», а также отсутствие определения этого термина в решениях национальных судов, Европейский суд считает достойным особого внимания тот факт, что суды не указали ни одного конкретного лица, чье право на свободу совести было нарушено вследствие применения подобных методов. Также не создается впечатления, что эксперты со стороны прокуратуры беседовали с кем-либо, кто присоединился к Общине по принуждению. Напротив, граждане-заявители и другие члены Общины-заявителя показали в суде, что они сделали добровольный и осознанный выбор религии и, приняв веру Свидетелей Иеговы, следуют ее учениям по собственной воле.

В заключение, ни один аргумент о семейных проблемах или опасения в «промывании мозгов» не может оправдать похищения и насильственные попытки «де-программирования». Похищение и лишение свободы последователей новых религиозных движений, которые добровольно присоединились к новым общинам в Японии, во Франции, в Германии и в любой другой стране, являются незаконными в соответствии с международным правом в области прав человека и национальным уголовным законодательством. Поэтому нет никаких юридических оснований для правительств ограничить индивидуальное право менять религию, чтобы предупредить или препятствовать преобразованиям в религиозных или духовных общинах, которые юридически зарегистрированы, даже если они могут быть источником социальной вражды. Вне зависимости от наличия или отсутствия доминирующей религии или мировоззрения, государства обязаны придерживаться нейтралитета в вопросах свободы вероисповедания, должны защищать своих граждан от насильственного обращения или преследования лиц или групп.

II. ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СООТНОШЕНИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ: ОПЫТ БЕЛАРУСИ, РОССИИ, УКРАИНЫ

Шавцова Дина

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В БЕЛАРУСИ: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СООТНОШЕНИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ

Свобода религии или вероисповедания: содержание права и источники формирования международных стандартов (обзор)

Свобода религии или вероисповедания (далее будем использовать термин «свобода вероисповедания») является важнейшим, фундаментальным правом человека. Данное право относится к категории личных прав и свобод, неотчуждаемо и не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного или военного положения.

Содержание данного права раскрывается в ряде международных документов.

ООН признала важность права на свободу вероисповедания во Всеобщей Декларации прав человека, статья 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения».

В 1966 году был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 18 которого гарантирует:

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

Данное право закреплено и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 9) и в Декларации ООН о ликвидации всех форм нетерпимости на основе религии и убеждений.

Международные стандарты свободы вероисповедания, вытекающие из норм перечисленных договоров, конкретизируются в ряде источников, к которым относятся сообщения Комитета по правам человека ООН и решения Европейского суда по правам человека по соответствующим делам, акты международных конференций (Итоговый документ Венской встречи государств-участников ОБСЕ, 1989 «Вопросы, относящиеся к безопасности в Европе»), документы, принятые специальными международными органами и содержащие толкование норм международных договоров (Замечания общего порядка № 22, приняты Комитетом ООН по правам человека, сорок восьмая сессия, 1993 г.) и рекомендации по их применению (Рекомендации по анализу законодательства о религии и вероисповедании, утверждено Венецианской Комиссией 18.06.2004, одобрено Парламентской Ассамблеей ОБСЕ 5.07.2004. ОБСЕ/БДИПЧ 2004; Свобода религии или убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин. Обзорная конференция ОБСЕ, сентябрь 1999, справочный документ БДИПЧ 1999/4).

Также особо следует отметить, что стандарты данной свободы формируются и нормами законодательства о свободе объединения, о свободе выражения мнения и о правах родителей.

Законодательство Республики Беларусь о свободе вероисповедания

Говоря о национальном законодательстве, в первую очередь следует отметить, что свобода вероисповедания гарантирована статьей 31 Конституции Республики Беларусь, которая отчасти воспроизводит содержание статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религии или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом».

Основы взаимоотношений государства и религиозных организаций закреплены в статье 16 Конституции: «Религии и вероисповедания равны перед законом. Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия

либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности».

Отдельно следует сказать о Международном пакте о гражданских и политических правах как части национального законодательства. Данный пакт является международным договором Организации Объединенных Наций, который был ратифицирован Республикой Беларусь в 1973 году и, соответственно, носит обязательный для государства характер.

В соответствии с частью 3 статьи 33 Закона «О международных договорах Республики Беларусь» «Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта […]».

Право на свободу религии и связанные с ним правоотношения регулирует Закон «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в 1992 г. и действующий в редакции 2002 г. с последующими изменениями и дополнениями. Наряду с данным Законом действуют подзаконные нормативные акты, в частности, Положение об Уполномоченном по делам религий и национальностей, Положение о порядке приглашения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республику Беларусь в целях занятия религиозной деятельностью, Положение об Экспертном совете при Уполномоченном по делам религий и национальностей и порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы, Положение о порядке, условиях содержания и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся и другие.

В Законе «О свободе совести и религиозных организациях» право на свободу вероисповедания закреплено в статье 5 следующих образом: «Каждый имеет право свободно выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться какому-либо принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию той или иной религии, к участию или неучастию в деятельности религиозных организаций. Родители или лица, их заменяющие, по взаимному согласию вправе воспитывать своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии. Государство не может вмешиваться в воспитание ребенка, основанное на определенном религиозном мировоззрении родителей или лиц, их заменяющих, за исключением случаев, когда побуждение к религиозным действиям угрожает непосредственно жизни или здоровью ребенка, нарушает его законные права».

Нельзя не отметить, что первоначальная редакция Закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», действовавшая с 1992 по 2002 год, при определении права на свободу вероисповедания практически в полном объеме

воспроизводила статью 18 Пакта, включая описание допустимых ограничений права. В целом, данный закон в первоначальной виде в большей степени содействовал свободе вероисповедания, чем ныне действующий.

Анализ отдельных положений законодательства на предмет соответствия международным стандартам

Отдельные нормы действующих в Республике Беларусь законодательных актов при их применении вместо гарантий свободы вероисповедания приводят к ее ограничению, в частности, при совместном исповедании религии.

Остановимся на одном общеизвестном в Беларуси примере: группа граждан, приверженцев одной религии, регулярно собираются вместе с целью совершения богослужений, обрядов, иных религиозных действий, изучения религиозного вероучения и религиозного просвещения. Какие требования закона данные граждане должны выполнить, чтобы их действия оценивались как «правомерные»?

По смыслу Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» добровольное объединение граждан, объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения религиозных потребностей, признается религиозной организацией (в данном случае, религиозной общиной). В соответствии со статьей 16 Закона религиозная организация подлежит обязательной государственной регистрации. Для регистрации религиозной общины необходима инициатива не менее двадцати граждан Республики Беларусь. При этом описанная деятельность граждан без соответствующей государственной регистрации религиозной общины может повлечь уголовную ответственность, предусмотренную статьей 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В течение последних лет известны случаи применения данной статьи Уголовного кодекса. В частности, за организацию и участие в деятельности религиозной организации без государственной регистрации в 2012 году в городе Мозыре прокурор вынес официальное предупреждение троим гражданам, участвовавшим в создании протестантской общины. Предупреждение было обжаловано в вышестоящую прокуратуру и в суд, но в результате признано законным. В текущем 2013 году в отношении Алексея Щедрова, католического верующего, было возбуждено уголовное дело. Данное дело было прекращено. Известны и другие случаи вынесения официальных предупреждений гражданам за участие или организацию деятельности незарегистрированных религиозных организаций.

Посмотрим на данную ситуацию с точки зрения как международных стандартов свободы вероисповедания, так и Конституции Республики Беларусь.

Пункт 3 статьи 18 МПГПП предусматривает, что «свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных свобод других лиц». В Замечаниях общего порядка № 22 Комитета по правам человека также указано, что «ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны». В соответствии со статьей 23 Конституции ограничение

прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Не вызывает сомнения, что существование угрозы уголовной ответственности за деятельность религиозной общины без регистрации, является ограничением права. Как уже упоминалось ранее, предыдущая (до 2002 года) редакция Закона не содержала подобного ограничительного требования.

Как отмечают некоторые эксперты, «Вряд ли существует какая-либо острая социальная необходимость, которая «делала бы запрещение защищенной религиозной деятельности «пропорциональной» реакцией. Более того, тяжело согласиться, что регистрация небольших неформальных групп является «необходимой в демократическом обществе»[3].

Обязательная государственная регистрация никоим образом не выполняет функции охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, основных прав и свобод других лиц. Такая охрана обеспечивается при помощи норм уголовного, административного, гражданского законодательства. Тем более, несоразмерно установление уголовной ответственности за деятельность религиозной общины без регистрации.

В Рекомендациях по анализу законодательства о религии или вероисповедании[4] указано: «Регистрация религиозных организаций сама по себе не должна быть обязательной, хотя требование от организации регистрации для приобретения ею правосубъектности и подобных правомочий (льгот) является возможным. Частным лицам и группам лиц должно предоставляться право исповедовать свою религию без регистрации, если они этого хотят[…]»

В Заключении Венецианской комиссии «О соответствии универсальным стандартами прав человека статьи 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь» (№ 633/2011 от 18 октября 2011 г.) разъясняется, что наличие статьи 193.1, которая вводит уголовную ответственность индивида за участие в незарегистрированных объединениях, является одной из форм принуждения, несовместимым с добровольным характером этого права (п.69). Венецианская комиссия считает, что национальное законодательство может потребовать какую-либо регистрацию объединений, а также, что отказ в регистрации может иметь определенные последствия для правового статуса и правоспособности таких ассоциаций (п.75). Тем не менее, Венецианская комиссия напоминает, что такое правовое требование не может быть необходимым условием для существования ассоциации, поскольку это позволило бы местным органам контролировать саму сущность осуществления права на свободу ассоциаций (п.76).

---

[3] Свобода религии или убеждений: законы, влияющие на структуризацию религиозных общин. Обзорная конференция ОБСЕ сентябрь 1999. Справочный документ БДИПЧ.1999/4

[4] утв. Венецианской комиссией на 59-ом Пленарном заседании 18-19 июня 2004 года, одобрено Парламентской Ассамблеей ОБСЕ на ежегодном заседании 5-9 июля 2004 г

Таким образом, само существование в национальном законодательстве нормы, предусматривающей уголовную ответственность за деятельность незарегистрированного объединения, противоречит Пакту.

Такая ситуация несовместима с обязательствами Республики Беларусь по Пакту, согласно статье 2 которого государство обязуется предпринять все меры, необходимые для осуществления всех прав, признаваемых в Пакте. Согласно статье 3 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» «исполнение международных договоров Республики Беларусь осуществляются в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, общепризнанными принципами международного права, Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, другими международными договорами Республики Беларусь, настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь».

Статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров (вступила в силу для Республики Беларусь 31.05.1986 г.) устанавливает: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» (pacta sunt servanda). Эта норма в силу ее универсальности, императивности и последовательного применении государствами имеет статус общепризнанного принципа международного права. Указанный принцип закреплен в Уставе ООН, преамбула которого подчеркивает решимость членов ООН создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права.

Конституция Республики Беларусь в статье 8 признает приоритет общепризнанных принципов международного права, что означает их более высокую юридическую силу по отношению к законодательству государства.

Часть 1 статьи 33 Закона Республики Беларусь «О международных договорах» также закрепляет принцип добросовестного исполнения международных договоров. В соответствии со статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров, участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Следовательно, если какая-либо норма внутреннего законодательства, в данном случае статья 193-1 УК Республики Беларусь, является препятствием к добросовестному исполнению международного договора, в данном случае – Пакта, то она не соответствует статье 8 Конституции и не должна применяться.

Одиноченко Виктор

ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКУ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Тема дискриминации является новой для Беларуси. Она требует своего дальнейшего анализа и обсуждения. Необходимо осмыслить, что такое дискриминация, по каким признакам она может осуществляться, механизмы и сферы этого

осуществления и, соответственно, пути преодоления дискриминации. Поэтому подчеркнем, что приведенные нами замечания имеют предварительный характер и не претендуют на полноту изложения проблемы.

При анализе дискриминации по религиозному признаку необходимо учитывать ту общественную и политическую ситуацию, в которой сейчас находится Беларусь. Она характеризуется:

а) Ограничением основных свобод: слова, собраний, убеждений и т.д. В том числе ограничена и свобода совести. Ограничения, как правило, касаются возможности реализации приверженцами религиозных организаций своих взглядов. Поэтому можно говорить о дискриминации верующих в целом.

б) Стремлением властей контролировать все проявления общественной жизни. Поэтому гражданское общество как независимая от государства сфера активности находится в зачаточном состоянии. В том числе контролю подвергаются и религиозные организации.

в) Стремлением властей обеспечить стабильность в обществе, которую они понимают прежде всего как сохранение существующей политической ситуации. Относительно религиозных организаций это выражается в том, что власти не идут на обострение отношений с ними, но в то же время проводится очень жесткая политика по обеспечению устойчивости, прогнозируемости и управляемости религиозной ситуации.

г) Промежуточным состоянием Беларуси между двумя политическими и религиозными образованиями: Россией, в которой в качестве доминирующей религии официально объявляется православие, и Польшей, где такой религией является католичество. Существует долгая историческая традиция борьбы за влияние на землях Беларуси православной России и католической Польши. Например, во времена Речи Посполитой официально поддерживалось католичество, это была религия господствующих слоев. После присоединения территории Беларуси к Российской империи в конце XVIII века, государственной религией на наших землях стало православие.

д) Вытекающей из этого политикой белорусского руководства. В связи с политическим курсом на укрепление связей с Россией в настоящее время поддерживается православная церковь. Православие официально объявляется частью государственной идеологии белорусского государства. Православная церковь материально поддерживается из средств государственного бюджета. Например, в 2013 году по распоряжению А. Лукашенко было выделено 5 млрд. 413 млн. рублей для оплаты труда преподавателей и работников, обеспечивающих учебно-воспитательный процесс, выплаты стипендий студентам Минской духовной академии, Минской духовной семинарии, Витебской духовной семинарии, а также Минского духовного училища Минской епархии. На отношение к католической церкви со стороны властей Беларуси большое влияние оказывают напряженные отношения с Польшей. Власти Беларуси рассматривают католическую церковь как институт польского влияния. В 2013 году в римско-католических приходах на Беларуси работало 449 священнослужителей, из которых 135 – иностранные

граждане (преимущественно Польши). Аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров (главный государственный орган, осуществляющий контроль за религиозной ситуацией в Беларуси) проводится работа по сокращению числа иностранных священнослужителей, пребывающих в Республике Беларусь.

е) Отказом от политики государственного атеизма, проводимого в Советском Союзе и постепенное налаживание нормальной религиозной жизни. Примерно с 1989 года в Беларуси наблюдается постепенное возрождение религии. Главным объективным показателем этого является рост числа религиозных организаций. Так за период с 1988 по 2013 годы количество религиозных общин увеличилось более чем в 4 (с 765 до 3251), а религиозных направлений – в 3 раза. Произошли не только изменения в законодательстве, но и в реальном отношении властей к верующим. Сейчас люди могут открыто заявить о своих религиозных взглядах, не опасаясь репрессий со стороны властей. Постепенно меняется и отношение в обществе к верующим, на них уже не смотрят как на людей «несовременных», «отсталых» и, тем более, «фанатиков». Налаживается нормальное взаимодействие между государственными органами и религиозными организациями.

В целом же на Беларуси существует толерантность в отношении к верующим, а также во взаимоотношениях между представителями различных религиозных направлений, которая объясняется:

а) Исторической традицией. Беларусь всегда была поликонфессиональным государством. На наших землях столетиями жили представители различных религий. И в настоящее время на площадях многих белорусских городов рядом стоят православная церковь, католический костел и иудейская синагога.

б) Современной поликонфессиональной ситуацией в стране. Ни одна религия у нас не является явно доминирующей, как это наблюдается у наших соседей с востока и запада: России (православие) и в Польше (католичество). В настоящее время на Беларуси действуют 25 зарегистрированных религиозных направлений. Согласно официальным данным, на начало 2013 г. самым многочисленным по количеству зарегистрированных общин было православие (1594 общин), далее идут христиане веры евангельской (517 общин), римско-католики (483 общин) и евангельские христиане-баптисты (287 общин). Несмотря на то, что власти современной Беларуси основное внимание уделяют сотрудничеству с православной церковью, они всячески демонстрируют уважение и к другим конфессиям.

в) Доброжелательным отношением к верующим. Считается, что поскольку они преследовались в Советском Союзе, то сейчас заслуживают уважительного отношения. Однако считается, что верующие должны заниматься только культовой деятельностью и не проявлять общественную и миссионерскую активность.

Основными аспектами религиозной дискриминации в Беларуси являются:

Дискриминация осуществляется прежде всего не по признаку религиозных убеждений, но по признаку религиозной деятельности. Любая общественная активность рассматривается нынешними властями Беларуси с точки зрения того, насколько она способствует или препятствует сохранению существующего по-

литической ситуации в стране. Если религиозные организации или отдельные верующие не проявляют активности и ограничиваются чисто культовой деятельностью, не высказываются по актуальным общественным проблемам, всячески демонстрируют лояльность к власти и поддержку ее действий, то власть не создает им трудностей.

Подавляющее количество религиозных организаций, существующих в настоящее время на Беларуси, являются христианскими. Из действующих в стране трех основных христианских направлений (православие, католичество, протестантство) дискриминации в основном подвергаются протестанты. Объясняется это следующими причинами:

а) Их активностью. Власти Беларуси отрицательно относятся к любой общественной активности, в том числе и религиозной.

б) Они рассматриваются властями как «привнесенные извне» религии. В официальной идеологии считается, что история и культура Беларуси связана с православием. Распространение протестантских организаций воспринимается властями как проявления религиозной экспансии, прежде всего со стороны США. Кроме того, считается, что протестантские организации несут в себе чуждое белорусам мировоззрение.

в) Настороженным отношением к протестантам значительной части населения Беларуси. Долгое время официальная пропаганда в Советском Союзе называла их «сектантами», их обвиняли в антиобщественной деятельности и преступлениях на религиозной почве. Поэтому у людей сформировался негативный образ протестантов.

Из нехристианских религиозных организаций дискриминации подвергаются новые религиозные направления. Это связано прежде всего с затруднением процесса их регистрации. Из религиозных организаций, которые относятся к новым религиозным направлениям, в Беларуси зарегистрировано 6 общин кришнаитов и 5 общин бахаи.

Как правило, основной сферой дискриминации по религиозному признаку в Беларуси является непосредственное осуществление религиозной жизни. Это выражается прежде всего в запрете миссионерской деятельности, создании трудностей для образования и регистрации новых общин. Поддерживается властями миссионерская деятельность и увеличение количества религиозных организаций только Белорусской Православной Церкви (Белорусского экзархата Московского Патриархата), что связано с политической ориентацией властей Беларуси на Россию.

В области образования дискриминация по религиозному признаку при приеме в учебные заведения (в частности, при поступлении в вузы) отсутствует.

Элементы дискриминации по религиозному признаку есть в самом учебном процессе. Прежде всего это проявляется в том, что в 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и Белорусской Православной церковью, в соответствии с которым православных священников в ряде мест приглашают читать на факультативной основе курс «Основы христианской

культуры», а также выступать перед учащимися с беседами воспитательного характера. Представители других конфессий такой возможности не имеют.

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 24 июня 2011 г. № 838, Министерство образования может заключать соглашения о взаимодействии в вопросах воспитания обучающихся только с республиканскими религиозными объединениями, заключившими соглашения о сотрудничестве с Республикой Беларусь в соответствии с гражданским законодательством. В настоящее время таким республиканским религиозным объединением является только Белорусская православная церковь.

Кроме того, учащиеся неправославных вероисповеданий вынуждены слушать православных священников.

В целом в Беларуси сформирована правовая база для обеспечения равных прав людей с различными взглядами на религию и представителей разных конфессий. Также белорусское законодательство предусматривает ответственность за дискриминацию по религиозному признаку.

Однако необходимо учитывать сложность правового регулирования религиозной ситуации в многоконфессиональной Беларуси, а также то, что белорусское законодательство относительно молодое, и в нем могут быть недоработки, в том числе и в отношении преодоления дискриминации по религиозному признаку. Перечислим замечания, которые наиболее часто приводятся в этой связи:

а) Имеется противоречие между первой и второй частью ст. 16 Конституции: «Религии и вероисповедания равны перед законом» и «Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Во второй части фактически провозглашается неравное отношение к религиям со стороны государства, обусловленное их влиянием на формирование «духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Кроме того, непонятно, кто будет определять степень этого влияния.

б) Очень большие возражения вызвала Преамбула принятого в 2002 г. Закона «О свободе совести и религиозных организациях», где сказано: «Настоящий Закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания… исходя из:…признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси; неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». Данные положения порождают недоразумения во взаимоотношениях органов власти и религиозных организациях на местах: хотя в Законе и не употребляется термин «традиционные религии», перечисленные в Преамбуле пять конфессий воспринимаются именно в качестве таковых, а остальные автоматически становятся «нетрадиционными».

в) Следует отметить, что в белорусском законодательстве отсутствует прямая дискриминация граждан по признаку отношения к религии. Однако, многие по-

ложения принятого в 2002 году Закона «О свободе совести и религиозных организациях» построены таким образом, что косвенной дискриминации подвергаются прежде всего протестантские направления и те религии, которые являются для Беларуси новыми.

Например, согласно данному Закону религиозные организации делятся на два вида: общины и объединения: первые образуются не менее двадцатью гражданами Республики Беларусь, достигшими восемнадцатилетнего возраста, проживающими в одном или смежных населенных пунктах для совместного исповедания веры, вторые образуются при наличии не менее десяти религиозных общин единого вероисповедания, из которых хотя бы одна осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь не менее двадцати лет. Согласно новому закону, религиозные общины, не имеют права учреждать собственные средства массовой информации, создавать духовные учебные заведения и готовить кадры священнослужителей, приглашать иностранных священнослужителей для удовлетворения религиозных потребностей верующих. Таким правом наделены лишь религиозные объединения. Возражения вызвало увеличение количества граждан, необходимых для основания религиозной общины (раньше было десять) – это не дает возможности исповедовать свою веру представителям тех религиозных направлений, которых в данном населенном пункте проживает немного. Кроме того, установление нормы в двадцать лет для того, чтобы была возможность образовать религиозное объединение, не учитывает того факта, что двадцать лет назад (напомним, новый закон о свободе совести принимался в 2002 г.) был период коммунистического господства, и многие религиозные направления просто не могли быть зарегистрированы. Отметим, что власти Беларуси учли эти соображения, и были перерегистрированы все религиозные объединения, которые существовали на момент принятия нового закона независимо от того, действовали их общины на территории Беларуси 20 лет назад или нет.

Согласно ст. 14 Закона о свободе совести, религиозные общины имеют право действовать только на территории того населенного пункта, где они зарегистрированы, а согласно ст. 26 «Распространение религиозной литературы, аудио-, видео- и других материалов религиозного содержания может осуществляться религиозными организациями в принадлежащих им на праве собственности или иных законных основаниях помещениях, а также местах, в установленном порядке выделяемых для этих целей местными исполнительными и распорядительными органами». Члены религиозных организаций не имеют права распространять свои религиозные убеждения и осуществлять какую-либо религиозную деятельность (проповедовать, распространять литературу, проводить богослужения и пр.) за пределами территории населенного пункта, в котором зарегистрирована данная община. Таким образом, фактически религиозным организациям запрещена миссионерская деятельность, что для многих из них является неприемлемым в силу их религиозных взглядов, и на этой почве возникают конфликты с властями. Кроме того, данное положение закона не дает возможности создавать новые религиозные организации, ведь для их регистрации необходимо не менее

двадцати приверженцев, а чтобы последние появились, необходимо проповедование, а оно фактически запрещено. Также деятельность незарегистрированной религиозной организации запрещена белорусским законодательством, а в начальный период своего формирования община должна действовать независимо от того, зарегистрирована она или нет, иначе она просто не сформируется.

Отметим, что в целом законодательство Республики Беларусь направлено на обеспечение равенства людей с различными религиозными взглядами. Однако в самом законодательстве имеются положения, которые имеют дискриминационный характер. Также, следует отметить, что правоприменительная практика в области осуществления свободы совести имеет в Беларуси избирательный характер, в зависимости от отношения властей к той или иной религиозной организации. Есть организации, в отношении которых проводится дискриминационная политика. Кроме того, те или иные статьи применяются по усмотрению властей (например, ст. 193-1 УК, предусматривающая ответственность за создание и руководство незарегистрированными религиозными организациями), что также не способствует укреплению правовой культуры в стране. Некоторые религиозные направления (и не только христианские) открыто действуют на Беларуси без регистрации, все это знают, и их никто не трогает. Такая ситуации порождает, с одной стороны, неуважение к закону, а с другой, ощущение правовой незащищенности.

В заключение отметим, что в настоящее время идет формирование религиозной сферы Беларуси. Проблемы на этом пути неизбежны. Их необходимо обсуждать и искать пути решения.

Жеребятьев Михаил

РЕГИСТРАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ФЕНОМЕН ВНЕПРАВОВЫХ ПРАКТИК

Роль и значение института регистрации в российском законодательстве

Российские «религиозные» законы – образца 1990 г. «О свободе вероисповеданий»[5] и пришедший ему на смену в 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» – должны были бы иметь несколько иные названия, отвечающие их реальному содержанию. В моем представлении, к ним больше подходит наименование «О получении статуса юридического лица и его утрате религиозными сообществами». До 2/3 текстов вышеуказанных законов касаются регулирования

5 Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» принимался параллельно общесоюзному «О свободе совести и религиозных организациях», действие было отменено в РСФСР в 1992 г.

именно этих вопросов. Остальное в них – либо повторение без детализации конституционных формул, декларации и добрые пожелания, отсылочные нормы, либо некие общие положение с крайне размытыми формулировками, которые оставляют простор для совершенно произвольного толкования их чиновниками[6]. Что также немаловажно, оба документа не создавались как законы прямого действия. Однако, положение, при котором вопрос регистрации стал центральным для государственно-конфессиональных отношений в постсоветской России, было обусловлено историческими обстоятельствами и, соответственно, решало важные общественные задачи переходного периода.

Среди «исторических обстоятельств» я выделяю, как минимум, три ключевых. Во-первых, те положения, которые реализовались в концепции российского закона 1990 г., воплотили требования религиозной (прежде всего, православной) общественности, объединившейся в период перестройки вокруг самиздатовского, но при этом начавшего выходить в 1987 г. вполне легально, т.е. без цензурирования, «литературно-философского журнала русской христианской культуры «Выбор». Пункт о придании статуса юридического лица религиозным общинам вошел в программы сразу нескольких кандидатов на мартовских 1990 г. выборах Съезда народных депутатов РСФСР. Поэтому совсем неслучайно одним из авторов российского религиозного закона 1990 г. стал близкий к кругу «Выбора» народный депутат РСФСР Вячеслав Полосин, в ту пору священник Русской Православной Церкви Московского патриархата (далее – РПЦ МП).

Именно исходя из реальной роли этой группы в списке «обстоятельств», обусловивших специфику российского религиозного законодательства, первое место я отвожу православной общественности, пускай, очень немногочисленной, но оказавшей, в итоге, определяющее влияние на последующее формирование как религиозного законодательства, так и общего «религиозного ландшафта» России.

Показательно, что ни РПЦ, ни другие религиозные объединения (именно как организации) в тот период не предприняли попыток лоббировать свои собственные интересы. Не заявив о себе в качестве сторонников законодательного регулирования религиозной сферы, руководство действовавших в тот момент конфессий довольствовалось либо советской моделью, основанной на подзаконных актах, либо провозглашенным в период перестройки принципом «разрешено то, что не запрещено». Правда, руководство РПЦ сформулировало собственную позицию уже на завершающей стадии принятия закона РСФСР осенью 1990 г. Она

---

[6] См. формулировку п.4 ст.5-й Закона РФ «О свободе совести», касающегося организации религиозного обучения с использованием помещений государственных школ: «По письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут (курсив авт.) предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы».

затрагивала действительно важные аспекты, не меняющие, однако, общей концепции закона. Так, по мнению руководства крупнейшей деноминации СССР, закон РСФСР, строившийся на признании исключительных прав низовых объединений (общин), не учитывал интересов вышестояших структур: и епархии, и приходы по закону регистрировались по одной схеме, что является юридически не совсем правильным. Во-вторых, сама логика государственного регулирования вопросов, связанных с реализацией религиозных прав в советский период, неоднократно возвращала власть к ситуации, которая существовала до 1929 года, когда религиозные сообщества СССР пользовались правом юридического лица. Подробности того, как различные элементы этого статуса включались в подзаконные акты, начиная со второй половины 40-х и вплоть до 80-х годов, детально изложил канадский исследователь Дмитрий Поспеловский[7]. В-третьих, начавшееся в последний год хрущевского правления Советом по делам религий понуждение религиозных общин, преимущественно протестантских, к выходу из подполья означало их признание государством. Любопытно, что регистрировались многие из них с учетом вероучительных расхождений в отечественной протестантской среде и сложных межличностных взаимоотношений лидеров именно как низовые общины без юрисдикционного подчинения протестантской «гиперцеркви» ВСЕХБ.

Таким образом, регистрация на момент принятия закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в 1990 г решала задачи, с одной стороны, признания конфессиональных и юрисдикционных сообществ государством, с другой, должна была придать юридическую правосубъектность религиозным сообществам посредством наделения их статусом юридического лица. Прежде всего, в тех условиях приобретение сообществом юрлица открывало перед ним возможности участвовать в разнообразных видах внекультовой деятельности[8] – образовательной, издательской, каритативной – в формате некоммерческих организаций с полагающимися им льготами[9]. Такая диспозиция начала 90-х годов остается актуальной для государственно-конфессиональных отношений и религиозно-общественной жизни России до сегодняшнего дня.

Стоит также отметить, что ни признание конфессий со стороны государства, ни возможность вести разнообразную деятельность не были бы невозможны без строгого следования научным, а, значит, внеконфессиональным критериям оценки вероучений, богослужебной практики, внутреннего организационного устройства разных деноминаций[10].

---

[7] См.: Поспеловский, Д. В. «Русская православная церковь в XX веке» - М: Республика, 1995.

[8] В СССР, начиная с 1929 г. религиозная деятельность сводилась исключительно к отправлению религиозного культа.

[9] Недискриминирующие способы поддержки государством разнообразных НКО, прежде всего через систему общих для всех них льгот, в России до сих пор не приняты.

[10] Довольно показательно в этом отношении датированное 2007 г. решение ЕСПЧ по жалобе московских саентологов на отказ в перерегистрации. Оно прямо ссылается на внеконфессиональный характер экспертной оценки саентологии как религии при регистрации в соответ-

Положение закона 1997 г. о 15-и летнем стаже и практика судебной ликвидации юридических лиц

Примером прямого законодательного ограничения числа признаваемых государством вероисповеданий является Закон 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», подготовленный президентской администрацией в качестве компромиссного варианта. Вводя 15-летний срок натурализации для любых конфессиональных и юрисдикционных новообразований, он со всей очевидностью демонстрировал курс на сокращение числа признаваемых деноминаций посредством их исключения из реестра юридических лиц.

После того, как высшие судебные инстанции РФ детализировали условия применения нормы о 15-летнем сроке[11], распространение получил другой вариант усечения конфессионального пространства. Сводится он к применению положений действующего закона о ликвидации организации (юрлица) через судебную процедуру[12]. Причем ситуация выглядит действительно парадоксально и едва ли не выходит за границы собственно правовых практик. Тот же самый специализированный регистрирующий и одновременно контролирующий орган – Минюст РФ: либо как федеральная структура, либо в качестве его подразделений в субъектах Федерации, – который еще недавно принимал решение о регистрации религиозной организации на основании представленных ему документов с детальным описанием вероучения, в любой момент может поставить под сомнение предыдущее собственное же решение о регистрации этого сообщества. Хочу обратить особое внимание на то, что речь в таких случаях идет о базовых вещах (вероучении, священных текстах), а вовсе не о формальных нарушениях руководством религиозных организаций процедур предоставления отчетности. За примерами далеко ходить не надо. Едва ли не в каждом судебном процессе о ликвидации религиозных

ствии с нормами закона РСФСР. «Дело «Саентологической церкви Москвы против России», – говорится в определении Страсбургского суда, – еще раз подтверждает и ясно показывает то, что уже было установлено экспертами в области прав человека, учеными и государственными судами, а именно, что Саентология является подлинной религией, а Церковь Саентологии – «религиозной общиной», пользующейся всем спектром прав человека и правами на свободу религии, закрепленных за такими организациями. Всякие попытки правительства относиться к Церкви Саентологии по-другому не выдерживают никакой критики». См. http://www.saentolog.by/news/?id=86

[11] Напряжение в обществе сняли разъяснения Конституционного суда. Таким образом, сохранялся «нулевой вариант» (без 15-летнего «карантинного» срока) при перерегистрации прав юридического лица для тех централизованных организаций, которые получили его в соответствии с нормами предыдущего закона. Кроме того, за централизованными религиозными организациями закреплялись преимущественные права, по сути, учреждать низовые подразделения со статусом юридического лица на местах, независимо от срока существования сообществ в конкретной местности, в форме подтверждения централизованной организацией факта их вхождения.

[12] «Особый случай» представляет отказ в перерегистрации получившим статус юрлица по закону 1990 г. Армии Спасения и Церкви Саентологии.

организаций Свидетелей Иеговы, счет которым идет по России уже на десятки, или Церкви Саентологии, есть «резиновый» пункт о «разрушении семей» под влиянием «опасного» вероучения. На самом деле, под это положение закона[13] можно подогнать деятельность любой религиозной организации, поскольку роль последователя практически каждого вероисповедания предусматривает отказ от отдельных проявлений секулярного образа жизни[14]. Более того, с подобными жалобами чаще всего обращаются в надзорные ведомства и суды родители совершеннолетних детей (!) или мужья/жены в распадающихся семьях, что указывает, скорее, на несколько иные, т.е. далеко не религиозные причины конфликтов в семьях.

К широко распространенной апелляции в судебной практике к «семейному пункту» в качестве условия ликвидации религиозных организаций 10 лет назад добавился антиэкстремистский: за «действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности»[15]. Он предоставляет гораздо большие возможности в плане судебной ликвидации юридических лиц, однако, в полной мере в отношении отдельных вероисповеданий этот инструмент пока не применялся и перспективы его применения вызывают большие сомнения.

Что касается самих внеправовых практик, основу которых составляют субъективные представления должностных лиц о целесообразности, как и следование конфессиональным оценкам участников религиозного процесса, то их расцвет, – и это может показаться странным, – пришелся на время действия более демократичного Закона «О свободе вероисповеданий». Усиление же произвола на местах спровоцировало Определение Архиерейского Собора РПЦ МП 1994 г. «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме».

Ситуация изменилась после появления дополнений к Закону 1997 г., сделанных Конституционным судом РФ, и принятых на уровне правительства постановлений, размывших скалы, казавшихся незыблемыми, формулировок нового закона. Так, принятие подзаконного акта, регулирующего деятельность иностранных миссионеров в масштабе государства, повлекло за собой отмену «пионерского» антимиссионерского регионального закона в Тульской области, что, кстати, сделали сами депутаты местного законодательного собрания, резонно посчитав: раз уж документ появился на федеральном уровне, то, значит, отпала необходимость в регулировании этой сферы на уровне субъектов Федерации. Особой позиции в вопросах миссионерства продолжает держаться лишь Белгородская область.

---

[13] В ст.14 Закона «О свободе совести…» - «Приостановление деятельности религиозного объединения, ликвидация религиозной организации и запрет на деятельность религиозного объединения в случае нарушения ими законодательства» среди оснований встречается расплывчатая формулировка «принуждение к разрушению семьи».

[14] Вероисповедная конвертация (переход из одного вероисповедания в другое) вообще характеризуется кардинальной сменой мировоззренческой и поведенческой моделей человека.

[15] Правозащитное и юридическое сообщества России все эти годы последовательно критикуют расширительную трактовку экстремизма, появившуюся в отечественном праве.

В итоге, правительственные документы, как и разъяснения Конституционного суда, принятые «вдогонку» федеральному Закону 1997 г., позволили если не вернуться на исходные позиции, то, определенно выправить ситуацию. Более того, в отличие от 1990-1997 гг. стало более понятно каким формальным критериям должны отвечать документы верующих, претендующих на соискание статуса юридического лица или, например, чего категорически не могут делать чиновники – давать отказы по причине «нецелесообразности». Порой, даже, кажется, что наличие столь прямого указания отбило у столоначальников охоту заниматься пристальным контролем за деятельностью религиозных организаций.

Закон-долгожитель

Институту регистрации среди российских конфессий придается разное значение. Для РПЦ МП регистрация является показателем доминирования на конфессиональном поле. До 2005-2006 года около 50% от числа всех религиозных организаций являлись организациями РПЦ МП. В последнее время РПЦ в России активно наращивает количественный рост своих структур. По данным 2012 г. из общего числа 24624 религиозных организаций всех направлений 13943 принадлежали к РПЦ МП. Однако имеются и вполне объективные ограничители этого роста, связанные с числом малых населенных пунктов, потенциально перспективных с точки зрения демографии. С учетом опыта последних 20 лет епархии уже не стремятся обустраивать приходы в неперспективных селах. В том числе и поэтому патриарх Кирилл придает первостепенное значение программам быстро возводимых храмов в крупных городах. В последние годы в нескольких епархиях наметилась тенденция включать в отчеты число религиозных групп, действующих без образования юрлица[16]. Вместе с тем в связи с проводимым курсом на дробление больших российских епархий отмечается рост управленческих подразделений со статусом юрлица, как и монастырей, которые рассматриваются церковным руководством в качестве необходимого статусного атрибута, делающего епархиальную инфраструктуру полноценной.

Протестантские евангелические деноминации при третьем общем показателе численности организаций после РПЦ МП и мусульманских объединений регистрируют в среднем 1 из 4-х своих общин; в отдельных регионах это соотношение может быть даже большим. Еще более значительное соотношение действующих без регистрации общин на одну зарегистрированную наблюдается у Свидетелей Иеговы.

Одна из особенностей российского Закона 1997 г. – в его удивительной «долговечности». Само по себе обладание юридическим статусом не прибавляет религиозным общинам нетитульных церквей реального равноправия. Поэтому в том, чтобы концепция закона сохранялась как можно дольше заинтересованы и государство, и, как это ни покажется странным, руководство нетитульных

---

[16] По докладам правящих архиереев на ежегодных епархиальных собраниях Воронежской и Саратовской епархий.

деноминаций, чем, пожалуй, и объясняется продолжительное существование закона в более-менее цельном виде на фоне стремительно меняющегося свода отечественного права.

Для государства закон является демонстрацией общественной стабильности и одновременно способом контроля за амбициями РПЦ МП. При всей дружественности государства с корпорацией «титульной церкви», последняя рассматривается властями, мыслящими все же по управленчески-утилитарно, в качестве одного из «непрофильных активов» в одной «корзине» с образованием, здравоохранением, культурой и прочей «социалкой». Что, впрочем, отнюдь не мешает власти планомерно работать на повышение символического значения РПЦ и ее материального положения. В свою очередь, руководство РПЦ за последнее время преодолело, как минимум, дважды, силу «притяжения» существующего закона. В первом случае, отказавшись от созыва Поместного Собора, т.е. от соблюдения нормы, которая длительное время оставалась прописана в ее Уставе, который, в свою очередь, принимался в соответствии с положениями гражданского закона. Во втором, была произведена внутренняя экономическая революция путем перевода собственности низовых структур вышестоящим.

Нетитульные же деноминации вряд ли могут рассчитывать на расширение своих прав со стороны государства. Самим приблизить закон к нормам Конституции, т.е. либерализовать его, у них нет сил: российское общество остается совершенно глухим к «инаковерующим» соотечественникам с их специфическими запросами.

При том, что концепция закона остается неизменной, реальная религиозная деятельность обрастает всевозможными, порой даже куда более важными требованиями иного порядка, которые предъявляются к гражданам со стороны государства. Это изменения в налоговом законодательстве, расширение антитеррористического пакета нормативных актов, нормативы по «растаможке» ввозимой из-за рубежа печатной продукции, угрозы зачисления социально направленных НКО с зарубежным финансированием в разряд «иностранных агентов» и многое другое.

Ситников Михаил

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦЕННОСТЯМ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ МОРАЛИ

Быть может, кого-то смутит обозначенное в заголовке сопоставление правового понятия «государственно-религиозных отношений» с «моральными ценностями», где вроде бы смешиваются совершенно разные понятия. Да еще и регламентирующая категория (правовая) ставится в зависимость от морали, которая

традиционно воспринимается чем-то рекомендательным, а не обязывающим. Однако лишь с позиции такой нетрадиционной иерархии – зависимости права от морали, можно рассматривать любые вопросы, связанные со сферой общенациональной ментальности, идеалов, целей, прав и свобод. Именно мораль – состояние общественных представлений о «добре» и «зле», «вреде» и «пользе», о социально и индивидуально должном, всегда отражает некий сиюминутный идеал, который продолжает совершенствоваться, – как была, так и остается источником любого права.

В процессе нынешнего мирового системного кризиса столкнулись морали разных культур и разных уровней зрелости, что закономерно породило известный хаос. При этом такая категория как «нравственность» часто оказывается невостребованной со стороны морали. Это хорошо заметно на примере тех разладов и несогласованностей, которые царят из-за приватизации нравственности отдельными религиями. Во всех религиозных доктринах присутствуют принципы единой для большинства людей нравственности, известные, к примеру, по новозаветным заповедям. Но отдельные религии и даже конфессии приписывают обладание нравственностью лишь себе, при этом основы такой адаптированной к собственным нуждам искусственной «нравственности» регламентируются корпоративными нуждами. В результате, из-за попыток отдельных религиозных идеологий «поправить Творца», не сделавшего общечеловеческую нравственность их эксклюзивом, круг замыкается самым парадоксальным образом. Нормы своей внутрикорпоративной морали, создаваемые религиозными идеологами, выдаются за «основы нравственности», тогда как сама нравственность покидает такие «морали», превращая их в безнравственные. Нетрудно догадаться, что в общечеловеческом контексте мораль не может быть узкокорпоративной – мусульманской, мунитской, коммунистической, протестантской, православной и т.п. Так что для роли умозрительной точки отсчета лучше всего подходит понятие на данный момент универсальной гуманистической или, как ее именуют, «цивилизованной морали». Она является источником «цивилизованного права», находящего свое воплощение в основном, в международных нормах, направленных на благо человека. Исторически сложилось так, что нынешнюю европейскую (и шире – западную) цивилизацию по традиции называют «христианской», и именно в ее границах при участии самых разных культур сформировались к настоящему времени все универсальные критерии существования человечества на планете – т.е. нормы морали, принципы и нормы права, и в разной степени обусловленные ими различные этические нормы. В силу исторической эволюции, которая сегодня поставила человечество перед фактом неизбежной глобализации, эти общие критерии сформировались в светской форме (то есть, не религиозными либо атеистическими). Они и определяют регламент сосуществования различных включенных во всеобщее светское пространство мировоззренческих моделей, в том числе религиозных.

Таким образом, если не замыкаться в узкокорпоративном пространстве (например, этноса, национальности, религии, атеизма и т.д.), следует исходить

из норм той самой светской цивилизованной морали, которая традиционно именуется «христианской», не неся при этом религиозной коннотации. Разумеется, при условии, что сама проблематика, сформулированная в теме выступления, будет восприниматься, как рядовой «рабочий момент».

Основополагающие ценности

В ряд общих и основополагающих ценностей, одинаково актуальных для всех государств и обществ, последователей разных вероисповеданий, нерелигиозных людей и атеистов, попадают довольно-таки банальные вещи и категории. Это – право на жизнь (труд и получение благодаря ему материальных благ, обладание жилищем и др.); право на защиту закона; право на образование; право на личное самоопределение и свободы (выбор вероисповедания или отказ от него, выбор места жительства, свобода слова и выражения своих убеждений и т.д.). Если конкретизировать эти ценности далее, то в их ряду содержится еще много детализаций, исходящих из единого представления о правах и свободах личности. Однако, в контексте темы главное заключается в том, что все это – гарантировано законодательствами государств, которые позиционируют себя цивилизованными. Причем, в какой бы форме эти гарантии не предлагались, конечным их объектом, как известно, оказываются люди. В сфере государственно-религиозных отношений в России, этими «крайними» оказываются верующие различных вероисповеданий, неверующие, атеисты и др. При этом, декларированная статьей 8 Конституции РФ свобода совести и вероисповедания сегодня уже очень хорошо понятна всем россиянам. Так же, как понятна и статья 14, оговаривающая светскость государства, где «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Так же ясны для всех положения Федерального Закона (ФЗ-125) «О свободе совести и о религиозных объединениях», где заведомо светское «государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями … в соответствии со своими убеждениями» и с учетом прав ребенка, где государство «не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти» и «не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону» (статья 4). При этом, люди видят и то, что эти положения не входят в конфликт с моралью. Кто же станет спорить, когда закон формулирует уважение к твоим убеждениям, к твоей вере?

К таким внутренним правовым гарантиям России, вполне соответствующим цивилизованной морали, нельзя не добавить и ратифицированные международные соглашения. Подписание еще в период существования СССР в 1968 году (с ратификацией в 1973 году) Международного пакта о гражданских и политических правах («Декларация о правах человека»), а затем подписание в 1991 году Факультативного протокола, предусматривающего процедуру рассмотрения сообщений о нарушениях государствами-участниками пакта, разумеется, делает государству честь. Особенно, если напомнить, что в этом базовом документе Международного права, с основаниями которого согласна Россия, есть и статья 18, гласящая:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Нельзя не заметить отчетливого созвучия изложений принципов религиозной свободы в Декларации и в Конституции РФ. Однако следует обратить внимание на то, что в отличие от Конституции РФ или нормативов Федерального законодательства, «Декларация о правах человека» не носит обязательного характера для ратифицировавшего ее государства.

То есть, в отличие от того, что нарушение собственной Конституции и федерального закона являлось бы преступным в правовом смысле, игнорирование положений подписанной Декларации представляет собой «всего лишь» проявление аморальности. Особенно с учетом того, что в основу данного документа, созданного в результате коллективной разработки, были заложены все имеющиеся на тот момент достижения человеческой мысли в этой сфере. Именно поэтому, россияне справедливо воспринимают государство ответственным за реализацию конституционных гарантий, соответствующих нормам международного права. Серьезные проблемы в сфере государственно-религиозных отношений или, точнее, проблемы, возникающие вследствие специфики таких отношений, объяснять можно разве, что инерцией, кроме нее причиной могут быть безграмотность управленцев, либо намеренное вредительство.

Проблемы российской практики

Декларируя равенство религий перед законом, гарантируя гражданам право на свободу вероисповедания с сохранением гарантии всех прочих гражданских прав, на практике государство подразделяет своих граждан на разные категории. Российских граждан, религиозные сообщества которых именуют «сектами» – то есть последователей вероучений или членов религиозных организаций, порицаемых экспертами привилегированной (что уже и противозаконно, и аморально) конфессии, – подвергают демонстративной дискриминации. Здесь вполне закономерен вопрос: быть может, под этими религиозными сообществами и в самом деле скрывается что-то аморальное, противозаконное, опасное для остальных?

Ответ прост, государству он известен: на практике под ними имеют в виду сообщества верующих, организации, которых прошли государственную экспертизу на предмет своих вероучений, и существуют в России на законных основаниях в качестве юридических лиц, зарегистрированных Министерством юстиции РФ. Это организации Свидетелей Иеговы, десятки протестантских церквей и деноминаций, православные, мусульманские, индуистские и языческие организации. Важно отметить, что право на исповедование своих духовных ценностей и религиозных учений членами таких организаций попирается государством из соображений «возрождения» или «защиты» духовности и нравственности на основе конфессиональных представлений о них одного из религиозных объединений.

Понятно, что откровенность ситуации, в которой в России демонстративно попираются гарантии свободы вероисповедания требует какого-то «оправдания», причем не столько перед сравнительно равнодушной российской общественностью, а в глазах международного сообщества. Однако, оправдать системные нарушения администраторов, которые действуют вроде бы, в рамках права, формально совпадающего с принципами цивилизованной (развитой гуманистической) демократии и морали, можно только нарушая принципы этой морали. Особенно прискорбно, что происходит это благодаря конфессиональным мотивациям Русской православной церкви, которая объявляет себя в России «хранительницей нравственности и морали». В основу административной дискриминации прав на свободу вероисповедания в стране закладывается отрицательное отношение функционеров Московского патриархата к вероисповедным доктринам и практикам других религиозных направлений. То есть право различных верующих и их организаций на свободу вероисповедания дезавуируется мнением о них ряда функционеров одной конфессии, которая в силу общей для всех религий закономерности естественным образом исходит из истинности своей собственной доктрины и практики, признавая все другие как минимум ущербными, а зачастую и враждебными. Такое положение вещей говорит о том, что, по крайней мере, одна религия используется в России в качестве идеологической основы для формирования общего регламента в светском пространстве – т.е. в качестве политического инструмента. Напомним, что согласно последним данным Министерства юстиции РФ (2013), в России присутствует более 60-ти различных религиозных традиций, зарегистрированных в количестве 25226 религиозных организаций – местных и централизованных, из которых более половины (14277) принадлежат «титульной конфессии». Это обстоятельство указывает на такое печальное обстоятельство, как принудительно тоталитарный характер конфессиональной идеологии по отношению к остающимся 11 тысячам организаций, объединяющим миллионы последователей различных религий.

Следует оговориться, что сама по себе тоталитарность религиозных доктрин и организаций не представляет собой чего-то необычного и негативного. Религиозные сообщества не были бы религиозными, если бы не объединяли своих членов общей идеей собственной исключительности и регламентом внутри себя – таковы, по крайней мере, все авраамические религии. Но распространение отдельного

«внутрирелигиозного тоталитаризма» на все светское пространство, включающее и эту, и другие религии, и нерелигиозные сообщества, это уже «идеологическая экспансия тоталитаризма» в том смысле этого понятия, который однозначно осужден историей после уроков фашизма и коммунизма. В российском случае речь идет о внедрении даже не абстрактного религиозного, а конкретного – конфессионального идеологического регламента, в правовом аспекте это ничем не отличается от клерикализации. В основе пренебрежения правом свободы вероисповедания (а шире – свободы совести) лежит пренебрежение тем, что является основой права вообще – то есть, моралью. Частные случаи такого пренебрежения могут называться лицемерием с использованием умолчаний, подтасовок (что происходит при подмене права на вероисповедание «аргументами» доктринальной софистики) или прямой лжи, но суть самого явления – аморальности, от того не меняется.

Риски, связанные с конфронтацией цивилизованной морали

В этой связи сегодня уже мало кто станет отрицать серьезность влияния религиозного фактора на изменения в состоянии общественного блага. Здесь риски, связанные с игнорированием общественной морали – политиками, администраторами или конфессиональными идеологами, заключаются в том, что откровенная дискриминация прав отдельных категорий граждан на свободу вероисповедания не только легализует аморальность – то есть, разлагает общество изнутри. Эта дискриминация, как нетрудно убеждаться, например, наблюдая искусственно формируемую конфронтацию внутри мусульманской уммы России или между ней и обществом в целом, становится источником цепных реакций. Зерна конфронтации, а, следовательно, потенциальных конфликтов, прорастают в сфере межнациональных и социально-групповых отношений, где требуют выхода энергии. Заканчивается это пока такими явлениями, как легкость осуществления провокаций, что россияне наблюдали на примерах Манежной площади в декабре 2010 года или в московском районе «Бирюлево» в октябре нынешнего года. Вероятно, здесь можно возразить, что предположение таких рисков, основанное на факте одной лишь системной дискриминации прав на свободу вероисповедания, несет на себе налет конспирологии. Но такое возражение было бы существенным лишь в том случае, если игнорирование норм права с демонстрацией аморальности ограничивалось одной только религиозной стороной жизни страны. Тогда как абсолютно идентичной является ситуация в России и с межнациональной атмосферой, где идеи нацизма озвучиваются не только маргиналами, но и государственными персонами.

Возможные меры для изменения ситуации

О том, в чем в такой ситуации нуждается страна и общество, а в нашем контексте – религиозное сообщество России, особых споров не возникает. Верующие и неверующие граждане при нарушении их прав одинаково апеллируют к законности, сталкиваясь при этом со ставшими обыденностью фактами уклонения государственных чиновников от реализации тех или иных норм права на практике.

Из самого факта единства мнений представителей практически всех религиозных направлений, испытывающих в стране проблемы, нетрудно увидеть, что нормы права в современной России не действуют, либо используются чиновничеством выборочно для достижения чьих-то целей. Напрашивается справедливый вопрос: если закон в стране не уважается теми, кто должен опираться на него в первую очередь – т.е. самим законодателем и чиновниками органов исполнительной власти, – то что представляет собой тот регламент, в соответствии с которым живет страна? Сегодня в России ответ на такой вопрос ясен не только администраторам, но и абсолютному большинству граждан страны, живущей в условиях тотальной коррупции, использующей нормы закона лишь для камуфляжа противозаконных действий. Не будем останавливаться на том, что в официальных СМИ кроме диффамации в качестве сообщений о тех или иных инициативах и достижениях довольно часто присутствует описание действий, которые могут быть квалифицированы соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ – о нецелесообразном использовании государственных средств, разбазаривании культурных ценностей, которые являются достоянием народов России. Но можно напомнить о том, что нарушения закона о свободе совести проходят в сводках новостей в виде публикаций о решениях суда, в форме сообщений о «враждебности» тех или иных религий стране и обществу или «авторитетных» мнений клерикальных, а порой и «светских» антикультистов, разжигающих межрелигиозную вражду. Когда заходит речь о том, что требовалось бы в первую очередь, чтобы хотя бы немного затормозить общую катастрофу общества и государственности в России, ответ может быть один – попытаться вернуться к правовой форме существования.

Решетников Юрий

УКРАИНСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Предварительный анализ существующих в мире моделей государственно-конфессиональных отношений позволяет сделать вывод, что каждая страна формирует отношения с религиозными организациями, исходя из ее конкретных условий развития и имеющихся традиций. Формирование той или иной модели государственно-конфессиональных отношений обусловливается многими факторами, а конкретная модель таких отношений, присущая тому или иному государству, определяется всей совокупностью общественных отношений, а более всего – характером политической системы, приоритетами политической власти. Сказанное не отрицает возможности и целесообразности анализа имеющихся моделей государственно-конфессиональных отношений, определения тенденций их реализации и элементов, перспективных для заимствования с учетом отечественного

опыта и наследия. При этом достаточно долгий период совместной истории, обусловивший схожесть законодательной базы и практически одинаковые стартовые условия для развития государственно-конфессиональных отношений в период независимости, не только делает сопоставимыми процессы в сфере указанных отношений, происходящие в Беларуси, Российской Федерации и Украине, но и дает возможность изучения их особенностей для взаимного обогащения лучшими их практиками. Безусловно, мы не упрощаем ситуацию и не говорим о механическом перенесении тех или иных элементов.

Например, интересным для Украины может быть белорусский опыт законодательного регулирования отношений учреждений образования и религиозных организаций в Кодексе об образовании (пункт 4 статьи 2) при сохранении светского характера образования[17], опыт Российской Федерации в законодательном закреплении государственно-конфессиональных отношений в сфере образования[18] и в урегулировании вопросов возвращения бывшей церковной собственности[19].

Следует отметить, что в отличие от Российской Федерации и Республики Беларусь, законодательство Украины в сфере свободы совести и деятельности религиозных организаций, принятое в апреле 1991 года, не претерпело до сегодняшнего дня каких-либо существенных изменений, несмотря на неоднократные попытки таких изменений, обеспечив и обеспечивая необходимые условия как для реализации права на свободу совести, так и для развития деятельности религиозных организаций.

Согласно статье 7 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях»[20], религиозные организации создаются с целью удовлетворения религиозных потребностей граждан исповедовать и распространять веру. Религиозными организациями в Украине являются религиозные общины, управления и центры, монастыри, религиозные братства, миссионерские товарищества (миссии), духовные учебные заведения, а также религиозные объединения, состоящие из указанных выше религиозных организаций. На другие организации, созданные по религиозному признаку, действие данного Закона не распространяется.

При этом следует отметить, что Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в своем докладе о выполнении Украиной обязанностей и обязательств 5

---

[17] Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tamby.info/kodeks/edu_tekst.htm

[18] Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html

[19] Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/12/03/tserkovnoedobro-dok.html

[20] Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/987-12

октября 2005 года обратила внимание на то, что «законом ограничиваются формы, в которых могут создаваться религиозные организации» (пункт 269 раздела F «Свобода совести и вероисповедания»)[21].

В соответствии с указанным Законом, статус юридического лица могут получить при прохождении процедуры регистрации только религиозные общины, управления и центры, монастыри, религиозные братства, миссионерские товарищества (миссии) и духовные учебные заведения. Что касается религиозных объединений, то статья 7 Закона указывает, что они представляются своими центрами (управлениями). При этом действующее законодательство не предусматривает возможности получения статуса юридического лица религиозными объединениями.

В этом можно усматривать нарушение Рекомендации ПАСЕ «Религия и изменения в Центральной и Восточной Европе» № 1556 (2002), в которой она призвала государства – члены Совета Европы гарантировать всем церквям, религиозным организациям, центрам и объединениям статус юридического лица[22], на что, в частности, ПАСЕ обратила внимание в вышеупомянутом докладе 2005 года (пункт 269)[23]. Однако законодательному решению данного вопроса в значительной мере препятствует отсутствие по нему консенсуса среди ведущих церквей Украины.

Статья 14 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» устанавливает, что для получения религиозной общиной статуса юридического лица необходимо наличие не менее десяти граждан – ее учредителей, достигших 18-летнего возраста. В то же время статья 8 данного Закона предусматривает возможность существования религиозной общины и без получения государственной регистрации. При этом следует отметить, что отсутствие у религиозной организации государственной регистрации автоматически означает отсутствие у нее статуса юридического лица, что существенно ограничивает возможности ее деятельности.

Хотя Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» предусматривает регистрацию уставов (положений) религиозных организаций, его статья 13 указывает, что религиозные организации признаются юридическими лицами с момента их государственной регистрации (а не регистрации их уста-

---

21 Доповідь Парламентської Асамблеї Ради Європи щодо виконання Україною обов’язків та зобов’язань (5 жовтня 2005 року) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minjust.gov.ua/6782

22 Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе» № 1556 (2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.irs.in.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=93%3A1&catid=43%3Aeu&Itemid=70&lang=uk

23 Доповідь Парламентської Асамблеї Ради Європи щодо виконання Україною обов’язків та зобов’язань (5 жовтня 2005 року) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minjust.gov.ua/6782

ва (положения)). Поэтому после прохождения процедуры регистрации их устава (положения) в соответствии с Законом Украины «О свободе совести и религиозных организациях» религиозные организации для получения статуса юридического лица проходят процедуру государственной регистрации, порядок которой определяется Законом Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц – предпринимателей» (данная ситуация получила в украинской экспертной среде название «двойная регистрация»).

Согласно статье 14 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях», для регистрации устава (положения) религиозной общины соответствующие документы подаются в областную, Киевскую и Севастопольскую городские государственные администрации, а в Автономной Республике Крым (далее – АРК) – в Совет министров АРК. Религиозные же центры, управления, монастыри, религиозные братства, миссии и духовные учебные заведения подают для регистрации свои уставы (положения) в центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере религии (ныне – Министерство культуры Украины). Для дальнейшего же прохождения государственной регистрации религиозные организации обращаются в органы регистрационной службы по месту своего нахождения.

Статья же 15 указанного Закона предусматривает, что в регистрации устава (положения) религиозной организации может быть отказано, если ее устав (положение) или деятельность противоречат действующему законодательству. Кроме того, статья 16 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» предусматривает, что в случае нарушения религиозной организацией, имеющей статус юридического лица, законодательства Украины ее деятельность может быть прекращена по решению суда. В судебном порядке деятельность религиозной организации прекращается в таких случаях:

1) совершения религиозной организацией действий, недопустимость которых предусмотрена данным Законом: принуждение граждан при определении ими своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, религиозных обрядах и церемониях, обучению религии; участие религиозной организации в деятельности политической партии, оказание политической партии финансовой поддержки, проведение агитации или финансирования избирательных кампаний кандидатов в органы власти; вмешательство в деятельность других религиозных организаций; проповедование вражды и нетерпимости к неверующим и верующим других вероисповеданий; нарушение требований законодательства и правопорядка; самовольный захват культовых зданий и присвоение культового имущества;

2) сочетание обрядовой или проповеднической деятельности с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности;

3) систематическое нарушение установленного законодательством порядка проведения публичных религиозных мероприятий (богослужений, обрядов, церемоний, походов и т.д.);

4) побуждение граждан к невыполнению ими их конституционных обязанностей или к действиям, сопровождаемых грубыми нарушениями общественного порядка или посягательством на права и имущество государственных, общественных или религиозных организаций.

Говоря о систематическом нарушении установленного законодательством порядка проведения публичных религиозных мероприятий как одном из оснований прекращения деятельности религиозной организации, следует отметить, что систематичность предусматривает наличие нескольких случаев нарушения религиозной организацией порядка, каждый должен быть запротоколирован, а после первого такого нарушения религиозная организация должна быть предупреждена о недопустимости подобных действий и возможных правовых последствиях в случае их повторения. Суд рассматривает дело о прекращении деятельности религиозной организации в порядке искового производства по заявлению органа, зарегистрировавшим устав такой религиозной организации, или прокурора.

Что касается возможности сотрудничества государственных и религиозных институций в различных сферах, то отметим следующее. Хотя статья 18 Закона Украины «Об образовании» предусматривает, что образовательные заведения создаются органами государственной исполнительной власти и органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями независимо от формы собственности, а также гражданами, в то же время она указывает, что порядок создания образовательных заведений устанавливается Кабинетом Министров Украины[24]. Положение же о порядке создания, реорганизации и ликвидации учебно-воспитательных заведений, утвержденное Постановлением Кабинета Министров Украины «О порядке создания, реорганизации и ликвидации учебно-воспитательных заведений» от 5 апреля 1994 г. № 228, указывает, что учредителями таких заведений могут выступать государственные органы, кооперативные, общественные организации, предприятия и учреждения, частные лица, не называя в этом перечне религиозные организации[25]. Таким образом последние, в отличие от общественных организаций, не имеют права выступать учредителями общеобразовательных учебных заведений.

В этом усматривается нарушение правила, установленного статьей 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированного Украиной, о том, что государства, принимающие участие в этом Пакте, обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов избирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы, но и другие школы, отвечающими тому минимуму требований относительно образования, который может быть установлен или утвержден го-

---

[24] Закон України «Про освіту» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1060-12

[25] Постанова Кабінету Міністрів України «Про порядок створення, реорганізації і ліквідації навчально-виховних закладів» від 5 квітня 1994 р. № 228 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/228-94-п

сударством, и обеспечивать религиозное или моральное воспитание своих детей в соответствии с собственными убеждениями[26]. Также это может быть расценено и как проявление дискриминации верующих граждан, объединенных в религиозную организацию. Следует отметить, что для исправления этой ситуации и предоставления религиозным организациям права на учреждение общеобразовательных учебных заведений в Верховный Совет Украины внесен проект Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины (относительно права религиозных организаций учреждать учебные заведения)» (регистрационный № 2051)[27].

В то же время религиозные управления и центры, в соответствии со статьей 11 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях», имеют право создавать духовные учебные заведения для подготовки священнослужителей и служителей других необходимых им религиозных специальностей. На сегодняшний день в Украине отсутствует практика и механизм государственного признания духовного образования, что приводит к тому, что лица, закончившие духовные учебные заведения, с точки зрения государства продолжают оставаться лицами с общим среднем образованием. Также является непризнанным и статус лиц из числа научно-преподавательских кадров таких учебных заведений. С целью решения данной проблемы в Верховном Совете Украины зарегистрирован проект Закона Украины «О внесении изменений в некоторые законы Украины (относительно признания документов об образовании и научных степенях, выдаваемых духовными учебными заведениями)» (регистрационный № 2380а)[28].

Законодательство Украины не содержит и положений о возможности капелланского служения в вооруженных силах или других общественных институтах. В настоящее время данный вопрос отчасти регулируется ведомственными нормативными актами Министерства обороны Украины, в частности, Директивой Министра обороны Украины «Об упорядочении вопросов удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих Вооруженных Сил Украины» от 21 апреля 2006 г. № Д-25[29] и Приказом Министра обороны Украины «Об утверждении Концепции душепастырской опеки в Вооруженных Силах Украины» от 22 апреля

---

[26] Міжнародний пакт про економічні, соціальні і культурні права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_042

[27] Проект Закону України «Про внесення змін до деяких законів України (щодо права релігійних організацій засновувати навчальні заклади)» (реєстр. № 2051) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45507

[28] Проект Закону України «Про внесення змін до деяких законів України (щодо визнання документів про освіту та наукові ступені, що видаються духовними навчальними закладами)» (реєстр. № 2380а) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=47520

[29] Директива Міністра оборони України «Про впорядкування питань задоволення релігійних потреб військовослужбовців Збройних Сил України» від 21 квітня 2006 р. № Д-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.gov.ua/index.php?part=council_pastoral_care&sub=D25

2011 г. № 220[30]. Таким образом имеется необходимость законодательного урегулирования данного вопроса, с целью чего в Верховный Совет Украины внесено два законопроекта, призванных урегулировать вопросы капелланского служения в Вооруженных Силах Украины и в пенитенциарных учреждениях: «О внесении изменений в некоторые законы Украины (относительно введения института священнослужителей (капелланов) в войсковых, правоохранительных органах)» (регистрационный № 3143)[31] и «О внесении изменений в некоторые законы Украины (относительно регулирования деятельности капелланов в органах и учреждениях, принадлежащих к сфере управления Государственной пенитенциарной службы Украины)» (регистрационный № 3233)[32].

Общественно-политическое развитие Украины в конце XX – в начале XXI столетия оказало значительное влияние и на состояние государственно-конфессиональных отношений. Демократизация общественной жизни, утверждение идеологического и политического плюрализма не только привели к повышению роли религиозных организаций в жизни современного украинского общества, но и вызвали необходимость отказа от предыдущей советской модели государственной политики относительно религии и церкви, поиску новых подходов к вопросам формирования взаимоотношений между государством и религиозными объединениями с учетом имеющегося мирового, в том числе европейского, опыта в данной сфере. Ныне, после двадцати лет существования независимого Украинского государства и формирования государственно-конфессиональных отношений в новых демократических условиях, отчетливой стала необходимость в определении стратегии дальнейшей гармонизации отношений между государством и церковью с учетом возможности и целесообразности их сотрудничества. В то же время медлительность с определением такой оптимальной модели может привести (и уже приводит) к искусственному торможению процесса дальнейшего усовершенствования государственно-конфессиональных отношений в стране и, соответственно, стать дополнительным фактором дестабилизации общественно-политической ситуации.

Следует отметить, что украинское законодательство продолжает закреплять принцип отделения церкви от государства и школы от церкви, что в постсоветском и постатеистическом понимании интерпретируется как невозможность сотрудни-

---

[30] Наказ Міністра оборони України «Про затвердження Концепції душпастирської опіки у Збройних Силах України» від 22 квітня 2011 р. № 220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mil.gov.ua/index.php?part=council_pastoral_care&sub=concepcia

[31] Проект Закону України «Про внесення змін до деяких законів України (щодо запровадження інституту священнослужителів (капеланів) у військових, правоохоронних органах)» (реєстр. № 3143) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=48094

[32] Проект Закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України (щодо регулювання діяльності капеланів в органах та установах, що належать до сфери управління Державної пенітенціарної служби України)» (реєстр. № 3233) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=48250

чества государства и религиозных организаций в различных сферах, что является неверным, учитывая опыт других стран. Практика свидетельствует как о возможности такого сотрудничества, так и об его целесообразности, что ставит на повестку дня вопрос о его законодательном допущении и регулировании, т.е. переход от сепарационной к кооперационной модели. В то же время существующее законодательство тормозит дальнейшее развитие такого общественно важного сотрудничества.

Сказанное обусловливает необходимость разработки и законодательного утверждения Концепции развития государственно-конфессиональных отношений в Украине, которая должна была бы не только определить желательный вектор такого дальнейшего развития, но и обусловила бы направления законодательных изменений. При этом в проекте такой Концепции представляется целесообразным указать интерпретацию конституционного принципа отделения церкви от государства и школы от церкви; обозначить желательную модель государственно-конфессиональных отношений; определить необходимые шаги для окончательного преодоления негативных последствий тоталитарной политики бывшего СССР относительно религии и церкви, в частности принципы возвращения религиозным организациям бывшей церковной собственности; предусмотреть необходимое организационно-институциональное обеспечение государственно-конфессиональных отношений (речь при этом идет как о законодательном закреплении существования государственного органа по делам религий как центрального органа исполнительной власти со специальным статусом, его территориальных подразделений, так и о функционировании консультативно-совещательных органов церковно-государственных органов на уровне Правительства, отдельных министерств и ведомств и местных органов исполнительной власти (например, в форме общественных советов по вопросам сотрудничества с церквями и религиозными организациями), закрепить возможность сотрудничества государства и религиозных институций в различных сферах и обозначить основные направления такого сотрудничества (например, в сфере образования, где целесообразно закрепить обязательное изучение учащимися предметов духовно-нравственного направления на альтернативной основе; право религиозных организаций на учреждение общеобразовательных учебных заведений; государственное признание дипломов духовных учебных заведений и т.п.; в социальной сфере; введение института военных и тюремных капелланов); указать на необходимые изменения в законодательстве Украины и т.д.

Колодный Анатолий

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УКРАИНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ТОЛЕРАНТИЗАЦИИ

В советские годы законодательство декларировало свободу религии, но не свободу вероисповеданий. Последнюю в Украине гарантировал Закон 1991 года о свободе совести и религиозных организациях. Более 20 лет независимости и свободы

– это период интенсивного развития религиозной сети нашей страны. При этом выросло не только количество религиозных организаций, но и количество действующих в стране конфессий. Если в 1991 году были зарегистрированы 42 религиозных объединения (из них 33 христианского корня, по одному иудейских, мусульманских и родноверческих, 4 – ориенталистских и 2 – синкретических), то на начало 2004 года их было уже свыше 120 (76 – христианского корня, 8 – иудейских, 4 – мусульманских, 7 – родноверческих, 16 – ориенталистских, 6 – автохтонных и синкретических). Точное количество религиозных течений в Украине на 2013 год неизвестно, т.к. Госкомнацрелигий Украины с 2004 года дает неполную статистику, а вот общеконфессиональная картина на 2013 была следующей: из 36995 зафиксированных религиозных организаций 34780 (94%) организаций христианского корня, 282 (0,83%) – иудейских, 1145 (3,33%) – мусульманских, 140 (0,8%) – родноверческих, 163 (0,44%) – ориенталистских.

Хотя Православие по количеству своих организаций (18877) является самой большой конфессией (51%), а три основные конкурирующие Церкви – УПЦ Киевского Патриархата, УПЦ Московского Патриархата и Автокефальная ПЦ – дают 50% религиозной сети страны, но даже эти цифры (православная самоидентификация по разным социологическим исследованиям составляет от 36 до 48% опрошенных) свидетельствуют о том, что Украина не является православной страной, а страной с доминированием православия, с чем православные церкви неохотно соглашаются.

Практически исчерпала «электорат своего роста» Греко-Католическая Церковь (3919 организаций на 2013 год). Несмотря на перенесение ее офиса из Львова в Киев, она осталась практически галичанским феноменом (3551 ее организация, то есть 90,6 %, находятся в Галичине и Закарпатье).

Открытость к миру, его полиэтничности и социальной неустроенности дает возможность вопреки активному противодействию православия утверждаться в регионах своего присутствия римо-католикам (1104 организации), хотя и они практически уже исчерпали возможный электорат своих потенциальных последователей. Если греко-католицизм предстает преимущественно как галичанско-закарпатский феномен, то римо-католицизм – как галичанско-подольско-волынский. Особенных успехов в своем распространении в Восточном и Южном регионах страны католичество на перспективу не имеет.

Заметно растет в Украине сеть протестантских организаций (8793). Они уже составляют 24% от общей цифры религиозной сети Украины. Все протестантские конфессии (баптисты-евангелисты – 3443, пятидесятники – 2677, адвентисты – 2024, иеговисты – 1091 и др.) ведут широкую христианско-просветительную, морально-воспитательную, издательскую, медийную, миссионерскую и благотворительную работу, что служит основанием нашей уверенности в дальнейшем интенсивном росте их сети.

Мусульманство в Украине не имеет своей единой организационной структуры, а представлено шестью своими всеукраинскими управлениями и центрами с 1145 организациями. Последователями ислама (кроме Крыма) являются представите-

ли меньшинств тех этносов, на автохтонных территориях которых эта религия является доминирующей. Поэтому почвы для роста в Украине на перспективу ислам почти не имеет. В Крыму ислам также исчерпал возможности своего дальнейшего количественного роста после того, как Духовное Управление мусульман Крыма открыло в 2005 году практически во всех поселениях крымских татар свои организации. Принадлежат к мусульманской умме Крыма теперь 935 организаций. Но мусульманская община автономии предстает слишком расколотой на различные общности и не отличается толерантностью под влиянием различных мусульманских партий, сект и течений.

Расколоты на различные центры иудеи: 282 действующие организации в 2012 г. (а ежегодное пополнение их – единички) принадлежат к шести различным объединениям. Перспектив для их взаимопонимания нет, поскольку к этому расколу присоединились внеконфессиональные интересы – экономические, политические, а то и субъективные ориентации. Перспектив и количественного роста иудейских организаций, как и мусульманских, в стране нет, их человеческий ресурс исчерпан.

Появление и рост в Украине различных новых религиозных течений (прежде всего неохристианских, неоориенталистских и родноверческих) является отражением общих тенденций нынешней интенсивной конфессионализации. На начало 2013 года согласно официальной статистики новые религиозные течения в общем составляли около 2280 единиц (6,2% всей религиозной сети). Из них неохристиане имеют 1977 организаций, неоориенталисты – 163, родноверы – 140. Если неоориентализм и родноверие в своем количественном росте и территориальном распространении уже фактически стабилизировались, то в сравнении с ними сравнительно высокие темпы роста имеют неохристиане и прежде всего харизматы, последние имеют уже 1742 своих организаций. Неорелигии неравномерно размещаются своими общинами по территории Украины. Там, где сильны позиции традиционных церквей, их практически единицы (так, на Тернопольщине лишь 11 общин, а среди общин Галичины их всего 1%). В Восточных и Южных областях страны, где наряду с возрождением традиционных христианских церквей возникли и относительно свободно распространялись и неорелигиозные течения (далее – НРТ), количество организаций последних составляет почти 13% от всей местной религиозной сети. Последние годы количество неорелигий почти неизменно, появление каких-то новых образований, массовое их распространение будет уже случайностью. Тем более, что традиционные церкви, входящие во Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций и представляющие 92% всей религиозной сети, в контексте осуждения и противостояния деятельности НРТ находят общий язык и пытаются подключить к этому на местах даже государственные органы.

Мы считаем, что конфессиональная карта Украины практически уже сложилась. Возникновение и распространение немногочисленных новых религиозных течений вообще ее не изменит. Скорее будут происходить изменения существующих традиционных религиозных течений, возникновение на их основе каких-то

новых церковных организаций или же религиозных управлений. В этом значительную роль будет играть скорее субъективный фактор, а также вмешательство в религиозный процесс определенных политических сил, стремящихся таким путем увеличить ряды своего электората. Украина – поликонфессиональная страна. Каждый ее гражданин имеет право выбора среди множества конфессиональных предложений. Украинцы предпочитают, как свидетельствуют материалы социологических опросов, делать выбор на основании традиции родителей. Хотя идеальным может считаться сознательный выбор своей конфессиональной принадлежности. И не только на основании знания этой религии, а прежде всего на основании глубинного осознания того, что этот выбор сделан по собственной воле, в результате какого-то необъяснимого внутреннего толчка к ней, иногда подаваемого как какой-то сверхъестественно обусловленный процесс. Учитывая право каждого на свой религиозный выбор, академические религиоведы Украины отстаивают лозунг: конфессионально мы все разные, но в своих правах в области религиозной жизни мы все равные. Бывает, что это различие конфессиями воспринимается чаще как взаимная вражда, абсолютная несовместимость. Когда видишь, как враждуют между собой последователи христианских течений, как они относятся к нехристианским вероисповеданиям, то тут же ставишь вопрос: а христиане ли они? Ведь вражда происходит из-за чисто земного, вне истинно христианского и вопреки Христовой заповеди о любви к ближнему. Именно поэтому задачу своей теоретической и практической работы академические религиоведы усматривают в формировании толерантности межконфессиональных и межцерковных отношений.

Толерантизация предусматривает осознание того, что все конфессионально различные люди равны в правах в своем общественном бытии. Ведь мы живем в такой век, когда все больше ощущаешь себя гражданином Земли. Современные средства информации почти ежедневно создают присутствие в культуре других народов, а транспортные средства дают возможность за несколько часов переехать в другую страну, углубиться в способ жизни другого народа, в другие традиции, вероисповедания, познать другие цивилизационные измерения жизнедеятельности.

Автору пришлось принимать участие в работе многих межрелигиозных форумов представителей различных религий мира. Тысячи участников из различных стран приезжают на эти собрания. Конфессиональное разнообразие впечатляет. Здесь католики и мусульмане, иудеи и буддисты, индуисты и сикхи, протестанты и зороастрийцы, африканские культы и синтоисты, представители многих других конфессий при мизере православных. При этом никто никого не агитирует за свою религию, не пытается другого наставіть на ее путь, доказать ее истинность. Каждый лишь старался наилучшим образом представить свое вероисповедание, даже своим внешним видом засвидетельствовать его своеобразие, подарить тебе что-то, что напоминало бы о наличии такой религиозной культуры.

Организаторы форумов избирают эффективную форму их работы. Небольшие, по 7-9 человек, группы участников на протяжении часа-двух по зара-

нее определенной схеме обсуждают актуальные проблемы религиозной жизни, конфессионального разнообразия и межконфессиональных отношений. Состав групп постоянно меняется. На протяжении дня каждому приходилось работать в 4-5 таких группах. Имеет место диалог, но не как средство убеждения кого-то в своей истинности. Происходило информирование коллег по форуму о своей конфессии, ее истории и современной жизни. После таких бесед осознаешь, что Бог – один, а конфессия – это лишь путь к нему, что каждый человек по-своему ищет Бога и идет к нему своей дорогой. Конкретные географические и исторические условия его бытия определяют своеобразие этого пути. Объединяет же последователей различных религий прежде всего тот моральный потенциал, который содержит каждое из вероисповеданий. Хотя моральное кредо религий и различается в словесном выражении, но по своей сущности оно одинаково: ни одна религия не учит дурному.

В межконфессиональных отношениях в Украине мы имеем противостояния между православными и католиками, православными и протестантами, православными и мусульманами, между историческими церквями и новыми религиями. Эти конфликтные отношения на всеукраинском срезе при участии религиоведов удалось толерантизировать, перевести в локальные выражения и на местном уровне. Но все же сравнительно острыми остаются внутриконфессиональные противоречия – между православными церквями, мусульманскими и иудейскими центрами, между новообразованиями в православии и греко-католицизме, с одной стороны, и уже традиционными их церквями. В последнее время возникает конфликт между харизматизмом и традиционным протестантизмом. Возникновению и эскалации внутриконфессиональных конфликтов способствует как внутренний фактор, зачастую политический, в частности поддержка властью Московского Православия, непонятная медлительность в депортации заезжих в УГКЦ экстремистов-догналовцев, так и внешний фактор – вмешательство в православную жизнь Украины Московского Патриархата с его бредовой идеей «русского мира».

Руководство конфессий Украины не особенно обеспокоено тем, как толерантизировать межконфессиональные и внутриконфессиональные отношения, как использовать международный опыт толерантизации этих отношений в реалиях украинской религиозной жизни. В наличии даже устремление на свою конфессиональную самоизоляцию и от общества, и от многоконфессиональной жизни страны.

Говоря о толерантизации межконфессиональных отношений в Украине, мы советуем субъектам этих отношений критически подойти к тем формам, которыми они пользуются при оценках и описаниях своего духовного противника. Перечитывая постоянно конфессиональные издания (а наше Отделение религиоведения Института философии является подписчиком около семидесяти религиозных газет и журналов), мы встречаем в них часто такие карикатурные и ложные сведения о других религиях, которые можно даже использовать для привлечения их авторов за оскорбление и клевету к криминальной ответственности. Вызванный

появлениям изображений пророка Мухаммеда «карикатурный конфликт», имевший не так давно место в Дании, а после и в других странах, многому научил религиозные сообщества, но только не конфессии в Украине. Он показал, что свобода слова дает нам право говорить то, что мы думаем, но она в то же время не обязывает это делать. Конфликт свидетельствует о наличии различных ценностей: имеет место непонимание на Западе психологии религиозности Востока. При этом, если одним не хватало понимания глубоких религиозных чувств, то другие обнаружили явное преувеличение сделанного и даже восприняли ложную информацию того, что произошло, за истину. Восток углубил конфликт тем, что дал право использовать как аргумент против Западной цивилизации суждения, что та демократия, какую она несет, та свобода слова, какую она защищает, может открыть путь для осмеивания и издевательств над их верой.

Мир глобализируется, а поэтому не следует думать, что аудитория сказанного или напечатанного ограничивается лишь какой-то небольшой местностью, общиной, конфессией, а то и ограничивается местным реципиентом. Поэтому мы, как те, кто созидает гражданское общество, в котором каждый – суверен, должны поддерживать в отношениях между собой взаимное уважение, терпимость и взаимопонимание. Следует наводить мосты между религиями, а не заниматься поисками того, что их разъединяет и в какой-то карикатурной, клеветнической форме это показывать. Следует быть открытым к другим, отличным от твоих ценностей, воспринимать их как данность и знать, что именно в мире этих ценностей кто-то чувствует себя счастливым, не имеет желания менять их на другие и не потерпит любые притязания, а тем более в карикатурной, искаженной форме.

Если мы хотим жить в мире и дружбе с другими людьми, с их религиями, то не должны оскорблять их чувства, искажать их миропонимание различными провокациями, поскольку это порождает конфронтацию. Мы исходим из того, что одной истинной религии нет. Истинным является то, что объединяет, как общий корень, все религии. Это вера в наличие мира сверхъестественного, в спасение благодаря этой вере и следование общечеловеческим нормам морали, вера в жизнь в потустороннем мире. Каждая религия по-своему решает эти вопросы. Следует принять принцип: последователь другой религии – не враг твой. Он идет к тому же Богу, что и ты, но другой дорогой. Возможность существования других религий признавал и апостол Павел, когда писал: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между нами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19).

В своих беседах с православными, проклинающими больше всех другие конфессии, часто спрашиваю: «А христиане ли вы?». Их это удивляет, но в своем восприятии мира они находятся на уровне иудейского Ветхого Завета. Моральные принципы последнего не являются общечеловеческими, когда их прочитываешь в контексте всей ветхозаветной Библии. Ведь там находим и убийства, и грабеж, и изнасилование, но представителей других народов, а не богоизбранного, то есть евреев. Десять заповедей в их ветхозаветном прочтении адресованы именно евреям и только им. Идею же взаимной любви в мир людей и народов принес Иисус Христос.

Таким образом, хотя мы и являемся различными во всем, в том числе и в своих вероисповеданиях, но, несмотря на это, мы являемся равными. Поэтому мир наш должна характеризовать толерантность отношений. Дорога к ней тяжело дается людям, о чем свидетельствует и тот «карикатурный скандал», который не так давно взбудоражил мировое мусульманство.

В Украине академические религиоведы ищут различные формы межконфессионального согласия. Проводятся нами в областных городах Дни религиозной толерантности с приглашением представителей различных конфессий. Даже посидев рядом, общаясь, увидев один одного, верующие одной конфессии убеждаются в том, что эти «другие» – такие же люди, как и они, что их вера искренняя и убедительная. Организованные при нашем участии фестивали художественных коллективов различных конфессий и выставки изданий способствуют их взаимоознакомлению. Этой же цели служили напечатанная в нашем журнале «Релігійна панорама» информация о конфессиональной жизни Украины и мира, а также сведения об истории, вероучении и особенностях деятельности того или иного религиозного объединения.

В устных беседах с лидерами различных конфессий мы советуем им, как толерантно входить в жизнь полирелигиозного мира, как находить дорогу взаимопонимания с другими. Уже имеем первые шаги этих поисков, когда руководство одной конфессии просто с целью взаимоознакомления посещает офисы других. Мы советуем конфессиям не ждать к себе корреспондентов из светских газет, а писать для них статьи о своей деятельности, особенно благотворительной. Межконфессиональному взаимопониманию может служить также созданная в офисе Украинской Ассоциации религиоведов (далее – УАР) библиотека конфессиональных изданий (книг, журналов, газет), постоянно пополняемая своими различными религиозными сообществами Украины. О путях толерантизации межконфессиональных отношений идет речь на многих конференциях, проводимых УАР и Отделением религиоведения НАН Украины с приглашением представителей религиозных организаций.

На формирование толерантности межконфессиональных отношений работают также международные акции, проводимые Международной академией свободы религий, Ассамблеей религий мира, Парламентом религий и др. Можно лишь сожалеть, что из-за межконфессиональной предубежденности, практически присущей всем нашим религиозным течениям, Украина не представлена на них своими конфессиями. За них эту работу выполняем мы, украинское религиоведы. Они только присутствуют на проводимых нами в Киеве международных конференциях по проблемам свободы религии. Наиболее активными в плане диалога с другими религиозными сообществами являются Церковь Христиан веры евангельской, бахаи, которые инициируют общие акции, в частности в области благотворительности, создания за межконфессиональные средства домов отдыха для пенсионеров, центров по интересам, медицинских консультпунктов, дешевых аптек и др. Часто такие совместные мероприятия инициируются конфессиями, желающими

войти в религиозное пространство Украины, среди них Церковь Единения, Богородичная Церковь, общность Вознесенные Володарей, саентологи и др.

Редакция нашего журнала «Релігійна панорама» часто получала письма, авторы которых подвергали нас критике за то, что мы, публикуя в каждом номере в «Сторінці конфесії» информацию о жизни различных вероисповеданий, называем их при этом еще и религиями, следовательно таким образом «пропагандируем псевдорелигии». Но, исповедуя принцип свободы вероисповеданий, признавая и защищая право каждого человека на свободный религиозный выбор, мы воспринимаем последний как его свободный путь к Богу. Может для кого-то выбор другого представляется ложным, но и для последнего путь того, кто оценивает его так, является таким же. Следовательно псевдорелигий не существует. Любое из имеющихся религиозных течений по своей форме, вероисповедным положениям является человеческим творением, а следовательно, имеет много субъективного.

Как внутренние, так и внешние факторы определяют путь каждого к сверхъестественному. Но в исторических церквях прокручиваются из года в год одни и те же богослужебно-обрядовые формы тысячелетней давности, которые воспринимаются образованным христианином, верующей молодежью скорее как следы язычества в христианстве, как какой-то анахронизм. Интересные суждения по этому поводу высказал глава УГКЦ Святослав Шевчук: «Один молодой человек в Аргентине мне сказал: «Владыко, если церковь – музей, где хорошо сохраняют культурные экспонаты, то туда можно прийти раз на год. Но жить в музее – то уж извините». Таким образом, живучесть церкви при ее желаемой ориентированности на «современных людей», делает далее вывод иерарх, зависит от того, насколько она является «живой», но не «музеем».

Сказанное выше отметил и экс-папа Бенедикт XVI, когда сказал, что «началась новая эра религиозности» и что люди «пытаются найти ее не в Церкви». «При этом религия часто предстает всего лишь как разновидность просветительной деятельности, которой пытаются разнообразить будни, – подчеркнул понтифик. «Большие традиционные Церкви, пожалуй, ощущают какую-то угнетенность из-за своей чрезмерной институализированности, институционной регламентированности… Почти не осталось проявлений живой веры, ее простоты. Христианство теперь обозначает только принадлежность к большим структурам… Христианство как институт начало восприниматься как балласт, в том числе и как балласт традиции».

Почему молодые люди ныне часто отдают свое предпочтение харизматическим церквям (да и неорелигиям) перед традиционными, так это потому, что они являются живыми, современными в формах выражения христианского мировидения и мироотношения. Не может образованный человек и городской житель воспринимать христианские формы, возникшие в условиях сельской жизни и рассчитанные на видение их, а не на активное участие в них. Поэтому традиционные церкви должны с осознанием наличия в них заторможенности толерантно воспринимать потери своих возможных молодых прихожан, пытаться осовременивать образ бытия своих верующих в конфессии, а не заниматься поисками путей

сохранения их в старых окостеневших обрядовых деяниях. Общение с молодыми священнослужителями исторических церквей часто свидетельствует о понимании ими ситуации, наличии у них желания кое-что изменить и осовременить, но отсутствие в их церквях свободы в религии принуждает их также изо дня в день, из года в год «крутить заезженную пластинку», рассчитанную на малообразованного верующего.

Таким образом, возникновение новых течений в христианстве, чему активно противодействуют исторические церкви, не является какой-то случайностью, а своеобразной реакцией на консерватизм традиционных его течений, выражением поиска в христианстве того, что было у него до нововведений Вселенских Соборов и Отцов Церкви и что часто страдает далекой от Истины субъективностью. Причин и мотивов иного от традиционного восприятия христианства есть много. Если богослов какой-то конкретной конфессии воспринимает это как ересь, то религиовед в этом усматривает, с одной стороны, дальнейшее развитие конфессии, а с другой – право каждого на свободу в религии. А поскольку в гражданском обществе каждый человек является сувереном своей судьбы, то мы допускаем эту его суверенность и в области религиозной жизни.

К тому же позицию последователей любой из конфессий по отношению к другим вероисповеданиям должны формировать не мы, религиоведы (а именно этого от нас ждут традиционные Церкви), а богословы или священнослужители конфессий. Но при этом они должны знать своего оппонента, а не голословно, без должной аргументации выбрасывать его в корзину псевдорелигий, причислять к еретикам, последователям каких-то «тоталитарных сект» и др. В обретении таких знаний украинские религиоведы как раз своеобразно им помогают. Исповедуя принципы объективности и внеконфессиональности, в своих работах мы описываем вероучение, обрядовую практику, образ жизни действующих в Украине вероисповеданий. Так, в журнале «Релігійна панорама» нами опубликовано свыше 130 таких статей. На их основе напечатаны 7-я и 8-я книги десятитомной «Історії релігії в Україні» – «Релігійні меншини України» і «Нові релігії України».

При этом мы не даем каких-то оценок вероучения и обрядов конфессий. Наши оценки имеют место лишь тогда, когда в деятельности религиозных организаций мы находим антигосударственную, явно антиукраинскую ориентацию. Но это уже не религия, а политика: политикой религиозные организации, согласно Закону о свободе совести, не имеют права заниматься.

Религиозная толерантность может служить тем базисом, на котором возрастает христианская благотворительность. Проповедуя человеколюбие, признавая ценность каждого человека, христианство призывает творить доброжелательность милосердия во взаимных отношениях между людьми, "побеждать зло добром" (Рим. 12:21), быть сострадающим. Таким образом благотворительная деятельность религиозных организаций является выражением их толерантности, социального служения всему человечеству, а не только для единоверцев. Благотворительность должна объединять конфессии, формировать толерантные отношения между ними, а не противопоставлять их. Ее не следует превращать в какую-то

межконфессиональную конкуренцию, рекламировать отдельные конфессии путем сопоставления их благотворительной деятельности с другими. Именно через нее должна заработать та толерантность, которая удерживает спокойствие в межконфессиональных отношениях в нашей стране. Думаю, что при Всеукраинской Раде Церквей и религиозных организаций целесообразно создать отдел, который, объединяя благотворительные усилия и финансовые возможности различных религиозных организаций и церквей, уже приступил бы к открытию различных благотворительных учреждений, координировал бы благотворительную деятельность так, чтобы она не превращалась в конкуренцию и миссионерство.

Таким образом, сфера религиозной жизни, сфера межконфессиональных отношений является очень сложной и деликатной. В них на уровне обыденного видения проблем вмешиваться не следует, поскольку можно поучить обратный результат. К тому же, еще есть и законы, с помощью которых государство регулирует жизнедеятельность религиозных организаций в стране. Их необходимо знать и выполнять, чтобы не допускать правовой нигилизм, принуждение церквей к противоканонической деятельности, неуважению права каждого в условиях гражданского общества на свободный религиозный выбор и свободное исповедование своей религии.

Филипович Людмила

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Право на свободу вероисповедания закреплено в Конституции Украины и Законе Украины о свободе совести и религиозных организациях. Ст.35 Конституции Украины говорит, что это право включает свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, вести религиозную деятельность.

Свобода вероисповедания является элементом структуры свободы совести и выступает как свобода выбора религиозного мировоззрения (вероисповедания). В науке под свободой вероисповедания понимается внутренняя способность личности, а также ее правовые возможности свободно без внешнего давления и принуждения соблюдать принципы любой религии, вероисповедания – предмета своего самоопределения; свободно отправлять – публично или приватно – религиозный культ, свободно менять свои религиозные предпочтения. Свобода вероисповеданий предусматривает равенство перед законом как верующих, так и различных конфессиональных направлений, к которым они относятся.

Но свобода бытия религии включает и свободу церкви, религиозных общин, религиозных объединений верующих. Религиозная организация, как свободное образование граждан-единоверцев, имеет свою внутреннюю структуру, устав, регламентирующий не только само исповедание религии, но и дисциплину, нормы поведения верующих, а также то, что выходит за религиозные рамки. «Свобода церкви» предполагает свободу создания, управления, функционирования религиозных организаций, свободу хозяйственной, финансовой их деятельности и т.п. Религиозные объединения, ассоциации вступают в определенные отношения с государственными, светскими организациями, с религиозными организационно оформленными структурами других конфессий. Это все также включается в понятие «свобода церкви». Т.е. «свобода церкви» отражает степень автономности, независимости внутреннего устройства, структурности управления религиозного объединения, его правовой статус, возможности реализации задач, ради которых оно и создавалось.

Проблемы возникают в сфере практической – в сфере реализации права на свободу вероисповедания и свободу религиозной жизнедеятельности. Среди них:

1) Ограничения в регистрации любой религии или религиозной организации. Особенно это касается новых, неизвестных ранее религиозных движений, которые появились в Украине в конце 80-х – начале 90-х годов минувшего столетия. Непросто происходила регистрация кришнаитов, мормонов, харизматов. Но бывали случаи, когда не регистрировали греко-католиков в Севастополе, потому что не знали, христиане ли они, то есть из-за недостатка религиоведческой осведомленности; баптистов или пятидесятников – из-за постсоветского синдрома страха перед сектами; Свидетелей Иеговы – из-за конфессиональной ангажированности; УАПЦ – из-за политической предвзятости и др.

2) Безосновательные запреты и ограничения религиозной деятельности некоторых религиозных организаций, проведение массовых мероприятий (религиозные собрания, крестные ходы, проповеди зарубежных проповедников, празднование больших религиозных праздников, встреча со своими верными определенных религиозных лидеров и т.д.).

3) Трудности с выделением и получением религиозными организациями земельных участков для строительства храмов, учебных заведений, административных помещений.

4) Нерешенные реституционные вопросы: все еще не возвращается историческое имущество, здания (особенно ранее конфискованные) религиозных организаций их наследникам по вере.

5) Серьезные ограничения миссионерской работы религиозных организаций и проповедников.

6) Давление *со стороны государственных органов* власти: а) налоговая полиция по налогообложению деятельности церкви; б) санитарная инспекция или пожарные относительно деятельности религиозных школ или детских домов при отсутствии соответствующих условий; в) органы образования относительно отсутствия утвержденных программ и планов обучения, отсутствие лицензии; г) МВД

о незаконности пребывания духовных лидеров на территории Украины и нарушение паспортного режима; *со стороны общественных объединений* (православные братства, центры борьбы с сектами, например.), *со стороны СМИ* – откровенно провокационные материалы и передачи, направленные против определенных церквей, *со стороны отдельных антисоциальных лиц*, религиозных фанатиков, которые наносят вред – финансовый, материальный, моральный, психический верующим других конфессий и др.

7) Ограничения в сфере труда или обучения для представителей религиозных меньшинств.

8) Дискриминации со стороны государства тех, кто не празднует государственные религиозные праздники (Рождество, Пасха и т.д.), суббота, воскресенье, перенос праздничных дней в священные дни для иудеев, мусульман, адвентистов.

9) Проведение общегосударственных мероприятий (например, тестирование учащихся, сдача экзаменов, политические выборы) в субботу или воскресенье.

10) Создание некомфортных психологических условий для проживания иноверцев, формирование негативного общественного мнения о них.

11) Необоснованные ограничения прав иностранцев как простых верующих, так и их духовных наставников.

12) Искусственная политизация религиозной жизни, втягивание церквей в политику для поднятия авторитета той или иной политической силы и наоборот – попытка церквей использовать политический ресурс для своего утверждения. Нарушая законодательные нормы Украины и свои собственные каноны о невмешательстве в сферу политической жизни, некоторые церкви активно включаются в избирательный процесс на стороне какого-то одного из кандидатов или одной из партий. Кроме открытого давления отдельных представителей государственной власти на руководство церквей относительно поддержки провластного кандидата или партии находится место и религиозной истерии в форме крестных ходов, манифестаций, политических проповедей, благословений своих и проклятий чужих кандидатов, создание православно-политических объединений как отрядов быстрого реагирования и тому подобное.

13) Нестабильность законодательной базы относительно свободы совести и деятельности религиозных организаций. Закон о свободе совести 1991 г. выдержал неоднократные попытки его изменить, что вносит в религиозную сферу определенную нервозность.

14) Зависимость религиозных организаций от мировоззренческих и религиозных ориентаций власти, в отношении которых чиновник руководствуется не нормами закона о равноправии всех религий в Украине, а своими симпатиями/антипатиями или генеральной линией правящей партии.

15) Характер менеджмента общественно-религиозной сферы: управление и контроль или свобода и партнерство? Церкви единолично и сообща через ВСЦиРО неоднократно выступали против вмешательства представителей власти в их внутренние дела. Церкви надеются на цивилизованные отношения между ними и государством, на адекватные управленческие решения, основанные на

мнении экспертов и представителей самых церквей. Они хотят дистанцироваться от государства, но не от общества, куда государство им и не позволяет войти в полном объеме (образование, больницы, детские дома, тюрьмы и т.д.).

16) Отсутствие *единой* государственной политики в отношении религии и церкви. Зафиксированный в Концепции государственно-церковных отношений (которая еще не принята Парламентом Украины как законодательный документ) *партнерский* характер взаимоотношений государства и церкви, центральной и региональной властей в сфере религии так и не реализуется в Украине. Имеет место какое-то игнорирование со стороны центральной власти начатого диалога власти и церкви. Общие заявления о том, что для государства все церкви равны и родны, без соответствующей расшифровки такой общей фразы, остается декларацией, а не реальной политикой. Неясность позиции Президента Украины в религиозных вопросах, когда декларируется одно, а реально происходит совсем другое (периодические встречи с представителями Московского патриархата, благословения патриарха Кирилла, посещение храмов воспринимается как ориентационный знак), приводит к дезориентации.

Понятно, что реализация права на свободу вероисповедания в областях и регионах Украины полностью зависит от местной власти, а решения и действия последней обусловлены целым рядом объективных и субъективных причин, в частности, конфессиональной спецификой региона, политическими преференциями власти, историческими традициями, активностью церквей и верующих в отстаивании своих прав, уровнем правовой культуры и национального самосознания жителей региона и т.д.. Именно местная власть конкретизирует общие принципы свободы религий и правовые условия их реализации. Желательно, чтобы это формулировалось в концепции регионального развития.

Региональная политика в сфере религии должна быть частью общей региональной политики, в орбиту которой включаются различные направления. Но на практике ни один регион не включает религиозный сегмент, как будто его вообще не существует, в планы своего развития, в отчеты, где он если и упоминается, то в лучшем случае, одной-двумя строчками. Хотя значимость этой сферы трудно переоценить. Так, например, в том же Крыму игнорирование религиозного фактора приводит к дискриминации крымских татар, и не только в духовной, но и в социальной и экономических сферах. Самозахват земли, к которому прибегают татары, хотя на их долю приходится лишь 17% от всех крымских самозахватов, является серьезным дестабилизирующим фактором для всего Крыма, и эту проблему нельзя решить без учета религиозного фактора.

Что же составляет содержание религиозной региональной политики, в частности, в сфере реализации права на свободу вероисповедания?

Апеллируя к общему определению государственной политики в общественно-религиозной сфере, которую трактуют как обусловленную и целенаправленную деятельность людей в этой сфере, направленную на регулирование государственно-церковных и межконфессиональных (внутриконфессиональных) отношений, их гармонизацию, деконфликтизацию, гуманизацию, толерантизацию т.д., религиозная

региональная политика также должна быть деятельностью представителей власти и церкви, которые будут учитывать специфику конкретного региона.

Но дело в том, что деятельность есть, а ее концепции – нет. Во всяком случае, нам такие не известны. Хотя наличие такого документа значительно упростило бы взаимоотношения между государством и церквями на местах, поскольку более гибко учитывались бы особенности региональной религиозной жизни. Если в каком-то регионе существенным элементом религиозной жизни являются мусульмане, как, например, в Крыму, то оправдано существование государственного органа, осуществляющего постоянный контакт с мусульманскими общинами, а региональная политика в сфере государственно-церковных отношений обязательно учитывает специфику мусульманства как религии, особенности их учения, календарь праздников, стиль жизни и т.д. Зная демографическую ситуацию на полуострове, учитывая миграционные тенденции, можно спрогнозировать темпы прироста мусульманского населения, а значит и развитие событий в регионе. Если же в регионе существенно присутствуют, например, католики, то естественными выглядят решения властей праздновать Рождество не только в январе, но и в декабре.

Составляя концепцию религиозной региональной политики, следует учитывать все аспекты региональной политики, чтобы она была привязана к специфике региона. С региональной политикой тесно связаны региональное планирование и программирование, которое опять-таки допускается только в экономической, промышленной, социальной, жилищной, демографической, экологической, научно-технической сферах. Однако духовные процессы также поддаются прогнозированию.

Государство выступает гарантом соблюдения законов, в т. ч. и реализации права на свободу религий. Эту функцию долгое время выполнял Госкомрелигий. Из-за постоянных реорганизаций этого органа теперь не вполне понятно кто будет отслеживать процессы в динамическом религиозном поле, фиксировать их, анализировать, определять формы и направления реакции государственных органов власти, прогнозировать, предупреждать, предсказывать изменения т.п.? Старая система органов Государственного департамента по делам религий в регионах разрушена, а новая не создана. Как долго продлится процесс подготовки специалистов в этой сфере, практиков в сфере регулирования государственно-церковных отношений, которые в совершенстве знали все «подводные и надводные» течения в религиозной жизни, могли предупредить конфликт, решить множество практических вопросов? Кто теперь будет определять эти конкретные шаги в отношениях между обществом, церковью и конкретным органом власти? Как сейчас на региональном уровне может попасть в тюрьму адвентистский пастор или православный священник, чтобы евангелизировать или катехизировать заключенных, принять исповедь и причастить, прочитать Библию и произнести проповедь? Кто на региональном уровне будет принимать решения, какой курс преподавать в школе – «Основы православной культуры», «Основы католической культуры» или «Основы мусульманской культуры»? Кто понесет наказание или хотя бы общественное порицание за отказ предоставить слово представителю

УПЦ во Львове или же УПЦ КП в Донецке для благословения депутатов новоизбранного областного или городского совета? А как быть с так называемыми депрессивными территориями, где показатели развития значительно уступают с соответствующими средними показателями в стране, а потому требуют особого внимания церкви и государства? Так, например, в Тернопольской области на одну религиозную общину приходится 660 человек, а в Харьковской – 4292. Как предоставить пастырскую и церковную помощь этим четырем тысячам жителей региона? А как быть с Черновицкой областью или Галичиной, где растет целое поколение детей без родительской опеки из-за вынужденной миграции родителей на заработки за границу? Как там обеспечить реализацию права на свободу вероисповедания?

Можно пойти по пути подписания договоров между центральной и региональной властью и местными церквями для решения социальных проблем в областях. Надо думать, как привлечь парламентско-правительственную комиссию по вопросам регионального развития – постоянно действующего экспертно-совещательного органа, созданного в соответствии с законом с целью координации деятельности органов законодательной, исполнительной власти и органов местного самоуправления по стимулированию развития регионов и депрессивных территорий. Где этот комплекс экономических, социальных, экологических, правовых и организационных мер, направленных на достижение устойчивого развития регионов, депрессивных территорий, осуществляется Кабинетом Министров Украины вместе с центральными и местными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, субъектами хозяйствования, негосударственными организациями и церковью? Как научить региональную власть привлекать религиозные организации для социально важных проектов, а не барахтаться в море стереотипов «это не наша церковь, это не наша вера», особенно сейчас, когда к руководству областными администрациями пришли не местные, а назначенные чиновники, которые слабо ориентируется в такой сложной сфере, как религиозная, находятся вне регионально распространенных и исторически укоренившихся духовных традиций.

Большие сложности существуют и в структуре самой власти. Где, когда и как были разграничены функции и полномочия центральной и региональной государственной власти в сфере государственно-церковных отношений? Простое подчинение уполномоченных по делам религий на местах отделам внутренней политики администрации Президента в областях оказалось опасным в деле внедрения общегосударственной политики в сфере государственно-церковных отношений, а расформирование и постоянные переформатирования Госкомнацрелигий вообще стали катастрофой в наше время для религиозной сферы Украины.

Государство имеет определенные преференции в сфере религии, что часто не учитывается религиозными организациями. Любая власть стремится иметь такие церкви, которые поддерживали бы ее, оказывали моральную, а иногда и материальную помощь, т.е. санкционировали ее инициативы в различных направлениях деятельности. Последняя заинтересована иметь законопослушных граждан

и среди верующих тоже. Поэтому власть никогда не пойдет на то, чтобы (а такие призывы часто звучат) не вмешиваться в духовную жизнь общества, полностью отказаться от духовного влияния на своих граждан. Государство, а тем более независимое государство, должно быть заинтересовано в защите национальной безопасности, где религиозная жизнь выступает частью сохранения национальной идентичности. Но никто, кроме церкви, не может решить, в каких формах может существовать этот национальный интерес в религиозной жизни общества, каким образом церковь может присутствовать в бытии нации.

В условиях новой социально-политической ситуации в Украине строить партнерскую систему отношений непросто, а особенно сейчас, когда вектор государственной политики в отношении церквей либо не определен, либо активно меняется не в пользу общественного блага. Для Украины благом сегодня является стабильность, провозглашенная новой властью как парадигма всего общественного развития, в т. ч. и его духовного, религиозного сегмента, партнерство между церковью и государством, между церквями, но осознанное, добровольное, а не навязанное кем-то.

Никаких гласных президентских или правительственных распоряжений по сворачиванию религиозной свободы в Украине нет. Но некоторые события, происходящие якобы спонтанно, свидетельствуют если не о конкретном плане запугивания (подавление, уничтожение, нейтрализации) какой-то церкви, но о централизации попыток отдельных людей, институтов стабилизировать, как им кажется, ситуацию в религиозной сфере, то есть сделать ее прозрачной и управляемой. Модель такой примитивной простоты известна: церковь – одна, если не одна, то минимальное количество церквей при максимальной зависимости от государства. Таковы черты идеальной церковно-государственной симфонии, чтобы все работало на государство, а государство было надежной крышей для церкви.

Есть ли свидетельства таких трансформаций в сфере религиозно-общественных и церковно-государственных отношений? Есть высказывания и поведение некоторых партийных лидеров, которые демонстрируют приверженность и поддержку только одной, Московско-Православной Церкви. Это воспринимается как знак, как разрешение на утверждение и доминирование только одного вероисповедания. Это ли не нарушение Закона высшими должностными лицами, которые таким образом игнорируют принцип равенства всех религий? И не нарушают ли Закон сами церкви, которые демонстрируют свою верноподданность власти, выслуживаясь перед ней? И много ли в Украине таких, как ректор УКУ Борис Гудзяк, а теперь архиепископ УГКЦ, который отказался от сотрудничества с СБУ в деле доносов на своих студентов?

Любое нарушение прав верующих людей должно быть достоянием общественности, всеми способами распространяемое в информационном пространстве, чтобы формировалось общественное мнение, осуждающее нарушение прав в сфере свободы вероисповедания. Есть универсальный метод защиты своих прав – суды, и при всей их современной коррумпированности они не смогут проигнорировать норму Закона о свободе мысли, мировоззрения, совести, религии.

Понятно, что все церкви и религиозные организации заинтересованы в сохранении такой ситуации, когда уважают права и свободы каждой религиозной организации. Степень солидарности церквей Украины достаточно высока, что демонстрирует Всеукраинский совет церквей и религиозных организаций. Он имеет общую позицию по многим вопросам современного украинского развития. Такая солидарность является следствием межцерковного диалога, который интенсивно осуществлялся все эти годы. Надо отметить, что он сыграл свою положительную роль в стабилизации общества, в возрождении веры людей в истину, в распространении ценностей не только духовных, нравственных, религиозных, но и демократических. Коллегиальность добровольных решений в поддержку тех или иных действий церквей придавала уверенности в правильности позиций церквей, направленных на защиту достоинства граждан, их прав и обязанностей.

Характер отношений между церквями и государством может и должен меняться в сторону их гармонизации, но это возможно, если и церкви, и власть будут иметь внутреннюю установку на диалог. Объективные условия для этого есть: создана нормативная база, пусть и не совсем совершенная, но такая, что предоставляет возможность для общения государства и церкви, утвердилось общественное мнение относительно плодотворности именно диалогового общения власти и церкви. Особенно важно такой диалог продолжать на уровне регионов, восстановив деятельность областных общественных консультативных советов по вопросам свободы вероисповедания, узаконить их статус при исполнительных органах власти и уполномочить их активно и действенно влиять на религиозную региональную политику государства по отношению к церквям. Ситуация изменится к лучшему, если члены этих советов будут солидарны в своих требованиях к власти, осознавая необходимость межрелигиозного и межцерковного общения. Тогда и реализация права на свободу вероисповедания станет не только законодательно оформленной и теоретически обусловленной, но и практической нормой жизнедеятельности украинского общества.

Заец Александр

ОПЫТ ЦЕРКВЕЙ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УКРАИНЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО СЛУЖЕНИЯ

Принципиальная новация современной модели государственно-конфессиональных отношений в Украине заключается в том, что государство и церковь признаются как равноправные субъекты таких отношений, каждый из которых действует в сфере своей компетенции. При этом религиозные организации функционируют в правовом поле государства, а государство в свою очередь не вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, обеспечивая свободу

религии и деятельности конфессий и благоприятные условия их социально-гуманитарной и морально-воспитательной работы.

И хотя на практике, особенно на региональном уровне, существуют отдельные проблемы с обеспечением равного отношения органов власти к разным конфессиям, однако постепенно в Украине выстраивается партнерская модель государственно-конфессиональных отношений, которая предполагает сотрудничество государства и церкви в социальной и морально-воспитательной сферах. Это связано с объективными причинами, которые заключаются в том, что государство собственными силами не справляется с немалым объемом социальных проблем: обеспечением первичных потребностей нуждающихся и малообеспеченных слоев населения, противодействием эпидемии ВИЧ/СПИД; реабилитации зависимых от алкоголизма и наркомании; ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде тюремного заключения; профилактики преступности и в сфере охраны здоровья, популяризации здорового образа жизни, воспитания молодежи и утверждения в обществе высоких моральных ценностей.

Религиозная сеть в Украине по состоянию на 1 января 2011 года представлена 55 вероисповедными направлениями, в рамках которых действует 35861 религиозная организация (на 677 больше по сравнению с 2009 г.), в том числе 34235 религиозных общин, 88 центров и 274 управления, 459 монастырей, 357 миссий, 78 братств, 200 духовных учебных заведений, 12762 воскресные школы.

Делами церкви в Украине занимается 30199 священнослужителей. Растет количество церковных печатных СМИ, сейчас их количество составляет 386 единиц. Для богослужений религиозные организации используют 23159 культовых и приспособленных под молитвенные сооружений.

Исследование темпов роста количества церковно-религиозных институтов свидетельствует о том, что начиная с 2000 и по 2005 год *расширение религиозной сети приобрело устойчивый характер* и составляло 4,1-4,7% в год. По итогам последних трех лет этот показатель уменьшился и составляет: в 2008 г. – 1,8%, в 2009 г. – 2,04%, в 2010 г. – 1,9%.

Анализ *распространения религиозных конфессий*, течений и направлений, количественных показателей религиозных общин показывает уменьшение разницы их численности в различных регионах страны. Так, если на начало 1992 года в западных областях действовало 7742 первичные организации верующих (59,7% от общего количества общин), то в 2000 – 41,3%, сегодня эта цифра составляет 34,4% (или 11830 общин). В этом регионе фактически уже создана институциональная сеть конфессионально-церковных организаций, почти в полной мере достаточная для удовлетворения религиозных потребностей верующих.

Вторым по численности религиозных организаций является центральный регион, где со времени обретения Украиной независимости, количество первичных общин верующих возросло на 7421 единицу и составляет 9640 приходов, в процентном отношении равняется 28% от общего количества религиозных общин.

Южный регион характеризуется наибольшим приростом религиозных общин, в частности национальных меньшинств. Если в 1991 году общее количество

общин составляло 956 единиц, то сегодня – 5942, то есть увеличение произошло на 83,6% (4986 общин).

Восточный регион отличается наименьшими показателями количественного прироста религиозных общин и их численности. Здесь действует 4420 приходов, что составляет лишь 12,8% от общего количества в стране.

Распределение церковно-религиозных организаций *по конфессиональному признаку* свидетельствует о доминировании в Украине православия, в состав которого входит 17876 приходов, то есть 52% от общего количества религиозных общин страны. Вместе с тем, прослеживается тенденция к уменьшению его удельного веса в общей составляющей, а прирост религиозных общин является ниже общегосударственного показателя. Вместе с этим сохраняется тенденция распространения религиозных общин евангельско-протестантского направления, количество которых на данный момент составляет около 29 % от общего числа по всей Украине, а в отдельных городах (например, Киеве и Донецке) их количество составляет около 50% от всех религиозных общин.

Помощь государства в обеспечении религиозных организаций культовыми сооружениями еще не в полной мере снимает острейшую проблему религиозной жизни в стране. Уровень обеспеченности религиозных организаций храмами и молитвенными помещениями составляет 67,3%. В поочередное пользование религиозным общинам передано 279 культовых здания.

Проведенный Госкомнацрелигий Украины в январе 2011 года анализ позволяет утверждать, что на сегодня создана сеть религиозных организаций, достаточная для удовлетворения религиозных потребностей верующих. Динамика роста институциональной сети свидетельствует об исчерпании экстенсивного развития религиозной среды. Опережающими темпами по сравнению с традиционными церквями растет количество евангельско-протестантских и неорелигиозных организаций, при сохранении исторически присущего доминирования православия в религиозной сети страны.

Социальная составляющая является неотъемлемой частью деятельности религиозных институций. С древних времен церкви, будучи интегрированными в структуру социума, принимали непосредственное участие в решении назревших общественных проблем. По предписаниям мировых религий социально значимая работа является призванием объединений верующих, исполнение которого свидетельствует об ответственности конфессии перед той общиной, среди которой она функционирует и распространяет свое учение.

Следует признать, что господство советской власти в ХХ веке существенно девальвировало социальную миссию религиозных организаций, поскольку последние фактически оказались за пределами государственного общественного пространства.

Восстановление Украиной государственного суверенитета начало новую веху в истории социального служения конфессий. Церкви и религиозные организации получили возможность стать не мнимыми, не декларируемыми, а реальными действенными субъектами общественной жизни. Их успехи и достижения на ниве

выполнения собственных фундаментальных задач сегодня – это очевидный и неоспоримый факт.

За последние 20 лет социальная деятельность действующих на территории Украины конфессий приобрела выраженную многовекторную направленность. Религиозные организации при содействии органов государственной исполнительной власти и органов местного самоуправления реализуют различные проекты благотворительной и милосердной работы. Среди них решение проблем социально-незащищенных слоев населения. С этой целью *церкви и религиозные организации:*

- обустраивают пункты бесплатного питания для нуждающихся;
- обеспечивают медицинское обеспечение и лечение малоимущих;
- организуют летний отдых детей из бедных семей, детей-сирот и детей-инвалидов;
- помогают школам, домам-интернатам, медицинским учреждениям, домам престарелых;
- создают при храмах, церковных общинах и монастырях детские дома, детсады и общеобразовательные школы, социально-реабилитационные центры для нарко-и алкоголезависимых лиц, больных СПИДом;
- занимаются духовной опекой граждан, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы, неизлечимо больных – в хосписах, военных Вооруженных сил Украины и других воинских формирований и т.д.

Особые усилия церкви и религиозные организации Украины прилагают на ниве борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИДа, популяризации здорового образа жизни, уменьшения абортов и воспитания молодого поколения на основе религиозных ценностей. Координацию усилий конфессий в этой сфере в определенной мере осуществляет Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций (ВСЦиРО). В декабре 2008 года Совет подписал Соглашение о сотрудничестве с Министерством здравоохранения Украины, на основании которого при Министерстве был создан специализированный Общественный совет по вопросам сотрудничества с Всеукраинским Советом Церквей и религиозных организаций, объединивший представителей конфессий и медицинского сообщества.

Именно ВСЦиРО выступил учредителем межконфессионального диалога в сфере противодействию ВИЧ/СПИДу в Украине путем принятия и внедрения «Концепции участия Церквей и религиозных организаций Украины в противодействии эпидемии ВИЧ/СПИДа» и «Стратегии участия Церквей и религиозных организаций Украины в противодействии эпидемии ВИЧ/СПИДа», что является уникальным опытом. На основании этих документов был создан Межконфессиональный Ресурсный Центр по вопросам ВИЧ/СПИДа при ВСЦиРО, который проводит тренинги, готовит социальных работников и методические материалы для преодоления этой эпидемии, проведения профилактических мероприятий и оказания помощи ВИЧ-позитивным людям.

В рамках социальной работы имеются конкретные общественно-значимые проекты и программы. Особого внимания заслуживает деятельность *междуна-*

родного фонда «Каритас», который тесно сотрудничает с Украинской греко-католической церковью и Римско-Католической Церковью в Украине. Фонд имеет разветвленную сеть во всех регионах страны. Главной целью фонда является деятельность, направленная на оказание гуманитарной, социальной и финансовой помощи, благотворительных услуг нуждающимся лицам, невзирая на их конфессиональную принадлежность. Фонд осуществляет свою благотворительную работу по программам: «Благотворительная столовая», «Доверие», «Помощь на колесах детям улицы», «Консультативный центр для женщин, пострадавших от торговли людьми», «Опека дома», «Организация досуга детей с проблемами развития», «Дети улицы», «Сиротский портфель». Для пожилых людей организована работа социального центра, где можно получить психологическую и юридическую помощь.

Украинская Унионная конференция Церкви адвентистов седьмого дня еще в середине 90-х годов инициировала создание Адвентистской медицинской ассоциации Украины (которая продолжает действовать по сегодняшний день). В ее рядах более 700 специалистов высшей и средней квалификации, которые оказывают медицинскую помощь нуждающимся в разных регионах страны.

Церковь АСД вместе с международной организацией «Адвентистское агентство помощи и развития» (АДРА) осуществляет ряд программ, которые ориентированы на пропаганду здорового образа жизни, одна из них – «Неделя ужасов» – направлена на профилактику курения, алкоголизма, наркомании, раннего секса и абортов. Программа рассчитана на молодежь старших классов школы, студентов и предусматривает индивидуальные консультации с врачами, семейным консультантом, психологом и социальным работником.

Во многих населенных пунктах Закарпатского региона общинами Римско-католической церкви основана сеть бесплатных аптек. Пятнадцать лет в городе Винница под руководством объединения отцов Капуцинов функционирует Католический мультимедийный центр и ТВ студия «Клара». Благодаря им в ноябре 2008 года на Первом национальном телеканале стартовал новый детский проект «Антивирус для детей». Программа является познавательной и рассчитана на детей от трех лет.

Украинская Православная Церковь (Московский патриархат) имеет уже 10-летний опыт работы в оказании паллиативной и хосписной помощи. В частности, функционирует церковный детский хоспис, который оказывает помощь (социальную, медицинскую, юридическую и духовную) онкобольным детям и их семьям. Также ведется социальная работа с пожилыми людьми, в частности, в доме престарелых «Степок», где в настоящее время проживает около 30 пожилых людей. При нем действует также сельскохозяйственный проект, благодаря которому это учреждение обеспечивается продуктами питания.

По словам председателя Синодального отдела благотворительности и социального служения УПЦ архидиакона Сергия Косовского, «социальная работа и помощь нуждающимся людям – это тот вопрос, где представители церквей, невзирая на вероисповедание и конфессиональность, должны действовать вместе,

проводить совместные проекты, направленные на оказание помощи нуждающимся людям».

Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата уже более 15 лет поддерживает деятельность и помогает продуктами общественным столовым, а те в свою очередь бесплатно кормят тех, кто в этом нуждается. В частности, этим занимается братство Святого апостола Андрея Первозванного. Отдельные приходы несколько раз в неделю предлагают бесплатные обеды для бедных. Также Церковь оказывает помощь государственным домам для престарелых, учреждает приюты для сирот.

Протестантскими церквами образована сеть учреждений реабилитации и здравоохранения: реабилитационные центры, врачебные кабинеты, санатории, где оказывают помощь больным, обеспечивают лекарствами, медицинским оборудованием. Работают пункты бесплатного питания, пункты социальной (гуманитарной) помощи для предоставления комплекса бытовых услуг инвалидам, ветеранам войны и труда, а также одиноким пожилым людям по месту их проживания. Расширяется сеть оздоровительных лагерей для детей-инвалидов и сирот, детей из малообеспеченных семей. Организуется проведение душпастырской работы в домах инвалидов, детских домах и интернатах, исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников и в тюрьмах.

Широкомасштабно такая работа проводится социальными организациями религиозных объединений баптистов, пятидесятников, адвентистов, харизматических церквей. Среди них «Центр христианского сотрудничества», «Славянское евангельское общество», Международной благотворительной организацией «Библейская миссия», Всеукраинский культурно-просветительским центром «Новая жизнь»; а также христианской миссией «Вознесение» миссионерского евангелизационно-благотворительного центра «Слово жизни»; христианской миссией «Табе»; Украинский миссионерским обществом «Свет на востоке», миссией «Лучи радости», центром реабилитации и милосердия «Христианский дом» и др. Этими организациями начаты масштабные социально-гуманитарные проекты: «Инвалиды», «Старики», «Ярмарка здоровья», «Бездомные», «Восстановление зрения», «Укрепление семей», евангелизационно-оздоровительные программы: «О, человек! Будь здоров и живи» при реализации которых проводятся лекции на библейскую и медико-оздоровительную тематику.

При содействии Украинской лютеранской церкви более 17 лет функционирует «Медицинская клиника на колесах». Общины Армии Спасения реализуют такие программы, как: «Лига Милосердия» (учреждена для обслуживания одиноких больных людей, прикованных к постели), «Открытые двери» (предусматривает разнообразную помощь домам престарелых), «Интенсивная коррекция» (направлена на корреляцию интеллектуального развития несовершеннолетних в приютах и детских домах). В решении существующих социальных проблем религиозные организации тесно сотрудничают с государственными органами по делам семьи и молодежи, управлениями социальной защиты населения и службами по делам несовершеннолетних.

Активная благотворительная и благотворительная деятельность и проводится практически всеми религиозными организациями Украины. Следует отметить, что именно по религиозному каналу в Украину поступает почти половина гуманитарных грузов из-за рубежа, что осуществляется на основании Закона Украины «О гуманитарной помощи». В частности, в 2010 году Госкомнацрелигий предоставил помощь-поддержку религиозным организациям в безналоговом таможенном оформлении грузов 197 раз. Всего от международных религиозных организаций за отчетный период поступило 11205,63 тонн грузов благотворительного назначения.

Самыми активными донорами гуманитарной помощи выступили международные религиозные организации Германии – 4275,3 т, США – 2528,2 т, Нидерландов – 798,28 т, Норвегии – 590,6 т, Великобритании – 440,2 т, Швейцарии – 438,5 т, Швеции – 377,2 т. Также поступали грузы из Финляндии, Франции, Дании, Израиля, Польши, Австрии, России и Беларуси, всего 136,70 т грузов.

Как и в предыдущие годы, в 2010 году наибольшее количество гуманитарной помощи поступило религиозным организациям г. Киева – 3141,8 т, что составляет 28 % от общего количества, Львовской области – 1800,58 т, Житомирской – 938,4 т, Волынской – 923,75 т, Закарпатской – 795,4 т, Киевской – 448 т, Ровенской – 320,1 т, Тернопольской – 312,9 т, Автономной Республики Крым – 283,4 т.

За последние годы в финансировании социальной деятельности церквей и религиозных организаций увеличилась доля добровольных пожертвований украинских верующих. Одновременно в Украину в адрес религиозных организаций продолжает поступать гуманитарная помощь из-за границы, которая в дальнейшем распределяется среди нуждающихся и малообеспеченных слоев населения в рамках вышеуказанных социальных программ и проектов.

Следует отметить, что немалый объем социально-гуманитарной помощи предоставляют специализированные общественные и благотворительные организации, основанные церквями и религиозными организациями. Они также выполняют функции по реабилитации, ресоциализации и паллиативной помощи отдельным уязвимым слоям населения.

Несмотря на несовершенство действующего законодательства Украины об образовании, религиозные организации через основанные ими общественные и благотворительные организации, создают учебные заведения государственного стандарта образования, в которых применяется воспитательная система на основе религиозных ценностей. Речь идет о детских садах, школах и высших учебных заведениях, которые поддерживаются церквями.

Несмотря на отдельные проблемы в отношениях с органами власти, экономические трудности и необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, в Украине церкви и религиозные организации играют едва ли не самую большую роль в сфере социального служения среди населения, что требует от государства должного внимания и оказания содействия этой важной общественно-полезной деятельности.

Михеева Ирина

КРИТЕРИИ ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВО – ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ – ОБЩЕСТВО

Сегодня одними из самых актуальных социальных и правовых проблем белорусской действительности являются проблемы качества жизни этнорелигиозных меньшинств, к которым относятся татары-мусульмане, евреи-иудеи и различные группы мигрантов (например, армяне-последователи армянской церкви и др.) Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, требует комплексных действий по налаживанию продуктивного партнерства в системе отношений «государство – этнорелигиозные организации – общество».

Партнерство в системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политики определяется в качестве устойчивой системы взаимодействия между органами власти, обществом и организациями этнорелигиозных меньшинств по поводу налаживания и проведения совместной деятельности в областях социальной жизни, охраны историко-культурного наследия, образования, сохранения языка и пр. Очевидно, что система партнерства отличается от простого сотрудничества органов власти и акторов этнорелигиозной сферы такими важнейшими параметрами, как коллегиальное участие, влияние представителей национальных и религиозных организаций меньшинств в процессе принятия управленческих решений, распределении финансовых и других средств. В связи с этим разработка научных критериев эффективности механизмов партнерства в системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политики РБ должна быть основана на главных принципах партнерства вообще и партнерства в данной области в частности. К таким принципам могут быть отнесены следующие: равноправие сторон; соблюдение норм законодательства; полномочность представителей сторон; добровольность принятия обязательств с учетом реальных возможностей выполнения обязательств; обязательность исполнения договоренностей и ответственность за принятые обязательства; обязательность проведения консультаций сторон в ходе сотрудничества по основным вопросам национальной и религиозной политики; отказ от односторонних действий, нарушающих договоренности; взаимное информирование сторон переговоров об изменении ситуации; принятие решений и осуществление действий в рамках согласованных правил и процедур.

Международная правовая база, регулирующая отношения в системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политики, состоит из перечня документов, созданных различными международными организациями, в том числе – ООН, ЮНЕСКО, МОТ (Международная организация труда), УВКБ (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев), УВКПЧ (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека). Основными международными документами о правах меньшинств и этнокультурных общностей являются Международный пакт о граж-

данских и политических правах и основанная на нем Декларация ООН о правах меньшинств (резолюция 47/135). Соблюдение или несоблюдение соответствующих норм (статей) этих документов конкретным государством свидетельствует как о самом факте, так и о качестве функционирования механизмов партнерства в системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политики.

Исходя из мирового опыта и содержания Декларации ООН о правах меньшинств и других международных стандартов, имеющих отношение к системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политике[33], можно определить следующие главные проблемы в данной сфере, решение которых маркирует степень эффективности механизмов партнерства этнокультурных и религиозных общностей с органами государственной власти и общественными структурами[34]: развитие и защита самобытности этнорелигиозных меньшинств, равенство и недискриминация, эффективное и действенное участие представителей данных общностей в жизни общества.

Следует также обозначить необходимые условия эффективности партнерства в системе межэтнических отношений и этнорелигиозной политики РБ, которые находятся в непосредственной связи с определением научных критериев, а именно:

реализация комплексного подхода к разработке и осуществлению мер, направленных на совершенствование механизмов регулирования межэтнических отношений и этнорелигиозной политики;

научно-методическое обеспечение партнерства, предполагающее глубокую и всестороннюю проработку и обоснование подходов сторон к оценке и прогнозированию межэтнической ситуации, к осуществлению экспертизы процессов в данной сфере в целях ее оптимизации;

максимальное использование в законодательстве Беларуси международного опыта и правовых норм в данной области;

разработка законодательных и нормативных актов по регулированию межэтнических отношений, совершенствованию организационных форм партнерства органов государственной власти с национально-культурными организациями и организациями соотечественников за рубежом;

проведение информационно-пропагандистской работы на основе широкого использования средств массовой информации – газет, журналов, радио, телевидения; отраслевых и местных средств информации.

---

[33] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам; Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств; Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств; Верховный комиссар по вопросам национальных меньшинств и его тематические рекомендации.

[34] Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / Европейский центр по вопросам меньшинств; сост., авт. предисл. А. Осипов, А. Василевич. — Минск : Медисонт, 2012. — С. 17.

На основании вышесказанного и с учетом наработанных в мировой практике данных в сфере межэтнических отношений и этнорелигиозной политики[35] всю совокупность критериев эффективности механизмов партнерства в данной области можно классифицировать следующим образом:

Социально-экономический критерий: оценка положения меньшинств в национальном контексте; выявление структур и условий для улучшения положения; определение приоритетов для улучшения положения меньшинств; содействие доступу к достойной работе и экономическим возможностям.

Социально-политический/ социально-правовой критерий: поощрение и защита прав на равенство и недискриминацию, на участие в политической жизни, создавать ассоциации; поощрение и защита прав перемещенных меньшинств, лиц и меньшинств без гражданства.

Культурно-образовательный/ культурно-правовой критерий: поощрение и защита прав на самобытность, образование и культуру, на основные социальные услуги; на участие в развитии; защита прав детей, принадлежащих к меньшинствам.

Информационно-просветительская деятельность и общественная информация.

Раскрывая содержание социально-экономического критерия партнерства следует охарактеризовать сложившиеся подходы к оценке положения меньшинств в национальном контексте[36]. Эти подходы определяются, во-первых, тем, признаются ли вообще в данной стране группы меньшинств и если да, то обеспечено ли это правовыми или директивными документами. Во-вторых, оценка зависит от такого показателя, как количество и качество актуальных проблем меньшинств в стране. Например, целесообразно проведение анализа несоответствий и ситуационного анализа для оценки того, какими правами наделены меньшинства и какими они не могут пользоваться, по каким причинам. Далее, весьма важным в данном контексте выступает ответ на вопрос, являются ли эти проблемы характерными только для меньшинств или же с аналогичными проблемами сталкиваются и другие группы или слои общества? В-четвертых, безусловно, необходимо очерчивание гендерного аспекта проблемы, то есть понимания того, затрагивают ли такие проблемы в равной мере женщин и мужчин внутри групп меньшинств

---

[35] См., например: Пресс-релиз Организации Объединенных Наций SG/SM/9126/Rev. 1 от 11 февраля 2004 года; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Доклад Совещания экспертов по национальным меньшинствам. ОБСЕ. 1990; Гаагские рекомендации относительно прав национальных меньшинств в образовании. Foundations on Inter-Ethnic Relations. The Hague. 1997; Ф. де Варенн. Руководство по правам меньшинств и их языкам / Пер. с англ. М. В. Дьячкова. — Москва: Юристъ, 2002; Will Kymlicka. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. In: Can Liberal Pluralism be Exported? (ed. W. Kymlicka, M. Opalski), Oxford University Press, 2001, pp. 13–107.

[36] Здесь и далее используются аналитические материалы и рекомендации из: Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / Европейский центр по вопросам меньшинств; сост., авт. предисл. А. Осипов, А. Василевич. — Минск : Медисонт, 2012. — С. 42-51.

и в обществе в целом? В-пятых, следует разобраться, какие рекомендации были вынесены договорными органами по правам человека или мандатариями специальных процедур по вопросу о положении меньшинств, а также имеются ли НПО, занимающиеся проблемами, затрагивающими меньшинства. В частности, подготавливали ли они или другие субъекты доклады, исследования, и поднимались ли проблемы меньшинств в средствах массовой информации или международными НПО. Наконец, весьма важным и показательным является факт того, существуют ли дезагрегированные данные по признакам национального или этнического происхождения, религии и языка, свидетельствующие о положении меньшинств по сравнению с положением населения в целом.

Анализируя структуры и условия для улучшения положения меньшинств как составную часть социально-экономического критерия, прежде всего требуется осмысление таких исходных обстоятельств, как существование в данной стране организаций групп меньшинств, равный доступ женщин и мужчин к организационным структурам и механизмам, представляющим интересы меньшинств (НПО, занимающимся поощрением прав меньшинств), наличие определенных нейтральных структур или пространств для диалога между представителями меньшинств и официальными лицами центральных и/или местных органов власти, а также наличие возможностей для страновой группы ООН участвовать в работе по налаживанию и/или улучшению такого диалога. Не менее существенным представляется ответ на вопрос, какие в настоящее время существуют в стране основные структуры (правительственные, международного сообщества, гражданского общества) по поощрению и защите прав меньшинств, закрепленных в Декларации ООН о правах меньшинств. С этим тесно связана проблема наличия конкретного механизма по сбору дезагрегированных данных (в том числе о доступе к образованию, жилищу и охране здоровья и о состоянии здоровья), позволяющие выносить независимое суждение о реальном положении меньшинств, а также наличия дезагрегированных данных, в том числе по полу и возрасту.

Принципиален в данном аспекте вопрос о разработке страновой группой ООН какого-либо механизма (включая создание тематической группы) или политики для проведения консультаций с меньшинствами и для решения вопросов, вызывающих у них озабоченность. Это, в свою очередь, предполагает включенность конкретной оценки положения меньшинств в общий анализ по стране (ОАС). Если такая оценка включена, то, далее, важно включение вопросов, касающихся их положения или вызывающих у них озабоченность, в Рамочную программу ООН по оказанию помощи. Кроме того, чрезвычайно важным представляется то, учитываются ли положение меньшинств и вопросы, вызывающие у них озабоченность, в данной страновой программе, анализировались ли специфические потребности меньшинств при подготовке призывов об оказании помощи (например, о выделении средств донорами и учреждениями на цели финансирования единых межучрежденческих призывов об оказании помощи и общих планов гуманитарной деятельности) тем странам, в которых положение в области прав человека и гуманитарная ситуация вызывают особое беспокойство.

Определяя приоритеты для улучшения положения меньшинств и оценивая степень защиты существования национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств в данной стране, требуется прояснение следующих показателей: имели ли место в истории случаи преследования, систематического и массового насилия, зверств, сексуального насилия или актов геноцида по отношению к меньшинствам? есть ли случаи принудительной высылки или насильственной депортации членов групп меньшинств из страны? существуют ли конкретные ситуации, когда группы меньшинств и/или их члены обрекаются на социальное отчуждение или целенаправленно подвергаются мерам такого рода? Помимо этого, необходим анализ фактов, когда меньшинства испытывают страдания как прямое или косвенное следствие событий в истории, и сказывается ли по-прежнему это наследие на их жизни или средствах к существованию. При этом важно выяснить, расследуются ли систематически случаи насилия в отношении меньшинств, если нет, то почему, а также каковы основные причины насилия в отношении меньшинств. Говоря о конкретных сферах прав меньшинств, необходимо оценить степень уважения свободы вероисповедания и право пользоваться своей культурой и сохранять ее, или подвержены ли женщины, принадлежащие к меньшинствам, особой опасности физического насилия или социальной отчужденности, и какие профилактические меры по предупреждению таких ситуаций введены в действие.

Весьма существенным показателем социально-экономического критерия выступает содействие доступу к достойной работе и экономическим возможностям. Здесь, прежде всего, оценивается, имеют ли меньшинства равный доступ к возможностям занятости и приносящим доход видам деятельности, а также то, учитываются ли в нормативной базе и политике, особенно в трудовом законодательстве и в национальной политике в области занятости, права меньшинств в сфере труда и какие существуют механизмы реализации и обеспечения соблюдения этих прав. Помимо этого, необходимыми маркерами доступа к достойной работе и экономическим возможностям могут быть обозначены такие показатели, как использование меньшинствами основных прав на свободу ассоциаций и прав на проведение коллективных переговоров, ликвидацию принудительного труда и детского труда, а также права не подвергаться дискриминации. Здесь существенно, гарантированы ли эти права меньшинствам законодательно и на практике наравне с другими трудящимися, представлены ли трудящиеся, принадлежащие к меньшинствам, в профессиональных союзах и организациях работодателей, и принимают ли они участие в социальном диалоге в стране.

Далее, весьма принципиально, учитывается ли в политике и программах содействия обеспечению достойной работы, в том числе непосредственно ориентированных на меньшинства, их специфическое положение, особенно женщин, на рынке труда и на рабочем месте, существуют ли надлежащие механизмы для оценки воздействия этой политики и таких программ.

Имеют ли меньшинства равный доступ к производственным ресурсам, включая кредитование, технологию, профессиональное обучение и наставничество, информацию и землю, а также существуют ли гендерные различия в таком досту-

пе – еще один ключевой вопрос. С ним связана и другая проблема – пользуются ли меньшинства правом на надлежащее жилище, и как реализация этого права связана с их положением в том, что касается доступа к земле и собственности. Наконец, требуется анализ государственной политики в сфере официальных и неформальных мер социальной защиты трудящихся; стратегия социальной защиты трудящихся, относящихся к меньшинствам (особенно когда они в своей массе заняты в неформальном секторе экономики); сбор и регулярный анализ статистических данных о положении меньшинств в официальном и неформальном секторах экономики.

В данном контексте также принципиален гендерный аспект, заключающийся в том, каково положение женщин, принадлежащих к меньшинствам, существует ли тенденция, когда женщины и мужчины, принадлежащие к меньшинствам, в основном выполняют определенные виды работ или заняты в определенных секторах (например, домашняя прислуга и работа по уходу, строительство, работа в зонах экспортной переработки), и если да, то каковы условия труда в этих видах занятий.

Социально-политический/социально-правовой критерий включает в себя ряд подкритериев, связанных с поощрением и защитой ряда базовых прав. Это, во-первых, поощрение и защита прав на равенство и недискриминацию, которые базируются на том, приняло ли государство всеобъемлющие конституционные положения и/или законодательство о недопущении дискриминации, и какое место в них занимают права и меры по защите меньшинств. В данном контексте мы выходим на проблему различий в пользовании основными правами человека между различными группами, включая меньшинства. Последнее определяется, в частности, тем, систематически ли регистрируются жалобы на дискриминацию, когда возможными жертвами дискриминации являются лица, принадлежащие к меньшинствам, имели ли место зарегистрированные случаи дискриминации женщин в их собственных общинах меньшинств и что делает ООН, чтобы защитить их права, существует ли дискриминация по отношению к группам меньшинств в вопросах доступа к основным услугам (охране здоровья, питьевой воде, питанию и образованию), какова динамика сохранения практики множественной дискриминации, и какие группы являются наиболее уязвимыми, а также каким механизмам следует содействовать для решения проблем, связанных с множественной дискриминацией. Наконец, данную проблему следует анализировать с учетом того, в какой мере страновая группа ООН может применять скоординированный подход, направленный на борьбу, как с социальной, так и с институциональной дискриминацией.

Во-вторых, следует говорить о поощрении и защите права на участие в политической жизни. В данном случае существенным выступает понимание того, есть ли у этнорелигиозных меньшинств доступ к информации о публичной политике и решениях, принимаемых в их интересах, особенно когда они не участвуют в принятии решений. Очень важен вопрос о механизмах, во-первых, поддержания диалога внутри групп меньшинств и с такими группами на национальном, региональном

и местном уровнях государственного управления и, во-вторых, обеспечения эффективного участия меньшинств в политической жизни на местном и общенациональном уровнях. С этим связана проблема наличия парламентских или иного рода групп, лоббирующих интересы меньшинств.

Право меньшинств на участие в политической жизни непосредственно зависит от того, обеспечивают ли правительство и Парламент эффективное функционирование и финансирование национальных агентств, учреждений и/или механизмов, отвечающих за содействие участию в политической жизни, а также от того, приняло ли государство специальные меры, необходимые для того, чтобы гарантировать право меньшинств на участие в политической жизни на различных этапах процесса выхода страны из ситуаций вопиющих нарушений прав человека и вооруженного конфликта, особенно в том, что касается беженцев и перемещенных лиц.

Право этнорелигиозных меньшинств на участие в политической жизни связано с тем, представлены ли они в органах госуправления (например, в качестве членов Парламента, в судебной системе и в правоохранительных органах и т. д.). Если да, то важно, пропорциональна ли их представленность численности общин и достаточна ли для того, чтобы отвечать их интересам. Существенным здесь выступает обстоятельство влияния участия членов меньшинств в общественной жизни на обеспечение гендерного равенства внутри общины и в обществе в целом. В частности, интересен анализ механизмов, которые были или могли бы быть созданы для содействия участию женщин, принадлежащих к меньшинствам. На надгосударственном уровне на право меньшинств на участие в политической жизни влияет то, каковы возможности Организации Объединенных Наций в деле повышения способности групп меньшинств принимать участие в принятии решений и контролировать проведение в жизнь публичной политики.

Следующим подкритерием социально-политического критерия партнерства является поощрение и защита права меньшинств создавать ассоциации. Он раскрывается через совокупность таких показателей, как гарантирование и обеспечение национальным законодательством на равных началах права трудящихся, принадлежащих к меньшинствам, создавать ассоциации и профессиональные союзы; наличие или отсутствие в стране каких-либо препятствий, которые не позволяют меньшинствам в полной мере пользоваться этими правами; предпринятые организациями гражданского общества усилия, направленные на формирование сети для обмена информацией и координации действий в данной области.

Поощрение и защита прав детей, принадлежащих к меньшинствам, – еще один важный показатель социально-политического критерия. Он зависит от общего положения детей, принадлежащих к меньшинствам, от наличия в стране внутренне перемещенных лиц и того, как осуществляется мониторинг положения детей, принадлежащих к меньшинствам. Важным является то, уделяется ли внимание нуждам детей из числа беженцев, а также предусмотрено ли обеспечение прав детей национальными законами и на практике, включая право на доступ к образованию и охране здоровья, свободу не подвергаться эксплуатации и недопущение

детского труда (существуют ли эффективные механизмы обеспечения прав детей, и учитываются ли ими нужды детей, принадлежащих к меньшинствам).

Анализ состояния поощрения и защиты прав перемещенных меньшинств следует начинать с изучения того, существуют ли в составе перемещенного населения или беженцев группы меньшинств и в чем заключаются причины их перемещения, в том числе, связаны ли они с их статусом как меньшинств. Помимо этого, необходимо выяснение того, был ли им предоставлен доступ к процедурам определения статуса беженцев (если они были перемещены за пределы страны их происхождения), а также как оценивались их ходатайства на предмет предоставления статуса беженцев.

Наконец, поощрение и защита прав лиц и меньшинств без гражданства предполагает определение того, выявляются ли меньшинства и лица, не имеющие гражданства, а также регистрируется ли рождение детей, принадлежащих к меньшинствам, с тем, чтобы имелись документы, удостоверяющие место их рождения и указывающие, кто является их родителями. С этим связана оценка такой возможности, как влияние программ регистрации деторождения на сокращение безгражданства. Для более углубленного изучения сферы поощрения и защиты прав лиц и меньшинств без гражданства обязательным является анализ наличия и качества информации о процедурах получения гражданства в доступном и понятном для членов меньшинств виде, а также механизмов сокращения безгражданства (таких, как: система облегченной натурализации, основанная на законном привычном проживании на территории государства, приобретение гражданства при рождении ребенка, который в ином случае не имел бы гражданства). Помимо вышеобозначенного целесообразным представляется выяснение, пользуются ли меньшинства без гражданства, привычно проживающие на территории страны, полным объемом гражданских, экономических, социальных и культурных прав, гарантированных по международному праву лицам, не являющимся гражданами страны.

В рамках культурно-образовательного/культурно-правового критерия партнерства выделяется, прежде всего, такой маркер, как поощрение и защита прав на самобытность, образование и культуру. Он предполагает исследование видов программ и мер, которые могут быть разработаны для создания благоприятных условий, позволяющих женщинам и мужчинам, принадлежащим к меньшинствам, проявлять свои особенности и развивать свою культуру, язык, религию, традиции и обычаи. Он также включает в себя анализ того, как можно обеспечить пользование меньшинствами равными возможностями в изучении родного языка и/или обучении на родном языке, включая изучение их истории, традиций, языка и культуры, а также каким образом можно обеспечить в условиях гуманитарного кризиса, и, в частности, в случаях вынужденного перемещения, право детей, принадлежащих к меньшинствам, на изучение их родного языка.

Следующая составляющая культурно-образовательного критерия – поощрение и защита прав меньшинств на основные социальные услуги – предполагает рассмотрение того, в какой мере нищета затрагивает в данной стране меньшинства,

и затронуто ли нищетой непропорционально большое число лиц, принадлежащих к меньшинствам. Здесь же необходимо выяснение, испытывают ли группы меньшинств особые проблемы со здоровьем, и вызывает ли особое беспокойство состояние здоровья представителей групп меньшинств, а также страдают ли они такими заболеваниями, как, например, ВИЧ/СПИД, и отличаются ли в их среде заболеваемость обусловленными нищетой болезнями и степень недоедания от остальной части населения. В этот же маркер включаются такие проблемы и механизмы их решения, как улучшение возможности равного доступа к социальным услугам (отвечающим также специфическим нуждам женщин и мужчин); возможности ООН в деле оказания помощи правительству в улучшении социальной политики, способствующей предоставлению основных социальных услуг меньшинствам; перечень ресурсов, которыми располагают или управляют меньшинства на местном уровне для предоставления социальных услуг и учет при оказании таких услуг гендерной специфики; возможности для групп меньшинств контролировать оказание основных социальных услуг; отражение основных социальных показателей (голод, детская смертность, состояние здоровья и охват школьным образованием) и каких-либо особых различий в условиях между основной частью общества и меньшинствами.

В контексте поощрения и защиты права на участие в развитии оценивается, прежде всего то, проводились ли в процессе оценки и разработки проектов развития максимально широкие консультации с группами, для которых эти проекты предназначены, и были ли предприняты усилия, ориентированные на наиболее маргинализованные и уязвимые слои с целью создания условий, позволяющих обеспечивать их равноправное участие в процессах развития. Оценка права меньшинств на участие в развитии также зависит от того, применяется ли правозащитный подход, предусматривающий обеспечение действенного участия в процессах развития тех людей, которых эти процессы затрагивают, и учитываются ли законные интересы меньшинств при разработке национальной политики и программ, в том числе на стадиях планирования и реализации.

Наконец, информационно-просветительская деятельность и общественная информация, являясь одним из основных средств расширения возможностей этнорелигиозных меньшинств, может играть существенную роль в поощрении и защите их прав. Внимание общества к положению меньшинств можно привлекать с помощью разнообразных новаторских подходов. С этой целью полезно предусмотреть, во-первых, подготовку информационных материалов, в том числе на различных языках, и их широкое распространение; организацию кампаний по случаю международных дней, таких как 10 декабря – День прав человека; оказание поддержки деятельности по профессиональной подготовке/созданию потенциала и информационно-просветительской деятельности, в том числе и представителей этнорелигиозных меньшинств.

III. РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РОЛЬ В ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВ

Элбакян Екатерина

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

«Non rex est lex, sed lex est rex» (лат.) –
«Не царь является законом, а закон – царем».

Типы экспертиз

В современной России все чаще приходится слышать о претензиях государственных органов к тем или иным религиозным организациям, в основном относящимся к так называемым «религиозным меньшинствам». Следствием этого становятся судебные прецеденты, когда отдельные религиозные организации вынуждены, зачастую неоднократно, обращаться в суды различных инстанций, включая Европейский суд по правам человека, для решения возникающих у них проблем. Иногда, напротив, государство выдвигает обвинения против религиозных организаций.

Немалую роль в подобных, как правило, весьма длительных судебных тяжбах играют прокурор и адвокат, существенной помощью для которых оказывается мнение эксперта по рассматриваемому вопросу. Высоко квалифицированный специалист в той области, которая является предметом рассмотрения и в которой представители сторон менее компетентны, высказывает мнение в заключении так называемой «судебной экспертизы». Может быть использована и внесудебная экспертиза, и вызов эксперта в суд для допроса по ходатайству стороны защиты или стороны обвинения.

Согласно Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (ФЗ №-73 от 31 мая 2001), *судебная экспертиза* – это «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». Экспертиза считается судебной, если она назначена судом, либо по ходатайству сторон, участвующих в судебном разбирательстве, т.е.

стороны обвинения, стороны защиты, истцом или ответчиком и, наконец, самим судьей, а иногда – следователем. Выводы, содержащиеся в судебной экспертизе, являются доказательной базой при рассмотрении дела в суде и могут влиять на принятие судьей решения. Судебная экспертиза является частью процессуального действия, подпадающего под регулирование соответствующими нормами административного, гражданского и уголовного права, а автор судебной экспертизы (эксперт) несет уголовную ответственность за недостоверность содержания своего заключения.

Внесудебная экспертиза представляет собой исследование эксперта, проводимое с целью разрешения спорных ситуаций путем установления фактов, которое может провести только обладающий специальными знаниями в данной сфере профессионал. Внесудебная экспертиза не имеет того правового статуса, которым наделена судебная экспертиза, эксперт не несет уголовной ответственности за свои выводы. Однако она также может являться частью доказательной базы и основанием для вынесения судебного решения или для возбуждения уголовного дела.

Помимо статуса, экспертизы могут быть разделены на *первичные*, то есть впервые проводимые, и *вторичные (повторные),* которые проводятся в случае возникновения сомнения в обоснованности выводов первичной экспертизы. Помимо этого, впервые проводимая экспертиза является *основной,* но при ее недостаточности или возникновении новых обстоятельств, не рассмотренных в основной экспертизе, может назначаться *дополнительная* экспертиза. Экспертизы подразделяются на *единоличные* (подготовленные одним специалистом) и *комиссионные* (проводимые группой экспертов), а кроме того на *однородные* (в рамках одной отрасли знания) и *комплексные* (требующие для своего осуществления две и более отраслей знания). Естественно, что комплексная экспертиза всегда является комиссионной.

Религиоведческая экспертиза, как правило, бывает частью комплексной психолого-лингвистической комиссионной экспертизы. Однако она может быть и однородной, и единоличной, и комиссионной. Главное, что должно отличать религиоведческую экспертизу, – это ее строго научный и независимый характер, что становится возможным при следовании определенным методическим стандартам. Здесь важно понимать, что религиоведение является наукой о религии, возникшей около 150 лет назад в Западной Европе и формировавшейся вокруг предмета (различные стороны проявления религии в жизни человека и общества) и объекта (религия как социокультурный феномен) своего изучения с использованием, при этом, методов других наук (социологии, психологии, истории, этнологии, антропологии и др.).

Принципы научности

В чем же заключается суть «научности»? Классическая наука, в основе которой лежит механистическая картина мира, в качестве нормы провозглашает *объективность*, то есть соответствие наших представлений об объекте внешнего мира или о каком-то внешнем явлении самим этим объекту или явлению. Это, в свою

очередь, предполагает элиминацию (устранение) субъекта, то есть отстраненность от его личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей. Возникшая на рубеже XIX-XX вв., как следствие кризиса в физике в результате открытий на уровне микромира, в частности, квантовой механики, неклассическая наука опирается на познавательные способности субъекта. Следствием этого становится «допущение» субъекта в мир объектов, а идеи тождества восприятий и вещей, языка и реальности – являются весьма популярными во многих философских концепциях XX века. Эмансипация субъекта познавательной деятельности вызвала интерес к проблеме субъектности в целом, а взаимодействие индивидов в социальном процессе нашло отражение в актуализации проблемы «Я» и «Другой», в соответствии с решением которой выстраиваются не только модели межличностного взаимодействия, но и координации взаимодействия социальных групп и систем, в том числе и религиозных.

Постнеклассический этап в развитии современной науки, начавшийся в 1970-х гг., предполагает определенную интеграцию различных научных направлений, междисциплинарность научных исследований. Этому способствуют компьютеризация науки, предполагающая новые подходы к получению и хранению информации, невозможность решить ряд научных задач без комплексного использования знаний различных научных дисциплин, без учета места и роли человека в исследуемых системах. Поэтому постнеклассическая наука, в определенном смысле, способствует конвергенции естествознания и социально-гуманитарных наук.

Метод «объективного» или «внешнего» описания объектов и/или явлений, в первую очередь, социальных в этой связи был дополнен методом их изучения «изнутри» – с точки зрения людей, образовавших социальные, в том числе религиозные структуры, и действующих в них. Здесь приоритетное значение остается за постижением (экспликацией) смысла, когда в качестве основной методологической процедуры используется не столько объяснение (как в естественных науках), сколько понимание. Недостаточным в данном случае является и описание исследуемых процессов, которое имеет большое значение в естествознании. Оно дополняется интерпретацией текста в широком значении этого понятия. Еще гностики говорили о важности интерпретации, исходя из того, что все мы видим одно и то же, но воспринимаем по-разному. *Текст* – это любая знаково-символическая система, созданная человеком, это памятники, отделенные от исследователя временем, историческими, культурными, языковыми традициями. Отсюда существуют «барьеры», препятствующие проникновению в смысл текста. Цель герменевтики (науки об истолковании текстов) – устранение этих барьеров, а потому необходимо уметь и переводить, и интерпретировать, и комментировать, и владеть искусством диалога (текст – «застывшая речь», а потому методом его истолкования может быть диалог между интерпретатором и текстом), и др. Застывшая речь имеет две стороны – *объективную*, предметом которой является грамматическая интерпретация, где выясняется отношение к языку, как к объективно существующему феномену, и *субъективную*, психологическую, когда отношение к речи рассматривается, как к некоторой производной ее инициатора. Понимание в данном случае обеспечива-

ется взаимодополнением этих двух моментов. Грамматическая и психологическая интерпретации дополняют друг друга, что не мешает доминированию любой их них, в зависимости от того, что является предметом исследования: художественный текст, священные книги или научный трактат. Таким образом, традиционные представления о рациональности, о противоположности субъекта и объекта познания, об объективности познания и проблемах относительности истинности знания и т.д. претерпевают существенные изменения.

Религиоведение как отдельная отрасль научного знания возникает в парадигме классической науки, объективность и беспристрастность для которой являются важнейшими критериями научности. Наука изучает только то, что существует само по себе и независимо от субъекта. Ее не интересует, почему это есть, что могло бы быть, что должно быть и насколько это хорошо или плохо. То есть, строго говоря, сослагательные и аксиологические суждения научный подход исключает.

В целом, наука базируется на доказательстве, поэтому для нее имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. На сегодняшний день научным сообществом признается ряд критериев научности, среди которых можно выделить следующие основополагающие принципы:

1. *Принцип верификации* (от лат. verus – истинный и facere – делать), в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить. Этот принцип был предложен Бертраном Расселом.

2. *Принцип фальсификации* (от лат. false – ложь и facere – делать), в силу которого только то знание является научным, которое можно изменить: опровергнуть или дополнить. Этот принцип предложен Карлом Поппером.

3. *Принцип объективности* – постулирования того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта, то есть тех явлений или процессов, которые не зависят от воли или желания познающего субъекта (отдельного ученого или научного сообщества).

4. *Принцип рациональности* (от лат. ratio – разум). *Рациональность* – относящееся к разуму, обоснованность разумом, доступное разумному пониманию, в противоположность иррациональности как чему-то неразумному, не доступному разумному пониманию. В методологии научного познания рациональность понимается двояко. Чаще всего она истолковывается как соответствие законам разума – законам логики, методологическим нормам и правилам. Иногда под рациональностью понимают целесообразность, некое целеполагание, предполагающее определенные логически выверенные шаги по достижению поставленной цели. Рождение феномена рациональности связывается с коренным реформированием европейской философии в Новое время, выразившимся в ее сциентизации и методологизации. Основоположником этой реформы принято считать Р. Декарта, призывавшего разум человека освободиться и от «оков мистики и откровения», а также от рассудочной ограниченности схоластики.

5. *Принцип методичности* – последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели.

6. *Принцип истинности*, под которым подразумевают соответствие знания (шире – информации) познаваемому предмету (шире – объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак *предметности* знания, а именно: всякое знание должно быть знанием предметным, то есть характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому объекту, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.

7. *Принцип системности*: только та информация является научной, которая должным образом структурирована. Структуризация позволит легко определять ее роль и место в общей системе знаний, т.е., обеспечивает возможность поиска нужной информации.

8. *Принцип изменяемости частей*: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, т.е. опровергнуть или дополнить.

9. *Принцип интерсубъективности* выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания (шире – информации) в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуалистичностью.

10. *Принцип аксиологической нейтральности*, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте.

Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов

В ряду различных типов экспертиз – лингвистической, психологической, искусствоведческой и др. религиоведческая экспертиза занимает весьма важное место. Исходя из того, что религиоведение – академическая наука, ключевым принципом научной религиоведческой экспертизы является объективность, реальное достижение которой возможно лишь с позиции интерсубъективности и аксиологической нейтральности. Как отмечал западный исследователь религии М. Томпсон, «между наукой и религией есть знаменательное различие, которое заключается в том, что наука старается игнорировать личную реакцию ученого на изучаемый объект, тогда как неотъемлемой чертой религии является именно личная реакция»[37].

Рассматривая общенаучные принципы применительно к религиоведческой экспертизе, необходимо обратить внимание на следующее: только в случае применения общенаучных принципов при подготовке экспертных заключений, можно говорить о *действительно религиоведческой экспертизе*. Поскольку религиоведение – наука, отвечающая всем критериям научности, постольку религиоведческая экспертиза не может быть ни вненаучной, ни, тем более, псевдо- или антинаучной. При ее осуществлении эксперт обязан руководствоваться всеми указанными принципами –верифицируемости, фальсифицируемости, объективности, рациональности, методичности, истинности, системности, изменяемости частей, интерсубъективности и аксиологической нейтральности.

---

[37] Томпсон, М. Философия религии. – М., 2001. - С.325.

Рассмотрим «работу» этих принципов на конкретном примере. Например, необходимо провести экспертное исследование и сделать экспертное заключение на тему, является ли некая община, провозглашающая себя религией, действительно религиозной организацией. Помимо анализа ее правоустанавливающих документов, мы, применяя принципы научности, осуществляем религиоведческую экспертизу в соответствии с принятым в современном религиоведении пониманием: а) структуры религии; б) типологии религиозных организаций; в) классификации религий.

С позиций современного религиоведения, всем развитым религиям свойственна единая в принципе структура. Она включает в себя четыре основных элемента: религиозное сознание; религиозная деятельность; религиозные отношения; религиозные организации. Остановимся на этих элементах подробнее, поскольку именно эта структура, принятая в религиоведении, и должна лежать в основе религиоведческой экспертизы, независимо от конкретной задачи, поставленной в том или ином случае перед экспертом. *Религиозное сознание*, главной чертой которого является вера в реальное существование сверхъестественного, имеет два уровня: обыденный (религиозное сознание верующих людей) и концептуальный (теологические и религиозно-философские изыскания). *Религиозные отношения* – это отношения между верующими людьми, складывающиеся как в процессе отправления культа – богослужений, религиозных поклонений, празднований, обрядов и др. (культовые отношения), так и в других возможных сферах деятельности – миссионерской, хозяйственно-экономической, издательской, просветительской и др. (внекультовые отношения). Помимо этого в рамках религиозных отношений можно выделить два пласта: объективный – отношения между членами религиозной общины, и субъективный – отношение верующего человека к сверхъестественной силе. *Религиозная деятельность* также бывает культовой и внекультовой. К культовой деятельности относится участие в различных отправлениях религиозного культа (религиозные празднования, ритуалы, церемонии, обряды, таинства). К внекультовой деятельности относится активность верующих и религиозной общины в таких сферах как миссионерство, милосердно-благотворительная, издательская, преподавательская и др. виды религиозной деятельности. *Религиозные организации* подразделяются на три основных типа, а именно – церковь, деноминацию и секту, хотя некоторыми исследователями таковых указывается до пятнадцати видов и подвидов. В данном случае выделяются определенные признаки, которые свойственны тому или иному типу религиозной организации. Так, например, *церковь* – это тип религиозной организации, объединяющий последователей на основе общности вероучения и культа с претензией на их исключительность в религиозном мире. Церковь обладает сложной, централизованной и иерархизированной системой разделения на священнослужителей, которые проходят специальное обучение и посвящение, и мирян. Их взаимодействия осуществляют функции выработки, сохранения и передачи религиозной информации; организации и координации религиозной деятельности; контроля за поведением верующих людей. Принадлежность к церкви определяется, как

правило, не свободным выбором человека, а традицией (семейной, государственной). Ее последователи в основном анонимны, т.е. отсутствует постоянное и строго контролируемое членство. Обычно церковь сотрудничает с государством или, по крайней мере, не противостоит ему.

Секта возникает в результате отделения от церкви части верующих, провозглашающих оппозицию традиции и господствующей церкви, а нередко и общественному порядку, государству. В современной социологии религии существуют следующие характеристики секты: неприемлемость учения церкви, от которой отделилась секта; акцентируемая претензия на исключительность своей роли в религиозном мире, своей доктрины и идейных принципов. Это бывает выражено в мессианских настроениях, в подчеркивании избранничества и в тенденции к изоляционизму; своеобразная трактовка или интерпретация священных книг и религиозных догматов; харизматический характер лидерства в организации; готовность приверженцев к отречению от имеющихся связей и разрыву с семьей, обществом и установленным бытом, связанная с этим установка на жертвенность и страдание; религиозная мечтательность и идеализация будущего; активная миссионерская деятельность и энергичное привлечение новых адептов своего учения; сравнительно небольшое количество последователей и постоянно контролируемое членство; отсутствие деления на священнослужителей и мирян, либо, в ряде случаев, всеобщее священство; провозглашение равенства всех членов организации; фанатичность в отстаивании мнения об исключительной истинности своей веры, нетерпимость и резкое неприятие других учений и т.п.

Одной из разновидной секты можно считать харизматический культ, имеющий те же основные черты, что и секта. Его специфика связана с тем, что ключевую роль здесь играет некая конкретная личность, признаваемая харизматичной (наделенной особым избранничеством или божественной благодатью) и, зачастую, воспринимаемая либо в качестве особо приближенной к божеству, либо самим божеством. Харизматический культ, как правило, малочислен и после смерти харизматического лидера часто прекращает свое существование. В нем отчетливо прослеживаются представления об исключительности, изоляционизме и мистицизме.

Деноминация – это промежуточный тип религиозной организации, соединяющей в себе черты церкви и секты. От церкви она заимствует относительно высокую степень централизации и иерархический принцип управления, отказ от политики изоляционизма. Проповедь избранности членов сочетается с признанием возможности спасения и духовного возрождения для всех. С сектой ее сближает принцип строго контролируемого членства, претензия на исключительность установок и ценностей, идея богоизбранничества. Отличает деноминацию от секты активное участие в светской жизни, эффективная экономическая деятельность, готовность и стремление перерасти в церковь или, по крайней мере, получить такой статус.

Важно отметить, что данная типология, предложенная более века назад протестантскими теологами Э. Трельчем и Р. Нибуром, эффективна исключительно

в сфере академического религиоведения с присущей ему аксиологической нейтральностью, то есть при полном отсутствии негативных коннотаций в адрес того или иного типа религиозных организаций, существующих на протяжении всей истории существования развитых религий. Когда же речь о типе той или иной религиозной организации переходит в чисто юридическую плоскость, в сферу правоприменения, то данная типология не учитывается, так как содержащееся в ней научно обоснованное разделение на определенные типы в сфере права не обозначено. Так, в соответствии с Законом № 15-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997), в юриспруденции существует деление религиозных организаций лишь на централизованные и местные (ст. 8), на религиозные объединения и религиозные группы (ст. 7).

При рассмотрении классификации религий в научном религиоведении выделяется ряд признаков тех или иных классов религий в строгом соответствии с наличием таких признаков, независимо от личных симпатий и антипатий исследователя с отнесением той или иной религии к ранним религиозным верованиям, к этно-локальным (народностно-национальным), мировым религиям или к новым религиозным движениям. Так, например, известно, что этно-локальным религиям свойственны политеизм, сложная обрядность с присущими ей жертвоприношениями, наличие профессионального жречества и т.д. В отличие от этно-локальных, мировым религиям свойственны универсализм, эгалитаризм, отмена сложных обрядов и жертвоприношений и т.д.

Аналогичным образом при типологии религиозных организаций, используя знания в сфере социологии религии, исследователи анализируют те или иные черты религиозной организации, относя ее к церкви, деноминации или секте. Как и в случае религиоведческой экспертизы, религиоведы применяют здесь научные принципы:

Верифицируемость – проверка религиозной организации на наличие в ней всех элементов религиозного комплекса – религиозного сознания, религиозных отношений, религиозной деятельности и религиозной организации как таковой.

Фальсифицируемость – где имеется в виду, что полученное учеными знание может видоизменяться и дополняться с учетом развития или иных изменений данной религиозной организации.

Объективность – где представления о конкретной религиозной организации обязаны совпадать с ее основными свойствами и характеристиками. Религиоведы ничего не домысливают, не приписывают и не умалчивают ни о каких свойствах религиозной организации.

Рациональность – где перед учеными стоит определенная задача, которая решается ими путем процедур, в основе которых лежат принципы формальной логики.

Методичность – мы логично и последовательно достигаем поставленной перед экспертным исследованием цели.

Истинность – в экспертном заключении мы представляем наши знания о данной религиозной организации соответствующими состоянию и функциям этой религиозной организации.

Системность – которая проявляется в том, что информация в экспертном заключении должна быть четко структурирована, что позволяет легко определить то или иное свойство и характеристику религиозной организации.

Изменяемость частей предполагает возможности для дополнения информации, содержащейся в экспертном заключении или замены каких-то его отдельных деталей при сохранении целого, то есть общих выводов.

Интерсубъективность экспертного заключения указывает на то, что содержащаяся в нем информация о религиозной организации является общезначимой и не зависящей от личного мнения

Аксиологическая нейтральность, тесно связанная с интерсубъективностью, предполагает устранение каких-либо пристрастий эксперта, а также констатирование и анализ конкретных фактов, свойств, отношений, характеристик религиозной организации. То есть предполагает некую «элиминацию» (устранение) эксперта, как субъекта.

Ученый-религиовед заведомо обязан следовать данным принципам при составлении экспертного заключении, даже если они им специально не прорефлексированы.

Это соответствует всем аспектам религиоведческой экспертизы, о которых говорится в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 *«О государственной религиоведческой экспертизе»*. Так, в данном документе указывается, что «объектами экспертизы являются: а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов; б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики; в) формы и методы деятельности религиозной организации; г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии; д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру; е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией»[38].

Тем не менее, довольно странным в названом документе выглядит, например, разделение пунктов *в* и *г*, ибо и то и другое, с позиций религиоведения, относится к формам деятельности религиозной организации – культовой и внекультовой. В пункте *б* идет смешивание вероучительных текстов с культовой практикой, что напротив нуждается в разъединении и вынесении в отдельные пункты (основы вероучения необходимо объединить с пунктом *е* – религиозная литература, где,

---

[38] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: http://www.minjust.ru/

собственно, они излагаются, а практику присоединить к пункту *г*. Так же, как можно объединить, в принципе, пункты *д* и *а*, как «мирские» документы организации). То есть, только в таком случае, объекты исследования будут четко структурированы с позиций научного религиоведения, то есть будут использованы принципы системности и рациональности.

Далее в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» читаем: «4. Задачами экспертизы являются:

а) определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики». Нетрудно заметить, что определение религиозного характера организации должно проводиться по другому основанию – а именно, по признакам того, насколько данная религиозная организация соответствует структуре религиозного комплекса и обладает всеми его элементами.

б) проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения»;

Относительно этого пункта, совершенно непонятно, каким образом религиовед должен проверять «достоверность» сведений об основах вероучения религиозной организации, содержащихся в документах. То есть эксперт должен усомниться в том, что данная религиозная организация достоверно излагает основы своего вероучения, опираясь на сакральные тексты? Тогда как, на самом деле, она может иметь совсем иное вероучение, которое, видимо, «тщательно скрывает», не помещает ни в какие письменные источники и тайно передает «из уст в уста»?… Таким образом, и вторая задача сформулирована некорректно.

«в) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности».

Для исполнения этой задачи, видимо, необходимо «включенное наблюдение», которым пользовались антропологи и этнологи второй половины XIX в., приезжая к дикарям Океании и Полинезии и десятилетиями изучая их магические приемы. В условиях современной цивилизации подобное не только вряд ли возможно, но и откровенно неуместно.

«При проведении экспертизы могут быть разъяснены иные возникающие при осуществлении государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций вопросы, требующие экспертной оценки»[39].

Последняя фраза слишком неконкретна и может быть истолкована как угодно, вплоть до диаметрально противоположных и взаимоисключающих мнений, что, видимо, создает удобство для произвольного манипулирования этим основани-

---

39 Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: http://www.minjust.ru/

ем в тех или иных целях. Таким образом, объекты и задачи, сформулированные в приведенном документе Министерства юстиции РФ, критики с позиций научного религиоведения определенно не выдерживают.

Согласно тому же документу, субъектом религиоведческой экспертизы, является Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, председатель и подавляющее большинство членов которого не являются религиоведами. Это своего рода «попутчики священного», которые, судя по всему, исходят из того, что если они соприкоснулись в некоей ситуации с религией, то прекрасно знают, что это такое и вправе давать экспертные заключения, от которых, зачастую, зависит судьба не только религиозной организации как административной единицы, но и десятков и сотен тысяч верующих сограждан.

Экспертный совет по религиоведческой экспертизе должен:

- Быть независимым, а не государственным. Только в этом случае он может быть действительно не ангажирован и объективен
- Включать религиоведов и юристов, специализирующихся в сфере государственно-религиозных отношений, стоящих на позициях объективности, толерантности, гармоничного единства в соблюдении общечеловеческих нравственных норм, тактичного отношения к верующим различных религиозных направлений, уважения к их ценностям, а также к букве и духу закона. Лишь в таком случае экспертные заключения, утверждаемые Советом, будут иметь вес в религиозном, юридическом и научно-религиоведческом сообществах. Следовательно, и в просвещенном обществе в целом мнения экспертов будут вызывать уважение и восприниматься основанием для формирования беспристрастного отношения к объектам экспертных исследований.

Работа независимого экспертного религиоведческого совета

В качестве примера частичного разрешения вышеизложенной проблемы, Центром религиоведческих исследований «РелигиоПолис» был сформирован Независимый экспертный религиоведческий совет (НЭРС), согласие об участии в котором выразили более двадцати специалистов в области изучения религии. Его первое заседание, посвященное вопросам, связанным с проведением в России религиоведческой и комплексной судебной экспертиз в отношении религиозных объединений, зарегистрированных Министерством юстиции РФ и отдельных судебных прецедентов, состоялось 25 сентября 2013 года.

В результате обсуждения по повестке дня НЭРС пришел к следующим выводам:

1. Прецеденты судебного и административного преследования религиозных объединений, официально зарегистрированных на территории Российской Федерации и не нарушающих российского законодательства, организуются под надуманными предлогами с опорой на выводы, сформулированные некомпетентными в сфере научных знаний о религии экспертами, зачастую обнаруживая в этом признаки действий, наносящих ущерб общественному благополучию, социальной

стабильности и основам государственного строя. Религиозные организации, признанные государством и осуществляющие свою деятельность в соответствии с положениями зарегистрированных им уставов, вправе рассчитывать на реализацию государством предоставленных им законом прав и гарантий на религиозную свободу.

2. Широкое распространение в современном российском судопроизводстве получило использование непрофессиональных экспертиз, в текстах которых употребляются язык и формы, зачастую противоречащие Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях (от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ) и ведущие к нарушению принципов религиозной свободы. В результате формируется негативный в целом имидж российской судебной системы. Наиболее часто это практикуется в отношении религиозной литературы и деятельности религиозных объединений Свидетелей Иеговы и Саентологической церкви Москвы. Не менее красноречивые примеры подобного имеют отношение и к другим организациям, например, Международному обществу сознания Кришны (процесс в Томске над книгой «Бхагавад-гита как она есть», считающейся у верующих священной книгой, поскольку в ней представлены комментарии основоположника МОСК – ачарьи Свами Прабхупады) или исламским религиозным организациям, для которых священной книгой является Коран (решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 17 сентября 2013 года о запрете на смысловой перевод Корана на русский язык, выполненный Эльмиром Кулиевым). Ряд произведений религиозной литературы Свидетелей Иеговы, включая периодическое издание «Сторожевая башня», на страницах которой обсуждаются и комментируются библейские тексты, в результате использования судом упомянутых экспертиз, внесен в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции (на 19 сентября 2013 года постоянно пополняющийся список вмещает в себя 2058 наименований). В этот документ попали и отдельные труды Рона Л. Хаббарда – основателя дианетики и саентологии, которые считаются священными у его последователей – саентологов. Одним из последних примеров в этом ряду является заключение Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве от 22 июля 2013 года, подвергающее сомнению религиозный статус Саентологической церкви Москвы, где не приводится ни одного юридически обоснованного и научно грамотного аргумента в обоснование такой позиции. Более того, содержание экспертного заключения производит впечатление, что его авторы совершенно не знакомы со спецификой Саентологической церкви, ее вероучения и обрядовой стороны, никогда ее не посещали, не общались с ее членами и, по существу, не знают и не понимают предмет своего исследования. Подобная практика является недопустимой, искажающей истину и препятствующей осуществлению правосудия в Российской Федерации, официально декларирующей себя правовым государством.

3. Священные для религий тексты и издания зарегистрированных в России религиозных организаций заведомо не подлежат экспертным исследованиям на предмет поиска в них призывов к экстремистским и иным противозаконным действиям. Религиозная литература в целом, используемая в культовых, молитвенных и личных целях верующих, может изучаться на предмет соответствия ее священным текстам исключительно с привлечением к тому квалифицированных экспертов научно-религиоведческого сообщества. Прочая литература религиозного содержания, издаваемая вне сферы деятельности религиозных организаций, может изучаться на предмет наличия в ней предосудительных с позиции закона элементов только при участии в экспертизе религиоведа.

4. Религиоведческая экспертиза в составе комплексной судебной экспертизы и в качестве отдельного исследования, должна осуществляться только специалистами в сфере религиоведения, обладающими знанием и пониманием религиозной специфики конкретных исследуемых вероисповеданий, то есть, учеными, имеющими специализацию в сфере религиоведения, опыт работы, соответствующие ученые степени и публикации в данной области. Использование в качестве обоснования для административных, правоохранительных и судебных учреждений экспертных исследований и заключений, выполненных неспециалистами, либо представителями религий (конфессий, религиозных организаций) недопустимо. Памятуя о римском праве, которое, как известно, лежит в основе правовых систем большинства современных государств, вполне уместно вспомнить, что «nemo debet esse judex in propria causa» (лат.) – «никто не должен быть судьей в своем собственном деле» и что «cogitationum poenam nemo luit» (лат.) – «никого не наказывают за мысли».

В этой связи важно обратить внимание на два существенных момента:

- недопустимость имеющейся практики проверки на предмет экстремизма священных книг признанных в России религиозных объединений, поскольку подобные действия оскорбляют чувства верующих и формируют атмосферу недоверия к государственным органам, принявшим решение о регистрации соответствующих религиозных объединений.
- необходимость отказа от существующей практики использованная неквалифицированных религиоведческих экспертиз для обоснования судебных решений, поскольку это способствует профанации правосудия и создает риски ущерба общественному благополучию и основам государственного строя.

Религиоведческая экспертиза должна носить строго объективный, неангажированный и аксиологически (ценностно) нейтральный характер. Только в этом случае она будет действительно независимой. В свою очередь, только независимая экспертиза должна становится основой для принятия судебных решений, за которыми стоят судьбы не только религиозных организаций, но и сотен тысяч верующих людей.

Титаренко Вита

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕХАНИЗМ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ УКРАИНЫ

В украинском религиоведении экспертная деятельность, направленная на теоретическую оценку существующих религиозных феноменов, их функционирования, взаимодействия в межконфессиональном и государственно-конфессиональном поле, рассматривается, как составляющая практического религиоведения. Традиционные конфессиональные вероучения и основанные на них современные религии – могут настолько различаться и, порой, противоречить друг другу, что становятся источником социального напряжения, эскалации конфликтов, непонимания и т.п. Поэтому экспертный анализ идейно-целостного комплекса религиозных учений, с одной стороны, способствует защите религиозных организаций от необоснованных обвинений, а с другой – может предотвращать негативные социальные последствия функционирования религиозных феноменов.

Религиоведческая экспликация феномена функциональности религии в ее практическом проявлении, равно как и следствие ее влияния на человека и отдельные сферы социума, являются, по сути, экспертизой, которую осуществляют специалисты относительно той или иной формы (направления, течения) религии, ее отношений с другими религиями, государством и обществом в целом. Исследователи-религиоведы, в таком случае, не только осуществляют экспликации, но и обобщают свой опыт как экспертов.

Религиоведческая экспертиза функционирует на пересечении нескольких предметных сфер – собственно научной (речь идет не только о религиоведении, но и о экспертологии как исторически сложившейся дисциплине), правовой, управленческой и этической. Правовое поле имеет свою специфику в каждой стране, равно как и сфера управления. Научная же и этическая сферы, в отличие от правовой и управленческой, различаются меньше от страны к стране, являясь более устойчивыми. Поэтому логично уделить внимание рассмотрению механизмов взаимодействия этих сфер, где и возникают проблемы методологического характера. Анализ научной литературы и практики религиоведческой экспертизы прямо указывает на некоторые из этих проблем. Методологическое обеспечение экспертологии на сегодня остается не в полной мере разработанным. Только сейчас начинают формироваться парадигмы, создается понятийный аппарат, происходит систематизация методов получения оценок экспертов. Экспертология, основываясь на общественной практике, системе знаний об экспертизе, входит в комплекс наук о принятии решений, имеет свой понятийно-категориальный аппарат, общие основы и принципы и предлагает рассмотрение сложных вопросов, которые невозможно решить в рамках других дисциплин. Если с определением понятия «экспертиза» не возникает противоречий, то определение «религиоведческая экспертиза»

и производного – «государственная религиоведческая экспертиза», требуют некоторого уточнения, поскольку ни в нормативных актах в странах, где существует государственная религиоведческая экспертиза (в частности, это Россия и Беларусь), ни в религиоведческих словарях, это понятие не раскрывается вполне. Что касается государственной религиоведческой экспертизы, то А. Пчелинцев, профессор Российского государственного гуманитарного университета, специализирующийся в области защиты религиозной свободы, определяет религиоведческую экспертизу, как «независимое и объективное исследование учредительных и иных документов, а также практики регистрируемой организации, основанное на достоверных и научно-обоснованных методиках, проводимое по решению регистрирующего органа уполномоченными экспертами и специалистами в области религиоведения и государственно-конфессиональных отношений на предмет определения религиозного характера организации»[40]. Конечно, экспертиза может иметь различный статус, например, может быть государственной, общественной. В отношении разновидностей экспертизы часто используются такие понятия, как: предыдущая, начальная, повторная, дополнительная, контрольная, итоговая и т.п. В приведенном выше определении А. Пчелинцева, эти разновидности упраздняются, поскольку акцент ставится только на «определении религиозного характера организации», необходимом для государственной регистрации последней, т.е. речь идет, вероятно, о начальной экспертизе. К тому же, из вышеприведенных определений можно сделать вывод, что государственная религиоведческая экспертиза проводится исключительно уполномоченным органом по решению самого государства (его органов), религиоведческая же экспертиза значительно шире в своих функциональных проявлениях и может проводиться и по просьбе самих религиозных организаций, если в том возникает необходимость.

Рассмотрев определения экспертологии и религиоведческой экспертизы, остановимся на их сущностно-методологическом наполнении, поскольку, как показывают исследования, проблемы при проведении религиоведческой экспертизы возникают, в основном, вследствие нарушения ее методологии и основных принципов. В украинском религиоведении базисом для подготовки религиоведческой экспертизы являются теоретическо-методологические основы, целостно собранные руководителем Отделения религиоведения (Институт философии Национальной академии наук Украины) – профессором А. Колодным и изложенным в разделе «Функционирующая религия в ее ценности и практической значимости» коллективной монографии «Практическое религиоведение»[41].

Как мы уже отмечали выше, экспертиза функционирует на пересечении нескольких предметных сфер. В первую очередь обозначим, что субъектами экспертологии, по определению признанного специалиста в области методического

---

[40] Пчелинцев, А. Экспертиза по божественным делам: инквизиция или гарантия свободы религии?// Религия и право. - №2, 2009. – С.42.

[41] Колодний, А. М. Практичне релігієзнавство як нова дисциплінарна складова фаху // Дисциплінарне релігієзнавство. Колективна монографія. – К., 2009. – С. 212-214.

и организационного обеспечения экспертного прогнозирования и экспертизы Ю. Сидельникова, выступают юридические и физические лица, которые реализуют следующие функции: заказчика экспертизы или лица, принимающего решение, на основе экспертного вывода; организатора экспертизы; технолога по экспертизе (экспертолога); носителя специальных знаний и практического опыта (эксперта)[42].

В таком случае, религиоведческой экспертной деятельностью является совокупность согласованных действий всех субъектов экспертологии по осуществлению анализа и оценки религиозных явлений или процессов, которые должны реализовать основные указанные выше, цели экспертизы. Но всегда ли в практике проведения экспертизы целеустремленно реализуются обозначенные функции – вопрос остается открытым. Как показывает прикладной анализ религиоведческих экспертиз, не всегда реализуется функция технолога по экспертизе или экспертолога, поскольку им должен выступать специалист, деятельность которого представляет собой поиск закономерностей получения, анализа и обработки экспертных оценок, исследование принципов и создание правил организации собственно религиоведческой экспертизы, ее методик и технологий. Именно таких специалистов в религиоведении не хватает.

Что касается основного субъекта экспертизы, которым выступает эксперт, мы имеем ввиду носителя специальных религиоведческих знаний и практического опыта, который представляет интересы определенных *групп или организаций* и который, в свою очередь: отвечает за свой экспертный вывод, имеет права и обязанности, определяющиеся соответствующими нормативными документами; выполняя специальную ролевую функцию, включен в процесс принятия решений, для того, чтобы научно обосновать их; имеет объективные и полные (в его понимании) сведения об особенностях и свойствах исследуемого объекта и рекомендации относительно лучших вариантов управленческих решений, которые его касаются; независимо от внешних влияний и собственной выгоды высказывает суждение в сфере его специальных знаний и практического опыта по поводу поставленных перед ним вопросов[43]. В деятельности экспертов, по нашему мнению, нужно разграничивать мнение одного эксперта и экспертное заключение, данное группой экспертов. Речь идет о том, что экспертное заключение может служить основой для определенного решения, вынесенного государственным органом и, в свою очередь, влиять на межконфессиональные и конфессионально-государственные отношения. Следовательно, к группе экспертов должны предъявляться соответствующие методологические требования. В первую очередь, это должна быть небольшая совокупность прямо или опосредованно взаимодействующих экспертов, так называемая «tres faciunt collegium»[44], которая должна быть: объ-

42 Сидельников, Ю. Системный анализ экспертного прогнозирования. – М., 2007. – С. 78.
43 Там же. С. 86.
44 «Трое составляют коллегию» – это положение римского права, сформулированное в «Дигестах» (XXCCVII, 56, 16), обозначает минимальное количество лиц, необходимое для

единена общим признаком и разновидностью деятельности ее членов, а также идентичными условиями (обстоятельствами), в которых они оказались; иметь свойство саморазвития; иметь ненулевой уровень сплоченности. Если эти требования не соблюдены, то, вероятнее всего, конечный результат деятельности такого религиоведческого объединения будет вызывать сомнения.

В Украине отсутствует институт государственной религиоведческой экспертизы, в то время, как таковой существует, например, в России и в Беларуси. В Украине же, как предусмотрено п. п. 92 п.4 «Положения о Министерстве культуры Украины», утвержденного Указом Президента Украины от 06.04.2011 № 388/2011, Министерство, согласно возложенным на него обязанностям, только обеспечивает религиоведческую экспертизу при участии представителей религиозных организаций и соответствующих экспертов[45]. Как уже отмечалось, в Украине отсутствует государственная религиоведческая экспертиза. В этом можно усматривать определенный демократический прогресс, поскольку, по нашему мнению, религиоведческая экспертиза должна быть независимой, а не государственной – тогда становится возможным соблюдение принципов неангажированности и объективности. Задача содействия проведению религиоведческой экспертизы в Украине возложена на Министерство культуры, «при участии религиозных организаций и соответствующих экспертов».

Положением об Экспертном совете по вопросам свободы совести и деятельности религиозных организаций, утвержденным приказом министерства культуры Украины от 22.06.2012 № 668 предусмотрено, что Экспертный совет – это постоянный консультативно-совещательный орган, образованный Министерством культуры Украины для рассмотрения научных рекомендаций, проведения профессиональных консультаций и изучения проблемных вопросов, связанных с формированием и реализацией государственной политики в сфере религии.

К основным задачам Экспертного совета отнесено, в частности, содействие проведению в установленном порядке религиоведческой экспертизы. При этом предложения и рекомендации Экспертного совета (п. 10 Положения) носят рекомендательный характер. Проведение же самой религиоведческой экспертизы не входит в полномочия Министерства культуры Украины. Следовательно, структурное подразделение Министерства – отдел экспертно-аналитической работы и связей с религиозными организациями Департамента по делам религий и национальностей не может выступать непосредственным субъектом проведения религиоведческой экспертизы. Из этого следует, что на сегодня в Украине действующим законодательством четко не определены основания, конкретный порядок проведения религиоведческой экспертизы, не очерчен круг лиц, уполномоченных

создания коллегиального учреждения или законности его заседаний, или присутствия, как такового.

[45] Правовий висновок управління правового забезпечення на службову записку директора Департаменту у справах релігій та національностей Міністерства культури України Любчика В. П. від 24.07.2012№ 39567-12.

на непосредственное проведение экспертизы, нормативно не закреплена форма экспертного вывода. В таком случае мы снова сталкиваемся с методологическими нарушениями проведения экспертизы как таковой, поскольку, независимо от типа осуществляемой религиоведческой экспертизы (как это должно быть: начальная, повторная, дополнительная, итоговая, контрольная и т.д.), привлечение эксперта должно определяться наличием самых важных профессиональных качеств, таких, как: квалификация и опыт; соответствующая специализация; владение методами экспертной оценки; четкое представление обо всех звеньях технологической цепочки и уровнях управления ситуацией[46].

Кроме того, если выводы Экспертного совета носят только рекомендательный характер, то такая постановка вопроса тоже, определенным образом, противоречит методологическим требованиям к экспертизе, поскольку непрописанной остается ответственность экспертов за свой экспертный вывод – какими правами они наделены и какие обязанности имеют, какая ответственность на них возложена. Кроме того, рекомендательный характер экспертизы ограничивает (если не отстраняет вообще) участие экспертов в процессе принятия решений с целью их научного обоснования. В практической плоскости проведение религиоведческой экспертизы поручается такому профессиональному научному подразделению, как Отделение религиоведения Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины. Объективно условия сложились так, что нагрузка по изучению новых религиозных движений, мощно заявивших о себе с начала 90-х годов XX ст. в Украине, была возложена именно на этот сектор академической науки, сегодня единственный в своем роде на всем постсоветском пространстве. Поэтому и подготовка экспертных материалов, являлась логическим продолжением научных изысканий специалистов Отделения. Экспертная деятельность Отделения религиоведения предусмотрена Уставом самого Института (пункт 2.2.5.) и осуществляется с 1991 г. научными специалистами по вопросам религии и церковно-конфессиональных отношений. Среди более пяти десятков проведенных религиоведческих экспертиз только за последние пять лет, можем найти примеры различных типов экспертиз, в частности таких, как экспертная оценка проблемы и экспертная оценка[47].

К такому типу религиоведческих экспертиз можно отнести следующие:

• религиоведческую экспертизу вероучения, обрядовой практики и организационной структуры Церкви Адвентистов Седьмого Дня в Украине[48];

---

[46] Сидельников, Ю. Системный анализ экспертного прогнозирования. – М., 2007. – С.93.

[47] Напомним, что в оценку экспертной проблемы включено определение всех, необходимых для ее решения проблем, в число которых, в зависимости от характера проблемы и возможностей религиоведческой науки, входят: определение методов исследования, источников информации, состава экспертов, организационных форм, источников финансирования, методик исследования, а также промежуточных и конечных результатов, необходимых для разработки, согласования и внедрения решений возникшей проблемы.

[48] Президент Украинской Унионной Конференции Церкви Адвентистов Седьмого Дня

• религиоведческую экспертизу содержания и форм еженедельных богослужений в культовых помещениях религиозной организации Свидетелей Иеговы в Украине – «Залах Царства» и их соответствия признакам религиозного обряда[49];

• религиоведческую экспертизу с целью обоснования идентичности и необоснованности притязаний со стороны любых других религиозных групп для присвоения названия «Украинская Греко-Католическая Церковь»[50].

Заказчиками вышеупомянутых религиоведческих экспертиз, представляющих собой экспертные оценки проблемы, выступали представители религиозных организаций, непосредственно заинтересованных в данной экспертизе.

Примером религиоведческой экспертизы, представляющей собой экспертную оценку, служит экспертиза Отделения религиоведения Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины Устава религиозной общины Покрова Пресвятой Семьи (г. Золочев Львовской обл.), представленного на регистрацию в Львовскую областную администрацию 20 июня 2011 г. Заказчиком этой экспертизы выступал государственный орган – Львовское городское управление ГУ МВД Украины в Львовской области[51]. Экспертная оценка использовалась на подготовительном этапе разработки управленческих решений относительно регистрации религиозной организации. Термин «оценка» используется в двух значениях – как результат «измерения» и как процесс. Но следует подчеркнуть, что временами актуальные религиозные проблемы не могут быть решены из-за отсутствия четких и достоверных критериев. Как видим, экспертной оценке подлежат и сфера государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений,

---

В. А. Крупский и Директор отдела общественных связей и религиозной свободы Церкви Адвентистов Седьмого Дня в Украине П. В. Ганулич обратились к Директору Института философии имени Г. С.Сковороды НАН Украины академику М.В.Поповичу с просьбой (письмо от 25 февраля 2010 г., исходный № 124/50 от 2.03.2010 г.) сделать экспертный вывод о вероучении, обрядовой практике и организационной структуре Церкви АСД в Украине. Авторов письма беспокоят материалы, которые периодически появляются в средствах массовой информации Украины, где Церковь АСД изображают как секту, порождающую, как отмечают адресанты, напряжение в отношениях с гражданами и судебные иски.

[49] Религиозная организация «Религиозный центр Свидетелей Иеговы в Украине» (письмо от 20.02.09 г. №15 на имя директора Института философии академика М. В.Поповича инициировала проведение религиоведческой экспертизы содержания и форм еженедельных богослужений в культовых помещениях религиозной организации Свидетелей Иеговы в Украине – «Залах Царства» и их соответствия признакам религиозного обряда.

[50] Патриаршая Курия Украинской Греко-Католической церкви (УГКЦ), возглавляемая Верховным архиепископом Киево-Галицким Любомиром Гузаром, обратилась к президенту Национальной академии наук Украины академику Б. Е.Патону (письмо от 6 июня 2010 р.) с просьбой привлечь специалистов-религиоведов для проведения экспертизы с целью обоснования идентичности и необоснованности притязаний со стороны любых других религиозных групп для присвоения названия «Украинская Греко-Католическая Церковь».

[51] Запрос в письме от 28 апреля 2011 р., №67/4918 на имя А. Н.Колодного, заместителя директора – руководителя Отделения религиоведения Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины, доктора философских наук, профессора.

и законодательные инициативы в сфере религиозных вопросов, а также обрядовые, образовательно-просветительские, благотворительные направления деятельности конфессий, а также факты проявления враждебности, вандализма, которые допускаются представителями одной конфессии по отношению к другой и т.д.

Но основные цели экспертизы, такие, как повышение степени обоснованности принятых решений на основе выводов экспертов и контроль за соблюдением соответствия или установление соответствия между характеристиками объекта экспертизы и требованиями (условиями, ограничениями), предусмотренными нормативными, нормативно-правовыми и законодательными актами разных уровней, остаются, по нашему мнению, недостигнутыми в полной мере.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, в первую очередь, проблему функционирования органов, уполномоченных на проведение религиоведческой экспертизы, равно как и самого процесса ее осуществления, следует искать в несоблюдении ее методологии. Поэтому необходимо актуализировать в практическом религиоведении экспертологию как методологию, определяющую технологию проведения экспертных исследований любых видов человеческой деятельности (в том числе и религиозной). Необходимым условием успешной экспертной деятельности становится также преодоление разрыва, который сохраняется сегодня между академической наукой и практическим религиоведением и создание сообщества специалистов-экспертов по практической религиоведческой экспертизе. Кроме того, важно постоянно повышать уровень «спроса» правительства и других субъектов религиозной ситуации на экспертно-аналитическую продукцию такого вида. Кроме вышеуказанных условий, нужно вырабатывать культуру стратегического мышления и принятия решений политической элиты в вопросах религиозной жизни общества.

Таким образом, разработка основанного на экспертологии экспертного обеспечения практического религиоведения, обеспечение открытости и профессионализма экспертной деятельности, наряду с другими условиями, позволят наладить систему результативного проведения религиоведческих экспертиз, что повысит уровень и качество аналитической работы как в религиоведении, так и в государственном управлении.

Кутузова Наталия

ЭКСПЕРТНОЕ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ В МЕХАНИЗМАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Проблема общественного участия в государственных механизмах принятия решений в виде общественных и экспертных советов, а также их аналогов является сравнительно новой для философских и политических наук в Белару-

си. Экспертные консультативные советы при органах власти появились в 90-е годы минувшего столетия, их массовое формирование относится к 2009-2010 гг.[52] Экспертные сообщества показали свою наибольшую эффективность в тех сферах госуправления, в которых осуществляется взаимодействие с социальными группами – элитами в определенном смысле, которые имеют колоссальный коммуникативный ресурс, влиятельны в медиа, определяют общественное мнение, в том числе и степень лояльности к властям. Как правило, экспертные советы в Беларуси участвуют в распределении бюджетных средств (Министерство культуры), в процессах государственной регистрации (легализации) новых субъектов (Уполномоченный по делам религий и национальностей), дают оценку государственным проектам (программам), реализуемым по отраслям. В Беларуси не существует единой нормальной базы, регламентирующей деятельность экспертных советов, как правило, их присутствие в системе принятия решений закреплено в отраслевом законодательстве, имеются специальные положения об их функционировании, утвержденные главным должностным лицом профильного ведомства, которое своим приказом утверждает состав советов.

Становление системы экспертных сообществ и их участия в принятии государственных решений для белорусского общества фактически является симптомом расширения общественного участия, пусть даже в ситуации, когда советы создаются «сверху»: по инициативе и при фактическом назначении экспертов госорганом. Первой «ласточкой» в этом процессе стало становление белорусского экспертного религиоведческого сообщества.

Белорусское экспертное религиоведческое сообщество прошло ряд этапов становления, демонстрируя смещение приоритетов и фокуса своей деятельности от разовых экспертиз материалов религиозных организаций до формирования целостного и продуктивного направления экспертного религиоведения. Можно эксплицировать и охарактеризовать следующие основные этапы становления экспертного религиоведения.

Первым этапом можно считать период с 15.08.1993 по 15.02.1994 г. – время работы временной экспертной комиссии при Совете по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь. Данная комиссия была создана в соответствии с распоряжением начальника управления по делам социально-культурного комплекса Совета Министров РБ от 23.07.1993 г. В ее состав вошли два религиоведа –

---

[52] Примерами экспертных советов с участием представителей некоммерческих организаций являются Экспертный совет по государственным программам, созданный Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 мая 2011 года № 660 с целью осуществления экспертизы и выдачи заключения о проектах государственных программ, Весной-летом 2011 года были созданы Общественно-консультативный (экспертный) совет при Министерстве юстиции, Общественно-консультативный совет при Министерстве информации и др. Довольно активны экспертные советы и комиссии при Министерстве культуры Республики Беларусь.

ведущие научные сотрудники Института философии и права НАНБ Е. С. Прокошина и И. Ф. Рекуц, а также пять представителей органов власти – заместитель председателя Совета по делам религий, заместитель начальника управления по делам общественных организаций Министерства юстиции, главный психиатр Министерства охраны здоровья, ведущий инспектор Министерства образования, главный специалист Комитета по делам молодежи. Комиссия создавалась с конкретной целью – для осуществления религиоведческой экспертизы некоторых новых религиозных организаций, которые уже прошли государственную регистрацию в статусе общественных объединений и фактически занимались религиозной деятельностью. В Заключении о результатах работы временной комиссии от 15.02.1994 г. был отмечен «недостаточно продуманный принцип формирования комиссии»53, который выразился в малом количестве квалифицированных религиоведов (2 из 7 членов комиссии имели необходимую квалификацию), «отсутствием в ее составе представителей правоохранительных органов», кроме того «сама комиссия не была наделена правом выхода на эти органы с целью получения от них информации», касающейся деятельности тех организаций, материалы которых находились на экспертизе. В Заключении также было отмечено: а) необходимо уточнить и дополнить перечень документов и материалов, предоставляемых организациями в регистрирующие органы, что позволит правильно определять статус организации (религиозная или общественная); б) необходимо «провести научное исследование идеологии и деятельности «нетрадиционных» религий, получивших распространение в РБ»: «результаты данного исследования выявили бы реальную религиозную ситуацию в республике, сущность учений «нетрадиционных религий», что позволило бы руководящим органам более эффективно осуществлять политику в области религии и церкви, регулировать сложные процессы взаимодействия традиционных и нетрадиционных религиозных конфессий, прогнозировать направленность и характер межрелигиозных отношений»; в) «считать необходимым создание постоянно действующей экспертной комиссии, которая могла бы функционировать при госоргане по делам религий и проводить религиоведческие экспертизы уставов и программ как религиозных, так и общественных объединений. В состав комиссии целесообразно было бы включить ученых-религиоведов и правоведов». Данное Заключение было подписано всеми членами временной комиссии.

Несмотря на необходимость религиоведческих экспертиз при регистрации религиозных объединений, высокую степень наукоемкости в работе госоргана по делам религий, работа экспертного религиоведческого сообщества по заданиям госоргана носила разовый характер вплоть до середины 1997 г.

Вторым этапом становления экспертного религиоведения можно считать период с 1997 по 2002 гг. – время функционирования Экспертного Совета при Государственном Комитете по делам религий и национальностей Республики Бе-

---

[53] Здесь и далее цитируется неопубликованный документ из архива Экспертного совета.

ларусь. В Постановлении Совета Министров РБ от 17.04.1997 г. было утверждено Положение о Государственном Комитете. Отдельным пунктом в Постановлении было сказано, что «при Комитете могут создаваться консультативные советы из числа работников…научных и образовательных учреждений…для подготовки экспертных заключений по вероучениям, культу и уставам религиозных организаций, выработки рекомендаций по соответствующим направлениям деятельности Комитета. Персональный состав консультативных советов и положения о них утверждаются председателем Комитета».

Первое Положение об Экспертном Совете было утверждено 12.05.1997 г., в нем были перечислены его основные задачи: «подготовка предложений по устранению влияния деструктивных сект на население республики; координация деятельности министерств…по преодолению негативных последствий влияния деструктивных сект; изучение деятельности организаций, распространяющих псевдорелигиозные учения, подготовка экспертных заключений по вероучениям, культу и уставам новых для РБ религиозных организаций».

Экспертный Совет создавался по принципу личного согласия специалистов-религиоведов и официального представительства республиканских органов госуправления. Работа Экспертного Совета была в значительной степени формализована: появилась периодичность заседаний, велись протоколы, по итогам заседаний принимались рекомендации, которые проводились постановлениями коллегии, приказами или предписаниями Госкомитета. Энтузиазм членов Экспертного Совета, в составе которого были известные ученые – религиоведы (А. Круглов, Е. Прокошина), психологи (Е. Агеенкова), психиатры (Е. Скугаревская), был очень велик, именно благодаря их деятельности и стало формироваться экспертное религиоведческое сообщество в республике, что было очень важно после многолетнего доминирования научного атеизма.

Теоретические разработки членов Экспертного Совета имели научный приоритет в областях изучения новой религиозности (серия коллективных научных монографий о неокультовых объединениях в Беларуси, 1998 – 2005 гг.)[54]. Фактически можно говорить о формировании экспертного полевого религиоведения, психологии религии. На базе аспирантуры Института философии НАНБ было подготовлено молодое поколение экспертов-религиоведов. Многочисленные критические выступления экспертов в СМИ на темы распространения в Беларуси экзотических религий, появлении алтарей вуду в регионе Полесья, массовом

---

[54] Неокультовые объединения в Беларуси / Е. Прокошина, Н. Кутузова, Т. Короткая, И. Рекуц, И. Титовец – Минск : Веды, 1998. – 185 с.; Минск: Четыре четверти, 1999. – 200 с. (дополненное издание); Неокульты: «новые религии «века»? / Е.Прокошина, Т. Короткая, Н. Кутузова, И. Рекуц, И. Титовец – Минск : Четыре четверти, 2000. – 240 с.; 2002. – 260 с.(дополненное издание); Неокульты: идеология и практика / Е. Прокошина, Т. Короткая, Н. Кутузова, И. Рекуц, Н. Малишевский – Минск : Четыре четверти, 2005. – 195 с.; Современная религиозная ситуация в Беларуси: состояние и перспективы развития / О. Дьяченко, Н. Кутузова, Е. Прокошина, Т. Короткая, В. Старостенко, К. Който. – Минск : Право и экономика, 2005. – 160 с.

похищении жителей Бреста инопланетянами, строительстве космодромов, открытия чакр и др., подготовка экспертных судебных заключений – все это сделало экспертов публичными персонами, а само научное направление популярным.

В августе 1998 г. члены Экспертного Совета обратились с предложением к Председателю Госкомитета о придании Экспертному Совету статуса обособленного подразделения Госкомитета и с критикой инициативы руководства Госкомитета о создании специализированного религиоведческого научного центра. В данном письме, утвержденном на заседании Экспертного Совета, говорилось: «Мы считаем, что в государстве должен существовать единый орган, наделенный правом давать официальные экспертные заключения и заниматься официальными теоретическими разработками». Несмотря на амбициозность и претензии Экспертного Совета на особый статус, нельзя сказать, что эта инициатива была лишена смысла: практика подготовки судебных экспертиз в 2000-х годах все же выявила необходимость создания специального учреждения либо сертификации экспертов-религиоведов.

Третьим этапом стал период с 2002 г. по 2006 г. В ноябре 2002 г. был принят новый Закон «О свободе совести и религиозных организациях» (далее – Закон), который в статье 11 «Полномочия органа государственного управления по делам религий» закрепил существование Экспертного Совета: «назначает государственную религиоведческую экспертизу в случаях, установленных настоящим Законом; создает экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы с участием соответствующих специалистов и привлечением в случае необходимости представителей религиозных организаций». В статье 22 Закона «Государственная религиоведческая экспертиза» говорилось: «Государственная религиоведческая экспертиза назначается республиканским органом государственного управления по делам религий в установленных настоящим Законом случаях при создании, а также при осуществлении деятельности религиозных организаций. Порядок назначения и проведения государственной религиоведческой экспертизы определяется республиканским органом государственного управления по делам религий». Функции Экспертного Совета даже несколько расширились в соответствии со статьей 26 Закона, по которой ввозимая в РБ религиозная литература также подлежала государственной религиоведческой экспертизе. Данные положения критиковались в период публичного обсуждения Закона: правозащитники справедливо усматривали в деятельности Экспертного Совета «государственную цензуру».

Пик в работе Экспертного Совета пришелся на период 2002 – 2003 гг. – период перерегистрации религиозных организаций в соответствии с новым Законом. Поскольку на период 2002 – 2007 гг. приходится формирование правозащитного движения в области религиозных свобод и свободы совести (гражданская инициатива «За свабоднае веравызнанне» и др.), члены Экспертного Совета более глубоко знакомятся с международными стандартами обеспечения религиозных свобод. Концептуальные аспекты в деятельности Экспертного Совета в период 2002 – 2007 гг. меняются: постепенно исчезает антисектантская риторика («секты», «неокульты», «деструктивные организации»), в документах преобладают

нейтральные научные или юридические понятия («религиозная организация»). Именно эксперты – члены Экспертного Совета сыграли огромную роль в изменении «антисектантской» риторики СМИ, в своих интервью эксперты подчеркивали, что, несмотря на широкое использование понятия «секта» в научном обороте, следует избегать употребления этого понятия в СМИ, так как понятие обладает негативными коннотациями, религиозными организациями данное понятие может быть воспринято как оскорбительное.

В 2005 г. в составе Экспертного совета были 16 специалистов, в том числе 2 доктора и 8 кандидатов наук, 6 человек не имели научного звания и являлись сотрудниками министерств, ведомств и общественных организаций.

Четвертый этап начался в 2006 г. Комитет по делам религий и национальностей был преобразован в аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей. В 2007 году было принято новое Положение об Экспертном Совете. Отдельным пунктом в Постановлении было сказано, что «при Комитете могут создаваться консультативные советы из числа работников…научных и образовательных учреждений…для подготовки экспертных заключений по вероучениям, культу и уставам религиозных организаций, выработки рекомендаций по соответствующим направлениям деятельности Комитета. Персональный состав консультативных советов и положения о них утверждаются председателем Комитета».

Основные задачи Экспертного Совета:

проведение экспертизы и подготовка по ее результатам экспертных заключений при создании, а также при осуществлении деятельности религиозных организаций на предмет соответствия их уставов, вероучений, соответствующих им культовых практик законодательству Республики Беларусь;

определение религиозного характера регистрируемой организации на основании представленных для проведения экспертизы документов и материалов;

проверка достоверности сведений, представленных для проведения экспертизы документов и материалов;

проведение экспертизы по решению Уполномоченного в случаях, предусмотренных статьей 26 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях».

Начиная с 2006 г., деятельность Экспертного Совета рассматривается на заседаниях итоговых коллегий аппарата Уполномоченного, члены Экспертного Совета участвуют в проведении программ повышения квалификации для госслужащих, в том числе и в регионах республики.

В состав Экспертного Совета в 2008 году входили 15 специалистов, в том числе 2 доктора (философских и медицинских) наук и 8 кандидатов наук (философских, исторических, психологических, педагогических наук). 5 человек не имели ученых степеней и являлись сотрудниками заинтересованных министерств, ведомств и общественных организаций. В настоящее время общая численность Экспертного Совета – 17 человек, в их числе 4 доктора наук (философских, исторических, социологических), 8 кандидатов наук, 2 представителя религиозных организаций, представители министерств и ведомств.

До 2006 – 2008 гг. актуальным направлением деятельности Экспертного Совета была экспертиза документов религиозных организаций на предмет их соответствия законодательству РБ. В настоящее время эта функция постепенно уходит на второй план: в тех редких случаях, когда Экспертный Совет принимает отрицательно решение по документам религиозных организаций, речь идет о недостатках (небрежности) в подготовке документов.

Как уже отмечалось выше, одним из главных направлений деятельности Экспертного Совета стало проведение государственной религиоведческой экспертизы религиозной литературы, ввозимой и распространяемой в Республике Беларусь. В 2008 г. силами экспертов проведена экспертиза 2241 наименования религиозной литературы, ввозимой и распространяемой на территории республики. За 2011 г. были рассмотрены свыше 150 единиц источников (печатных, аудио- и видеоматериалов). За 2012 г. были рассмотрены 91 единица печатных источников. Суть данной экспертизы состоит в предупреждении ввоза в Республику Беларусь религиозной литературы экстремистского либо оскорбляющего религиозные чувства верующих содержания. Следует отметить, что для многоконфессиональной Беларуси последнее обстоятельство является важным, тем более что духовные центры большинства религиозных организаций находятся за пределами республики, а печатная продукция во многих случаях действительно содержит сведения, разжигающие религиозную вражду.

Одной из самых резонансных экспертиз была судебная экспертиза печатной продукции ЗАО «Христианская инициатива» (декабрь 2008 г.), согласно которой и по решению суда Советского района г. Минска, ряд печатных изданий были признаны экстремистской литературой. Основная форма экстремизма, которая исследовалась в суде – пропаганда антисемитизма. Прошедшие в 2008–2009 гг. судебные процессы привели к лишению издательской и торговой лицензий ЗАО «Христианская инициатива», к закрытию магазинов сети «Православная инициатива», занимающихся изданием и распространением антисемитской литературы.

В последние годы участились случаи распространения радикальной салафитской литературы. По инициативе правоохранительных органов неоднократно на экспертизу представлялся «Смысловой перевод Корана» Эльмира Кулиева, однако Экспертный Совет практически единодушно высказался относительно приверженности принципам права и научной этики, которые позволили избежать ошибок российских коллег, которые по экспертному заключению и решению суда внесли «Коран» Э. Кулиева в список «экстремистской литературы». Аналогичная ситуация произошла также при обсуждении экспертных заключений на содержание сборника Саида Нурси «Рисале-и Нур». При этом следует отметить, что в процессе обсуждения эксперты не только не проявили «солидарность» с российскими экспертами и решением суда и судебной коллегии г. Красноярска (2010 г.) о причислении данного издания к «экстремистской литературе», но и ссылались на процедуру рассмотрения жалобы № 28621/11 «Духовное управление мусульман Красноярского края против России» в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) и вопросы ЕСПЧ, которые были адресованы Российской Феде-

рации о том, насколько решение суда соответствует нормам демократического общества и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 9 и 10).

Помимо экспертной и научной деятельности, члены Экспертного Совета принимают участие в подготовке научно-методического обеспечения программ повышения квалификации специалистов, работающих в сфере конфессиональной политики.

Среди наиболее важных проблем, которые касаются нынешнего состояния государственно-конфессиональных отношений и эффективной реализации прав граждан Республики Беларусь в области свободы совести и вероисповедания, эксперты отмечают следующие[55]:

- необходимость постоянного мониторинга: 1) межконфессиональных отношений с целью прогнозирования конфликтов; 2) реализации прав граждан в области свободы совести и вероисповедания; 3) правонарушений, мотивированных религиозной либо религиозно-этнической неприязнью;

- необходимость сохранения в системе вузовского образования специального учебного предмета «Религиозные конфессии в Республике Беларусь», в рамках которого студенты должны знакомиться не только с основами вероучений и культовой практики, но и с современными механизмами политико-правового регулирования межконфессиональных отношений, а также взаимоотношений государства и религиозных организаций.

– необходимость присутствия религиоведения в академической и вузовской научной среде, включения религиоведения в перечень приоритетных научных направлений в республике. Последнему обстоятельству члены Экспертного Совета придают большое значение: по мере формирования собственно экспертного религиоведения и религиоведческо-правового проблемного поля исчезло (или вернее было сокращено под видом «оптимизации» социально-гуманитарного блока дисциплин в вузах) общее религиоведение как дисциплина и академическое научное направление.

Члены Экспертного Совета неоднократно принимали участие в обсуждении вопросов о разработке дополнений в Закон относительно правового обеспечения форм социального служения религиозных организаций, благотворительной деятельности, партнерства государства и религиозных организаций, высшего религиозного образования и др.

В последние годы стали появляться специальные религиоведческие центры, созданные членами Экспертного Совета, например, Региональный центр религиоведческих исследований при кафедре философии исторического факультета Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (2009 г.), Международное общественное объединение «Центр изучения современной религиозности» (2009 г.), экспертно-правовое товарищество «Инициатива FORB» (2013 г.). Благодаря их деятельности религиоведческие исследования продолжаются, одна-

---

[55] Результаты открытого интервью, исследование было проведено в ноябре 2013 г.

ко фактически религиоведение оказалось вытеснено в сферу общественных научных инициатив.

Процессы функционирования экспертного религиоведческого сообщества в Беларуси демонстрируют следующие закономерности:

- институциализация экспертных сообществ, формализация их деятельности;
- частичная интеграция в систему принятия решений: экспертные сообщества были и остаются частью научной и общественной среды;
- возрастание компетенций в области отечественного законодательства и международных стандартов обеспечения религиозных свобод, благодаря чему происходит формирование религиоведческо-правового проблемного поля исследований;
- возрастание роли лоббирования международных правовых стандартов в области прав человека и религиозных свобод;
- интернационализация деятельности, взаимодействие в экспертно-аналитической работе с аналогичными сообществами в других странах. Интернационализация экспертной деятельности обусловлена также и аналогичными процессами в религиозной среде (например, распространение салафизма в регионе Восточной Европы, создание международных сетей языческих и родноверческих организаций и др.);

– возрастающая необходимость в сертификации экспертного деятельности, либо создания специального экспертного учреждения, что особенно важно в ситуациях судебных разбирательств. Для повышения достоверности результатов судебных экспертиз и уменьшения судебных ошибок в мире широко внедряется практика аккредитации судебно-экспертных учреждений, которая в перспективе затронет и сферу религиоведческих экспертиз.

Важной особенностью современного судопроизводства является укрепление принципа состязательности сторон, участвующих в уголовном, гражданском или арбитражном процессе. Это требует более пристального отношения к определению компетенции экспертов, подтверждения ее соответствия определенной экспертной специальности и наличия специальных познаний в определенной области. Особое внимание при комплексной оценке обоснованности выводов эксперта уделяется и подтверждению надежности использованных методик. Перспективы развития экспертного религиоведения в Беларуси находятся именно в религиоведческо-правовой сфере, причем по мере имплементации международных стандартов обеспечения религиозных свобод будет возрастать правовой вектор деятельности экспертных сообществ, повышаться степень влиятельности и ответственности механизмов общественного контроля в процессе принятия государственных решений.

IV. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Старостенко Виктор

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Развитие в условиях постсоветской Беларуси свободы вероисповедания, сотрудничества государства и религиозных организаций актуализировали проблему взаимоотношений образования и религии, что наиболее актуально для учреждений государственной системы образования. Проблема рассматривается в данном обзоре с религиоведческо-правовой точки зрения, на основе действующего национального законодательства, представленного применительно к сфере образования и религии законами «О свободе совести и религиозных организациях» 2002 г. (далее – Закон 2002 г.) и «О правах ребенка» (1993 г.), Кодексом «Об образовании» (2011 г.).[56]

Прежде всего необходимо определиться с понятиями светского и религиозного образования.

Светское (государственное) образование

Реализуя конституционный принцип свободы совести о праве каждого «самостоятельно определять свое отношение к религии» (ст. 31), законодательство Республики Беларусь закрепляет светский характер государственной системы образования. В соответствие со ст. 4 Конституции Республики Беларусь Закон 2002 г. запрещает устанавливать в качестве обязательной для граждан идеологию религиозных организаций (ст. 6). Статья 9 Закона определяет, что «*национальная система образования в Республике Беларусь носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии*». Подтверждается право граждан на равные возможности доступа к национальной системе образования независимо от их отношения к религии. При этом в учреждениях образования не допускаются создание и анонимная или иная противоречащая

---

[56] Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях». – Минск: Право и экономика, 2003. – 24 с.; Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 N 2570-XII «О правах ребенка» // PravoBY.info/ Белорусский правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoby.info/docum09/part34/akt34905.htm. – Дата доступа 30. 04.2010 г.; Кодекс Республики Беларусь об образовании // TamBy.info. Информационно-справочный портал Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tamby.info/kodeks/edu.htm. – Дата доступа 30. 04.2011 г.

законодательству деятельность религиозных организаций. Идея «светского характера образования» заложена также в ст. 2 «Основы государственной политики в сфере образования» Кодекса «Об образовании». На необходимость соблюдения принципа светскости образования неоднократно обращалось внимание в адресованных учреждениям образования инструктивных документах Министерства образования.

Какой должна быть практика образовательного процесса, чтобы соответствовать принципу светскости? Мы полагаем, что светское образование, как не преследующее цели формирования того или иного отношения к религии, может быть определено как образование, которое носит в отношении религии мировоззренчески нейтральный характер, не отдает предпочтение и не предполагает обучения какой-либо атеистической или религиозной идеологии; не направлено на катехизацию, «воцерковление» или другие формы вовлечения учащихся в религиозные организации, подготовку богословских кадров и служителей культа; не включает в себя культовые практики и исключает вмешательство религиозных организаций в деятельность государственных образовательных учреждений, содержание учебного процесса. К терминологическому ряду понятия «светское образование» полагаем необходимым относить такие определения, как «ознакомление с религиозными традициями», «изучение религии (истории религии)», «религиоведческое образование» и т.п., к формам выражения несветского образования – «обучение религии», «религиозное (конфессиональное) образование», «теологическое (богословское) образование», «атеистическое образование» и т.п.

Адекватной светской формой преподавания знаний о религии в государственных высших учебных заведениях является религиоведение. Главный урок изучения собственно религиоведческой традиции, как справедливо отмечал А. Н. Красников, состоит в том, что религиоведение «должно развиваться путем постоянного размежевания с теологией и атеизмом», абстрагироваться как от цели апологии верований, культовых и организационных форм той или иной конфессии, так и от задачи критики религии.[57] Данный учебный курс ориентирован на приобретение студентами научных, не ангажированных религиозным либо атеистическим мировоззрением, объективных и беспристрастных знаний по теории и истории религии, свободомыслия и свободы совести, в том числе применительно к прошлому и настоящему Беларуси.[58] Наряду с вузовским «Религиоведением» религиоведческие курсы с учетом возрастных особенностей об-

---

[57] Красников, А. Н. Методологические проблемы религиоведения: Учебное пособие / А. Н. Красников. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 7.

[58] Религиоведение. Учебная программа для высших учеб. заведений / Сост. М. Я. Ленсу, Г. П. Короткевич, В. В. Кудрявцев и др. – Минск: РИВШ БГУ, 2000. – 24 с. [Утверждена Министерством образования Республики Беларусь 24 января 2000 г. Регистрационный № ТД- 73/тип.]; Религиоведение: типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост.: В. В.Старостенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2011. – 40 с. [Утверждена Министерством образования Республики Беларусь 3 января 2011 г. Регистрационный № ТД-СГ.017/тип.].

учаемых могут преподаваться и в учреждениях, обеспечивающих получение базового, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального образования – в виде занятий по «Основам религиоведения», «Истории религии», «Истории мировых религий» и т.п. В средней школе оптимальными видятся факультативные курсы по данным предметам.[59]

Утверждая светский характер образования, законодательство Республики Беларусь допускает возможность взаимодействия учреждений образования с зарегистрированными религиозными организациями, с учетом их влияния «на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Но сфера такого взаимодействия законодательно не включает процесс обучения, оно допустимо лишь «в вопросах воспитательной деятельности» и «во внеучебное время». Основанием для этого служат письменные заявления родителей или лиц, их заменяющих (самих совершеннолетних обучающихся) (ст. 9 Закона 2002 г.). Законодательные ограничения деятельности религиозных организаций в государственных учебных учреждениях обусловлены определяющим правом родителей на воспитание своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии (ст. 5 Закона 2002 г., статья "Право на определение отношения к религии" Закона «О правах ребенка»). Данные законодательные нормы не могут быть реализованы без строгого соблюдения светскости государственного образования. Нельзя не учитывать и того, что «школьные или студенческие аудитории являются поликонфессиональными, задача педагогов должна состоять в формировании ценностей веротерпимости».[60]

Важно обратить внимание и на проблемность идеи осуществления воспитательного процесса в государственных учреждениях с позиции духовно-нравственных ценностей определенных конфессий, которая активно пропагандируется некоторыми современными религиозными педагогами. Данная «педагогическая технология» не является светской, так как может быть реализована

---

[59] См.: История вероисповеданий и религиозных движений Беларуси. Программа факультативных занятий для учащихся 11 класса общеобразовательных учреждений / Автор-сост. И. А.Авдеев // Адукацыйны партал. Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:. http://www.adu.by/modules.php?name=News&file=article&sid=3562. – Дата доступа 30.10.2009 г.; Основы религиоведения. Программа факультативных занятий для 11 класса общеобразовательных учреждений / Автор-сост. В. В. Старостенко // Адукацыйны партал. Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adu.by/modules.php?name=News&file=article&sid=3922. – Дата доступа 30.10.2009 г.

[60] Кутузова, Н. А. Проблемы реализации прав граждан Республики Беларусь в области свободы совести и вероисповедания / Н. А. Кутузова // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. Ч. 2 / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Э. С. Ярмусік [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 150.

в целостном виде только в случае принятия воспитуемыми догматических основ определенной религии («нравственность через веру»).

Нередко высказывается мнение о возможности и правомерности введения в государственных учебных заведениях Республики Беларусь теологии, известна практика открытия в них теологических образовательных учреждений и соответствующих специальностей («Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белгосуниверситета; специальность «теология» на историческом факультете Витебского государственного университета им. П. М. Машерова). Однако теология (греч. theología, от theós – бог и lógos – слово, учение), или богословие – это учение или совокупность доктрин о сущности и бытии Бога. Теология признает единственную (эксклюзивную) истину, являющеюся частью канона определенного вероучения, и задана рамками Божественного Откровения, выход за пределы которого ведет к «ереси». Теология по определению носит религиозный характер, неотделима от религиозной веры. Теологический подход, в отличие от религиоведческого, необходимо предполагает веру в Бога, конкретную конфессиональную принадлежность. Теология ориентирована на обучение религии и воспитание в духе религиозного мировоззрения, на конфессиональную социализацию обучаемых. Она формирует вполне определенное религиозное отношение к религии, и на этом основании не может быть отнесена к светскому знанию. Невозможно оспорить значение теологии как дисциплины религиозного образования, но ее преподавание естественно для конфессиональных («духовных») учебных заведений, но не для светских государственных вузов.

Преподавание в государственных учебных заведения теологии имеет место главным образом в странах, где существует государственная религия или сохраняется давняя соответствующая традиция в образовательной деятельности. Известно, что во многих западноевропейских университетах, известных с эпохи Средневековья, действуют институты теологии. Однако в современном мире единение светского и теологического образования не является общепринятым (Франция, США, Япония, Китай и др.). Но более существенно то, что отечественная педагогика такой традиции не имеет. Даже в Российской империи, где православная церковь была официальной, в императорских университетах не было теологических факультетов и не велось подготовки теологов. Последнее обстоятельство сторонники теологизации высшей школы в Республике Беларусь игнорируют.

Несмотря на отсутствие традиции и должного правового обоснования, в Республике Беларусь осуществляется уникальный для постсоветского пространства эксперимент по введению государственного теологического учебного заведения вмсостав ведущего университета страны – Белорусского государственного университета. «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белгосуниверситета функционирует с октября 2004 г. Несмотря на декларации о светском характере института, фактически он является религиозным учебным заведением. В явном противоречии с законодательно закрепленным в Республике Беларусь принципом светскости государственного образования находится целый ряд аспектов его деятельности. Данному принципу не соответствует, в частности,

прием абитуриентов по характеристикам-рекомендациям настоятелей церковных приходов[61], существование в вузе должности духовника, обязательной катехизаторской практики и литургической учебной практики; функционирование собственного храма (часовни), участие обучаемых в богослужениях, начало и завершение всех занятий молитвой, предварение учебного года молебном и т.п.[62] Показательно также, что при Институте теологии функционирует воскресная школа для детей школьного возраста,[63] тогда как по законодательству право создания воскресных школ принадлежит лишь религиозным организациям, причем без права использования помещений, принадлежащих государственным учреждениям образования (ст. 9 Закона 2002 г.; см. также ст. 39 Закона 2002 г.). Более того, если Институт теологии – государственное учреждение, то он нарушает ст. 9 Закона 2002 г., согласно которой в учреждениях образования не допускаются создание и анонимная или иная противоречащая законодательству деятельность религиозных организаций. Ст. 39 Закона 2002 г. предусматривает ответственность за создание религиозных организаций в государственных органах и учреждениях, включая образовательные.

Не может также не настораживать и определение сферы профессиональной деятельности выпускников-теологов Института теологии БГУ. Предполагается, что конфессионально ориентированные специалисты не ограничатся преподаванием богословских предметов, которые востребованы в религиозных учебных заведениях. Планируется, что их педагогическая деятельность может быть связана с преподаванием как богословских, так и религиоведческих и иных гуманитарных дисциплин в учебных заведениях всех видов и типов. Более того, сам Институт теологии БГУ на своем официальном сайте совершенно необоснованно, при игнорировании многолетней практики подготовки религиоведов в ряде университетов Республики, заявлялся «единственной в Беларуси образовательной структурой, которая подготавливает профессиональных теологов и религиоведов в сфере светского образования».[64] Наряду с системой образования и научной работой

---

[61] Данная практика прямо нарушает ст. 9 Закона 2002 г., которая, в частности, устанавливает, что «граждане имеют право на равные возможности доступа к национальной системе образования независимо от их отношения к религии».

[62] Официальный сайт Института теологии БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inst.by/basis/about-hist.html. – Дата доступа 30.04.2008 г.; Институт теологии // Сайт христианского образовательного центра святых Мефодия и Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.christeducenter.by/old/christeducenter.by/russian/projects/faculty/11.html. – Дата доступа 3.02.2010 г.

[63] Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белгосуниверситета // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page2451.html. – Дата доступа 25.09.2009 г.

[64] Официальный сайт Института теологии БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inst.by/basis/about-hist.html. – Дата доступа 30.04.2008 г.; Белорусский православный информационный портал Собор.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sobor.by/idnews.php?id=2008-Mar-2-21:16:18. – Дата доступа 30.04.2008.

возможной сферой деятельности выпускников объявляются также органы государственного управления,[65] где заведомо требуются не религиозно ориентированные специалисты, а критически мыслящие управленцы-правоведы, обладающие религиоведческими знаниями и ставящие во главу угла не конфессиональные или в целом религиозные, а государственные интересы.

При этом мы полагаем, что созданная вокруг Института теологии правовая коллизия имеет юридически корректное и взаимоуважительное, с соблюдением интересов сторон, разрешение. Оно возможно посредством преобразования статуса Института из государственного в религиозное (духовное) учебное заведение и передачи его в исключительную юрисдикцию Белорусского Экзархата Московского Патриархата.

Следует обратить внимание и на то, что ситуацию с теологическими новациями в системе современного государственного образования не спасает и идея так называемого «светского теологического образования», причем уже в силу явной и сущностной алогичности последнего определения. Даже идеологи такого понятийного нововведения в Беларуси признают, что теология – это «система богопознания, которая опирается на свидетельство живого божественного откровения», и она «невозможна вне религиозного опыта»; «внеконфессиональной теологии не существует», а «университетский факультет или институт теологии должен …исповедовать догматические обязательства перед той церковью, от имени которой он обучает теологии». Заслуживает внимания и формулирование цели теологизации государственного образования: «перспективной целью светского теологического образования является коррекция безрелигиозного и псевдорелигиозного сознания»[66]. Подобные эксперименты в сфере государственного образования вступают в противоречие не только с законодательным принципом светскости, но и с нормами о свободе совести Конституции (ст. 31) Республики Беларусь.

В настоящее время из учебного процесса в государственных вузах в условиях реформы социально-гуманитарного образования вытесняется светское изучение религии – религиоведение. При этом заявлено о разработке государственного стандарта по специальности «Теология», учебной программы и методического обеспечения курса (по выбору) «Основы теологии» для студентов гуманитарных специальностей вузов, учебного плана и учебных программ по специальности «Теология» для вузов и т.п.[67] Программа сотрудничества между Министерством

---

[65] Историческая информация к визиту Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Беларусь 25–28 сентября 2009 года. Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белгосуниверситета // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page2451.html. – Дата доступа 25.09.2009 г.

[66] Довгялло, Г. А. Система светского образования и теология / Г. А. Довгялло // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page0819.html. – Дата доступа 30.04.2008 г.

[67] Программа сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь и Белорус-

образования Республики Беларусь и Белорусской православной церковью на 2011-2014 гг. предусматривает, в частности, разработку государственного стандарта и базового учебного плана специальности «Теология» с квалификацией «Теолог, религиовед. Специалист по работе с молодежью и социальному служению» и др.[68] Примеры такого рода, наряду с попытками уравнять ученые и богословские степени в системе государственной аттестации научных кадров, сложно рассматривать иначе, как процесс клерикализации государственного образования.

Религиозное (конфессиональное) образование

Одновременно с утверждением светского характера государственной системы образования законодательство Республики Беларусь определяет широкие возможности получения религиозного образования в конфессиональных образовательных учреждениях.

Религиозное образование можно определить как образование на основе определенного религиозного вероучения с целью обучения какой-либо религии и культовой практики, направленное на привлечение обучаемых в религиозные организации, подготовку служителей культа и богословских кадров, осуществляемое под управлением или контролем религиозных организаций, допускающее совершение богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний. Создание учреждений религиозного образования и непосредственное управление ими, определение содержания образовательных программ, методик и технологий преподавания находится в юрисдикции соответствующих религиозных объединений.

Согласно Закону 2002 г., зарегистрированные религиозные организации в соответствии со своими уставами имеют право создавать для религиозного просвещения детей и взрослых учебные группы и воскресные религиозные школы. Для этого могут использоваться принадлежащие и предоставляемые им в пользование помещения, кроме помещений, принадлежащих государственным учреждениям образования (ст. 9). Кроме того, за религиозными объединениями признается право создавать «духовные учебные заведения» для профессиональной подготовки священнослужителей, теологов и церковного персонала (ст. 27 Закона 2002 г.). В настоящее время в Беларуси действуют сотни воскресных школ различных конфессий, кадры теологов и священнослужителей готовят 14 религиозных учебных заведений, 5 из которых (Минская духовная академия и духовная семинария, духовные училища) принадлежат Белорусскому Экзархату, а 9 (включая два

ской Православной Церкви на 2007-2010 гг. // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/resource// prog_edu.rtf. – Дата доступа 30.04.2008 г.

[68] Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2011-2014 гг. // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=-44403. – Дата доступа 19.04.2011 г.

Теологических института) – шести другим религиозным объединениям (3 – РКЦ, 2 – ХВЕ, по 1 – ЕХБ, ХПЕ, АСД и иудейской религии). Действующее законодательство позволяет религиозным организациям устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях получения религиозного образования (ст. 29 Закона 2002 г.).

Таким образом, реализация правовых норм, устанавливающих светский характер государственной системы образования в Республике Беларусь, подразумевает разведение понятий и практики религиоведческого и религиозного (теологического) образования. Первое подразумевает преподавание мировоззренчески нейтральных знаний о религии, второе ориентировано на обучение религии и соответствующую социализацию. Теология не является формой светского образования, попытки ее внедрения в государственную систему образования противоречат нормам правового поля Республики Беларусь. При этом конфессиональные организации имеют все необходимые правовые возможности для осуществления религиозной образовательной деятельности без вступления в конфликт с законодательством Беларуси о светском характере национальной системы образования. Отделение государственной светской системы образования от церкви и от религиозного обучения и воспитания, взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в компетенции сторон – естественное и необходимое условие последовательного соблюдения конституционного принципа свободы совести.

Поднюк Сергей

БОГОСЛОВСКОЕ И СВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Без богословского образования нельзя говорить о развитии христианского мировоззрения и распространении подлинных христианских ценностей. Кроме того, богословское образование должно сыграть определяющую роль для усиления позиций христианства в современном секулярном обществе, для глубокого знакомства со своим собственным вероучением, а также для развития диалога с другими религиозными традициями. Один существенный момент часто упускается из виду, когда обсуждается церковная жизнь в современной обществе – это то, что Церковь, к сожалению, по настоящему находится на периферии жизни общества, которое по всем параметрам является секулярным. Всплеск интереса к христианству был несколько лет назад, когда утеря четкой социальной ориентации в совсем еще недавнем историческом прошлом привела в церкви много новых людей, но большинство из них, особенно пришедших в православные храмы, не стали воцерковленными людьми. Люди часто черпали необходимую информацию о Боге и Церкви из самых неожиданных источников, которые часто затруд-

нительно назвать христианскими. Стоит ли удивляться тому, что в нашем обществе имеет место смесь христианства, суеверий, восточных религий и язычества. Следовательно, служители церкви должны помочь людям иметь правильный взгляд на Бога и Библию. Следовательно, даже на этом, так сказать просветительском, уровне качественное богословское образование необходимо. Даже для людей, только начавших христианскую жизнь, необходимо духовное образование. Самый прямой и естественный путь для этого – развивать систему воскресных школ для детей и библейских школ для взрослых и т. д. А для этого необходимы хорошие преподаватели, которые смогут качественно ответить на вопросы и помочь в изучении христианства. И здесь необходимо наличие средних и высших богословских учебных заведений – колледжей, семинарий и институтов. Сразу оговорюсь, что здесь идет речь не о религиоведении. Я убежден, что невозможно построить серьезную систему богословского образования без хорошей конфессиональной основы.

Возможность религиозного просвещения и начального богословского образование, то есть преподавание христианства в средних школах – это отдельный большой вопрос. Но я не буду сейчас на этом останавливаться, так как это отдельный и достаточно сложно решаемый вопрос. Я хочу перейти к проблемам и перспективам традиционного (конфессионального) и независимого (светского) богословского образования на уровне вузов.

Традиционное богословское образование (теологические институты, семинарии и академии) обеспечивает подготовку священнослужителей и церковнослужителей, готовит новые кадры преподавателей богословских дисциплин и способствует появлению ученых-богословов. Такое образование имеет огромное значение в жизни Церкви и в развитии христианского богословия. К трудностям в данной сфере относится явная нехватка современной богословской литературы, особенно качественных учебников, а также небольшое количество преподавателей, имеющих ученые степени в богословии. Эти факторы более чем существенны, но со временем они будут решаться. Еще одна трудность, присущая во многом нашему народу в целом – это боязнь нововведений. Мы привыкаем к традициям, укоренившимся среди нас, не замечая, что мир вокруг меняется, и мы должны быть готовы отстаивать христианские ценности в современном обществе, отвечая на вызов времени. Мы боимся ставить «трудные» вопросы современности и открыто их обсуждать. В то время как в образовании вообще и в религиозном образовании в частности важно столкновение с проблемой, которое приводит к размышлению, а иногда и к серьезному кризису. Но без этого немыслимо духовное развитие. Столкновение различных традиций, подходов, ценностей, а также некоторые расхождения во взглядах сами по себе неопасны, но, напротив, приводят к зрелой критической оценке тех или иных явлений. Ведь каждый по опыту знает, что жизнь намного сложнее и запутаннее, чем логика четких разграничений и абстрактных понятий.

Ничего не меняя, мы ничего не добьемся. Церковь должна изменяться, чтобы выполнить план Бога, но при этом не менять вечные моральные ценности, данные

человечеству Богом с самого начала сотворения мира. Перед нами четко сформулированная образовательная задача: «…Идите, научите все народы» (Мф. 28:19).

Современное богословское образование должно, не теряя вечных христианских ценностей и традиций, отвечать на проблемы, которые ставят перед современным человеком секулярное общество, светская культура и наука. Для этого необходимо тесное взаимодействие богословского и общегуманитарного знания. Острые проблемы социологии, антропологии, современной культуры, философии должны занять важное место в учебном процессе. Без критического осмысления всех реалий современного мира нельзя говорить о полноценном образовании. Быстрое развитие науки и связанные с этим успехи технологии вызывают у многих людей впечатление, что только точное научное знание может служить основой постижения действительности, а научные открытия обеспечат материальный и социальный прогресс человечества. Соответственно, вопросы взаимоотношений религиозного и научного мировоззрений приобретают особую остроту. Без выработки открытого христианского взгляда на самые трудные проблемы истории и современности нельзя говорить о полноценном богословском мышлении, творческом развитии христианского богословия.

Существенное место в учебных программах должна занимать история и теория культуры. Здесь преподавание не должно сводиться к истории церковного искусства и христианской культуры (хотя это очень важно). Речь должна идти, скорее, о христианской истории культуры, о выработке целостного христианского взгляда на все ее проблемы, включая современную культуру и постмодернизм.

Преподавание библеистики должно быть центром учебного процесса. В современной библеистике накоплен огромный потенциал для более глубокого постижения Священного Писания. Необходимо показать роль Библии в жизни современного человека. Конечно, изучение библеистики немыслимо без глубокого изучения древних языков. Но важно так же и взаимоотношение религиозного и научного мировоззрений в современном мире. Для формирования цельного взгляда на мир очень важно, чтобы студенты богословских учебных заведений знали современные концепции естествознания. Введение в учебные планы курсов по взаимоотношению религии и науки поможет понять роль веры жизни современного общества.

Важную роль в современном мире играет диалог между различными культурными и религиозными традициями, межконфессиональный диалог. Необходимо умение и желание слушать и понимать другого, даже если мы отличаемся во взглядах на религию и культуру. Это не означает уклон в сторону синкретизма, но внимание к другой традиции, стремление ее понять и желание воспользоваться плодами многообразия конфессий.

Теперь я перейду к проблеме светского богословского образования или к вопросам введения преподавания общего богословия в светских вузах. В этом термине уже присутствует противоречие. Слова «светское богословское образование» или «независимое богословское образование» звучат непривычно и сразу указывают на проблему. В недавнем нашем прошлом эту тему вообще нельзя

было обсуждать, но и на Западе отход богословского образования от четко выраженной конфессиональной принадлежности стал заметен относительно недавно, и эта проблема сейчас активно обсуждается. Допустимы ли вообще светские богословские школы? Такая постановка вопроса как бы провоцирует отрицательный ответ. Гораздо привычней и спокойней видеть духовные, теологические или библейские (в зависимости от конфессии) семинарии под вниманием епископов Церкви, которые тем самым заботятся о воспитании новых кадров священнослужителей. Это совершенно естественно и правильно. Но попробуем сформулировать наш вопрос немного по-другому: можно ли обойтись без независимых богословских школ в современном секулярном обществе.

Кажется, все согласны с необходимостью введения общих курсов религиоведения или истории и теории религии в светских учебных заведениях, а вот вопрос о преподавании конфессионального богословия вызывает много споров. Выше я уже отметил, что на аморфном религиоведении нельзя построить серьезную систему богословского образования, для этого должна быть конфессиональная основа. Конечно, студенты должны иметь право выбора, но, видимо, здесь надо идти по пути создания конфессиональных отделений. Между тем, стиль преподавания богословия в светских учебных заведениях существенно отличается от традиционных семинарий и теологических институтов. Ведь независимые богословские школы призваны дать качественное гуманитарно-богословское образование светским специалистам, а не готовить священнослужителей. Преподавание здесь должно концентрироваться на академических богословских дисциплинах в тесной взаимосвязи с общегуманитарными и естественнонаучными предметами.

Цель светского богословского образования – подготовка квалифицированных специалистов, работающих в области религии: преподавателей, исследователей, журналистов, социологов, историков. Высокий уровень образования и кругозор таких специалистов может способствовать правильному отношению общества к Церкви и христианским ценностям. В такой среде сам собой снимается вопрос о тесной вовлеченности богословия в проблемы современного мира.

На мой взгляд, необходимо тесное сотрудничество между церковными учебными заведениями и богословскими отделениями в светских вузах. Конечно, такая работа сопряжена с большими трудностями, так как сложно убеждать чиновников, выросших на атеизме. Значит, необходимо так сформулировать цели и задачи религиозного и богословского образования и его важность для светского общества, чтобы они были понятны и убедительны чиновникам от образования, законодателям, родителям, от которых во многом зависит образование детей. При этом необходимо избегать как идеологизации религии, так и общего религиоведческого подхода. И то, и другое весьма опасно. Идеологизация оттолкнет серьезных вдумчивых людей (я уже не говорю о том, что она несовместима с толерантностью, уважением к другим традициям), а общее религиоведение не может быть основой серьезного богословского образования, зато способно породить безразличие к ценностям той или иной конфессии.

Еще раз подчеркнем, что задачи эти сложные и здесь не обойтись без тесного взаимовыгодного сотрудничества между светскими религиоведческими факультетами учебных заведений и традиционными конфессиональными духовными учебными заведениями. По сути, перед нами сейчас стоит двойная задача. Во-первых, помочь церковным людям преодолеть негативное отношение к светской культуре, науке, обществу. Во-вторых, помочь «светским» людям (то есть большинству населения!) открыть для себя ценности христианства и богатство церковной традиции. Активный верующий человек сегодня нередко оказывается в весьма затруднительной ситуации, стараясь сделать выбор между духовным и светским, богословием и культурой, церковью и обществом, вселенским и национальным, преданием и современностью. Делая выбор в пользу одного, он приходит к отрицанию второго, тогда как призвание человека – одухотворять мир, в том числе науку, культуру, общественную жизнь. Необходимо учитывать менталитет современного человека, понять его проблемы. Говорить с ним надо на его языке, не оскорбляя назойливыми обличениями в бездуховности и неблагочестии. Сама церковная миссия и проповедь Евангелия должны быть адекватны условиям, в которых живет современный верующий.

Для того, чтобы религиозное и богословское образование выполняло свою задачу, оно должно быть рассчитано на самый широкий круг людей, то есть необходимо создать систему богословского образования на разных уровнях и в разных формах. Эта система должна включать в себя и конфессиональные, и светские учебные заведения. Для качественного образования нужна качественная литература. Подготовка и издание современной христианской литературы широкого спектра должны стать приоритетом на ближайшее время. Конечно, необходимы книги общего характера, просветительского уровня, но особое внимание следует уделять изданию учебников, хрестоматий, соответствующей периодики и специальной научной литературы, которая поможет заложить серьезный фундамент для дальнейшего развития.

Трудной проблемой в Беларуси является приобретение и издание богословской литературы. У нас ее практически не печатают. У нас почти нет отечественных богословов, которые бы писали книги и учебники. В виду узконаправленного применения тиражи таких книг будут небольшими, следовательно, затраты на издание – достаточно высокими. Проблемы есть и с тем, что привоз книг на русском языке даже из России и официальное использование ее в библиотеках богословских учебных заведений требует определенного времени на проведение религиоведческих экспертиз государственными органами.

Для богословских учебных заведений есть определенные сложности с организацией учебного процесса для студентов. На основании «Закона о свободе совести и религиозных организациях» (статья 28) студенты духовных учебных заведений пользуются правами и льготами, установленными для государственных учебных заведений. Но механизм этот полностью не отрегулирован. В итоге возникают проблемы с вызовом на учебную сессию студентов-заочников, а также с отсрочкой призыва на воинскую службу студентов дневного отделения.

Карасева Светлана, Шкурова Елена

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КУРСА О РЕЛИГИИ/РЕЛИГИЯХ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ В БЕЛАРУСИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2011–2013 гг., г. МИНСК)[69]

В последние годы в Беларуси нередко звучит мнение о том, что одним из условий оптимизации воспитательного процесса в школе может стать сотрудничество светских и конфессиональных институтов в образовательной сфере. Вопрос о включении курсов на тему религии в школьную программу еще не обсуждался широко ни в публичной сфере, ни в образовательных структурах. Однако он уже получает практическое решение – в стихийной форме. Под давлением неявной, но устойчивой общественной потребности в знаниях о религии соответствующие курсы уже стали в Беларуси частью школьного обучения: пусть эпизодически, пусть в авторском исполнении, – но они уже ведутся во многих школах страны. Как правило, это курсы про-православного или православного содержания, что обусловлено не только исторической ролью этой христианской конфессии в Беларуси, но и наличием соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь (МО РБ) и Белорусской Православной Церковью (БПЦ), подписанного в очередной раз 8 апреля 2011 г. (предыдущие соглашения действовали в 2004–2006 гг. и 2007–2010 гг.). В отдельных школах курсы на тему религии разрабатываются заинтересованными в них православно-ориентированными педагогами и имеют авторский (а по сути – случайный) характер. Очевидно, что такие курсы не могут служить основой для разработки общенациональной модели. Общегосударственный курс должен стать результатом долгих совещательных усилий целой группы специалистов разного профиля. Однако уже сейчас случается, что инициаторы авторских программ обращаются в государственные образовательные структуры, предлагая свои наработки в качестве стандарта для всей системы школьного образования. Это создает риск принятия преждевременного решения. Причем не только в содержательном плане, когда чье-то отдельное ви́дение предмета может быть взято за общую модель, но также и в плане конфессиональном. Нельзя упускать из виду право на присутствие в школьном курсе о религиях не только православной, но и других традиционных для Беларуси религий и конфессий, которые еще не имеют формально закрепленного опыта сотрудничества с Министерством образования.

Чтобы создать фильтр на пути продвижения случайных авторских программ в качестве моделей общенационального курса на тему религии, а также с целью изучения действительных настроений в обществе относительно перспектив введения

[69] Результаты научно-исследовательской работы получены при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

такого курса, центр религиоведческих исследований (ЦРИ) факультета философии и социальных наук (ФФСН) Белорусского государственного университета (БГУ) открыл в 2011 г. перспективное направление социологических исследований по данному вопросу.

Истоки проблемы. После выхода Беларуси в 1991 г. из состава СССР реформирование ее социальной сферы затронуло и систему образования. Образовательная реформа проходила в условиях радикальных мировоззренческих трансформаций и возрождения конфессиональной сферы белорусского общества. Острая потребность в новых идейных и ценностных ориентирах обусловила массовый возврат населения страны к религиозным смыслам. Эта переориентация оказалась особенно ощутимой для системы среднего образования – важнейшего (после семьи) агента социализации, во многом формирующего личность. Первоначально, в 1990–2000-е гг., интеграция религиозных идей и ценностей в школьное образование носила обширный, спонтанный, поисково-экспериментальный характер. По мере стабилизации конфессиональной структуры белорусского общества и развития законодательства взаимодействие религиозных и государственных институтов в образовательной сфере стало приобретать организованный характер.

Конституция Республики Беларусь в редакции 2004 г. (разд. I, ст.ст. 4, 5, 12, 14, 16, разд. II, ст.ст. 31, 33), закон «О свободе совести и религиозных организациях» в редакции 2002 г. (ст. 9), Кодекс об образовании в редакции 2010 г. (ст. 2, пп. 1.10, 3, 4) – заложили основу для эффективного правового регулирования механизмов сотрудничества государства и религиозных организаций в сфере образования. Эти документы закрепили правовые принципы:

1) светскости белорусского государства (в части равенства всех религий и вероисповеданий перед законом);

2) светскости государственной системы образования,

3) поликонфессиональности белорусского общества.

Для системы общего среднего образования это означает, что в ее содержание могут быть интегрированы только такие сведения о религии / религиях, которые:

– имеют светское (религиоведческое) содержание;

– равноправно (правда, не равнозначно) представляют традиционно действующие на территории страны религии.

Принципиально новым фактором государственно-конфессиональных отношений стало подписание в 2003 г. программы сотрудничества между МО РБ и БПЦ – в рамках соглашения между государством и церковью от 12.06.2003 г.

Легализуя сотрудничество светского государства и религиозной организации, эта программа правомерно выводила их взаимодействие за рамки государственных учреждений образования в социально-культурную сферу. Акцент ставился на *воспитательный* эффект сотрудничества, но *не* на *образовательный*. Это специально регулировалось положением «О порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24.06.2011 г. В развитие этого положения письмом

Министерства образования Республики Беларусь № 12-02-136661/дс от 20.12.2011 г. были утверждены методические рекомендации по организации сотрудничества учреждений образования с БПЦ в рамках действующего законодательства и Программы сотрудничества между государством и церковью на 2011–2014 гг. Акцент в документе еще раз был сделан на *воспитательные* формы сотрудничества.

Таким образом, даже в условиях действия соглашения о сотрудничестве между Министерством образования и православной церковью вопрос о введении *учебных* курсов о религии, в частности о православии, в школьную программу – на государственном уровне не ставился и не ставится, в соответствии с законодательно закрепленным светским характером государственного образования.

Однако изучение общественного мнения, а также анализ практики школьных инициатив по включению знаний о религии в учебный процесс показывает, что *вопрос о разработке и введении* подобного курса в школьную программу в настоящее время *актуален*.

Такое включение возможно без нарушения конституционного принципа светскости государственной системы образования – через разработку именно *светского* курса о религии / религиях. Для этого необходимо строгое теоретическое и юридическое различение *религиозного* (*вероучительного*) и *светского* (*религиоведческого*) подходов к преподаванию знаний о религии. Устойчивая культура такого различения еще не сформировалась в белорусском обществе, причем не только на уровне массового сознания, но и в среде специалистов-гуманитариев, а также в среде государственных служащих системы образования. В частности, по этой причине сложилась некоторая напряженность между правомерной, но жесткой государственной установкой на исключение знаний о религии из школьной программы (в силу их понимания как только религиозных) и общественной потребностью в таких знаниях. Между тем, осознание и разъяснение различия между религиозным и светским подходами к преподаванию знаний о религии могло бы создать условия для рассмотрения вопроса о законном включении общественно необходимых сведений о религии в школьное обучение.

Различие между религиозным и светским подходами к знаниям о религии основано на понимании специфики двух основных типов мировоззрения и образа жизни – *религиозного* и *светского*. Их радикальное отличие определяется отношением к идее трансцендентного начала.

Религия утверждает безусловное доверие и служение трансцендентному идеалу (Богу или др.) как гаранту подлинной (вечной) жизни.

Светскость исключает трансцендентное начало из картины мира и опирается на *гуманистический* принцип безусловной ценности разума и свободной (способной к добру) воли человека.

Внутри каждой из этих сфер – религиозной и светской – формируется свой способ трансляции знаний о религии, а именно: *религиозное образование* и *образование в вопросах религии*.

Религиозное образование представляет собой *форму религиозной деятельности*, состоящую в передаче истин традиции детям последователей или вновь

обращенным людям. Это – *вероучительное* образование (обучение основам веры, приобщение к религиозному смыслу и образу жизни данной религии), которое осуществляется внутри традиции старшими поколениями последователей в отношении младших и/или религиозными специалистами (священнослужителями, религиозными просветителями, др.) в отношении всех последователей и внешнего мира.

Светское образование на тему религии представляет собой сферу социальной деятельности государства по образованию (обучению и воспитанию) граждан путем сообщения им объективной – научно достоверной и мировоззренчески нейтральной – информации о религии в целом как сфере жизни человека и общества или о конкретной религиозной традиции (традициях) в частности. Под мировоззренческой нейтральностью понимается такое изложение сведений о религии, которое не требует безусловного признания реальности трансцендентного начала (предмета веры). Это – *религиоведческое* образование, основанное на *научном* изучении религии / религий; оно формирует осведомленность в вопросах религии без формирования религиозной позиции.

Понимание различия этих двух базовых принципов жизни – религиозного и светского (гуманистического) – позволяет определить мировоззренческий характер той или иной конкретной учебной программы на тему религии. Независимо от декларируемого ее создателями принципа составления, ее действительное содержание проявится в стиле изложения, который автоматически отражает жизненные установки авторов. Если в программе, характеризующей религиозную традицию, используются лексика, речевые обороты и аргументы самой традиции, то, скорее всего, программа носит религиозный (вероучительный) характер. Если рассказ о религии строится с помощью общеупотребительной светской лексики, как отстраненное повествование, то программа отвечает требованиям светскости образования.

С целью изучения мнения основных участников образовательного процесса о перспективах введения курса о религии / религиях в школьную программу, а также определения оптимального формата курса ЦРИ ФФСН БГУ организовал проведение двух этапов социологического исследования.

На первом этапе, в апреле-мае 2011 г., был проведен анкетный опрос старших школьников – учащихся 9–11-х классов средних школ г. Минска (объем выборочной совокупности 483 человека), а также родителей учащихся минских школ (объем выборочной совокупности 436 человек).

На втором этапе исследования в 2013 г. было организовано три интервью с педагогами минских школ методом фокус групп (две группы – педагоги-предметники, одна группа – руководители общеобразовательных учреждений) и проведен анкетный опрос педагогов города (объем выборочной совокупности 500 человек).

Отбор респондентов осуществлялся *пропорционально числу учреждений образования в административных районах* г. Минска с учетом вида учреждений образования.

Важным элементом исследования стал выбор термина для обозначения учеб-

ного курса на тему религии. Термин «учебный курс о религии / религиях» был признан оптимальным. Он заменяет привычные постсоветские клише «основы православной культуры», «православная культура», «религиозная культура», «духовная культура», «духовно-нравственная культура» и т.п. Эти термины скорее камуфлируют религиозное содержание школьного курса, чем уходят от него. Нельзя говорить о религиозной культуре, не раскрывая суть религиозного учения, что все равно приводит к сообщению в курсе сведений о религии. Под духовностью же понимается либо воля человека к рациональному выбору добра, и тогда речь идет о светской этике, либо воля человека к служению трансцендентному идеалу, и тогда речь идет о принципах религиозной жизни, т.е. о вероучительных истинах.

Термин «курс о религии / религиях» прямо, без обиняков указывает на предмет изучения – религию, как универсальный социально-культурный феномен и / или как конкретную традицию. Однако грамматическая структура термина подчеркивает, что речь идет о религии как историко-культурном феномене, а не о ее истинах. В то же время, термин отличается высокой общностью. В условиях, когда в обществе еще не сформирована культура различения религиозных (вероучительных) и светских (религиоведческих) знаний, он не заостряет это различие. С одной стороны, он противоположен термину «религиозный курс», с другой, он шире данного термина, может быть понят также и в религиозном ключе. Таким образом, термин «курс о религии / религиях», с одной стороны, отличается предметной и мировоззренческой определенностью, с другой, допускает широкое мировоззренческое толкование. Это позволяет респондентам отвечать на вопросы исследования в ключе любого привычного им понимания курса.

Ключевые блоки данных исследования характеризуют отношение респондентов к возможному введению знаний о религии в школу следующим образом.

Старшеклассники, родители школьников и педагоги школ г. Минска дают в целом высокую оценку *роли религии* в жизни общества и человека (см. Таблицу 1). Причем для всех групп респондентов характерна (хотя и слабо выраженная) тенденция оценивать положительное влияние религии на жизнь абстрактного человека выше, чем на свою собственную.

Таблица 1

Оценка респондентами влияния религии на жизнь общества, человека и их собственную

Отметили «положительное» и «скорее положительное» влияние религии на жизнь –	– общества, в %	– человека, в %	– собственную, в %
Старшеклассники	81,6	85,4	66,6
Родители	91,6	84,7	84,4
Педагоги	91,7	94,1	91,6

Все группы респондентов демонстрируют определенную степень *осведомленности* относительно существующих религий и конфессий. Однако осведомленность оказывается поверхностной, случайной, не соответствующей действительной конфессиональной ситуации в Беларуси (см. Таблицы 2, 3). Далеко не самая значительная часть опрошенных старшеклассников и родителей упомянули в первую очередь православие и католицизм, которые являются наиболее давними, значимыми и многочисленными конфессиями в Беларуси, многообразно представленными к тому же в ее социально-культурной жизни (достаточно напомнить, что один из основных праздников православия и католицизма – Рождество – дважды, в соответствии с разными стилями летоисчисления, включен в государственный календарь).

Таблица 2

Осведомленность групп респондентов о религиях: старшеклассники, родители*

Известные респондентам религии** (открытый вопрос)	В % от числа ответов	
	Старшеклассники	Родители
Христианство	15,6	24,4
Православие	13,2	8,0
Католицизм	15,7	17,6
Протестантизм	6,0	0,3
Ислам	16,8	19,9
Буддизм	20,8	17,5
Гностицизм	0,1	–
[Традиционные этнические религии]***	10,2	8 ,0
[Нетрадиционные религиозные движения]****	1,5	1,6
Всего	100,0 %	100,0 %

* 94 % учеников старших классов и 90,8 % родителей назвали хотя бы одну известную им религию, конфессию

** Вопрос был открытым, так что список религий составлен из тех наименований, которые были предложены респондентами. Обозначения религий также сохранены в редакции респондентов.

*** В эту группу при обработке данных были объединены следующие религии (по причине многообразия и единичности их упоминаний):

- из анкет старшеклассников: иудаизм (124 ответа), конфуцианство (59), индуизм (38), синтоизм (26);
- из анкет родителей: иудаизм (87 ответов), индуизм (15), синтоизм (6).

**** В эту группу были объединены новые для Беларуси конфессии:

- из анкет старшеклассников: иеговисты (9 ответов), сатанизм (8), саентология (6), растафарианство (3), пятидесятничество (1), «евангелизм» (1), вуду (1), христиане веры евангельской (1), харизматы (1), эзотерики (1);
- из анкет родителей: иеговисты (6 ответов), адвентисты (3), кришнаиты (3), евангелисты (2), пятидесятники (2), вуду (1).

Аналогичной оказалась ситуация в педагогической среде, когда характеризуя известные им религии, педагоги сделали акцент либо на те конфессии, которые сегодня активно представлены в средствах массовой информации, либо на традиционные для Беларуси.

Таблица 3

Осведомленность педагогических работников о религиях

Известные респондентам религии (открытый вопрос)	В % от числа ответов
Христианство	14,9
Православие	8,9
Католицизм	10,2
Протестантизм	3,9
Иудаизм	12,5
Ислам	20,6
Буддизм	18,3
Язычество*	0,5
Зороастризм*	0,4
Индуизм*	3,6
Конфуцианство*	2,7
Даосизм*	1,5
Синтоизм*	1,9
Не знаю	0,0
Всего	100,0 %

* Отмеченные традиции составляют группу этнических политеистических (или иначе: языческих) систем; в сумме их общий показатель составляет 10,6 %.

Полученные данные могут свидетельствовать либо о неотрефлексированности у респондентов собственного религиозно-культурного контекста (когда нечто далекое экзотическое распознается, а нечто свое, близкое, служащее тканью повседневной жизни, не замечается), либо о несовпадении информационных пространств и стилей коммуникации христианских конфессий и групп респондентов, представляющих светское население.

Предпочтительной формой введения курса большинство опрошенных называет *факультативную* (см. Таблицы 4, 5).

Таблица 4

Мнение об учебном статусе курса о религии/религиях: старшеклассники, родители

Как должны изучаться сведения о религиях в школе?	Количество, в %	
	Старшеклассники	Родители
Обязательно	5,6	16,6
По выбору	79,9	79,0
Вообще не должны изучаться	14,5	4,4
Всего	100,0	100,0

Старшеклассников и родителей школьников поддерживают и педагоги минских школ, среди которых 77,8 % высказывается за факультативный характер курса, при этом около половины опрошенных педагогов считают необходимым право выбора по изучению курса предоставлять родителям учащихся.

Таблица 5

Мнение педагогических работников об учебном статусе курса о религии/религиях

Как должны изучаться сведения о религиях в школе?	Количество, в %
Обязательно	14,2
По выбору учеников	26,8
По выбору родителей учеников	51,0
Вообще не должен преподаваться	6,8
Нет ответа	1,2
Всего	100,0

В отношении содержания курса все группы опрошенных (старшеклассники, родители, педагоги) высказываются за представленность в нем идей и истории *различных* религий (см. Таблицы 6, 7, 8). При этом школьники отдают предпочтение развлекательной и информативной составляющей курса.

Таблица 6

Предпочтения учащихся относительно содержания курса о религии/религиях

Что именно Вы бы хотели узнать о религиях?	В % от числа ответов
Я бы заинтересовался (-лась) необычными фактами из истории религий	26,7
Мне интересно изучить влияние религий на образ жизни людей	19
Мне интересно изучить суть различных религий в их сравнении друг с другом	16,7
Я хотел (-а) бы изучить историю различных религий	15,6
Я хотел (-а) бы изучить суть одной конкретной религии	12,7
Я интересуюсь историей одной конкретной религии	5,2
Мне вообще не интересно	3,9
Для этого следует идти в церковь	0,1
Затрудняюсь ответить	0,1
Всего	100,0 %

Родители школьников в большей степени ориентируются на изучение в рамках школьного курса содержательных аспектов – истории, сущности различных религий, их влияния на образ жизни людей.

Таблица 7

Предпочтения родителей относительно содержания курса о религии/религиях

Что должен сообщать факультативный курс о религии (религиях)?	В % от числа ответов
Сведения об истории различных религий	24,6
Суть различных религий в их сравнении друг с другом	24,4
Как влияют религии на образ жизни людей	21,0
Необычные факты из истории религий	16,6
Суть одной конкретной религии	9,0
Историю одной конкретной религии	3,7
Затрудняюсь ответить	0,8
Всего	100,0 %

Родителей поддерживают и педагогические работники, которые главным содержательным моментом курса считают необходимость представления в нем объективных сведений и религиозного многообразия.

Таблица 8

Предпочтения педагогов относительно содержания курса о религии/религия

Что должен сообщать факультативный курс о религии/религиях в случае, если он будет введен в школьную программу?	В % от числа ответов
Вероучение и принципы жизни разных религий	28,0
Объективные сведения о содержании, истории и социальной роли разных религий	27,7
Сведения о том, как влияет религия на образ жизни человека	17,3
Необычные факты из истории разных религий	15,2
Вероучение и принципы жизни одной конкретной религии	5,1
Объективные сведения о содержании, истории и социальной роли одной конкретной религии	3,9
Необычные факты из истории одной конкретной религии	2,9
Всего	100,0 %

Педагоги говорят о целесообразности введения «*занятий по православию, по католицизму, иудаизму... среди белорусов есть представители и мусульманской религии… их не должны дискриминировать. Может быть, скоро появится пятьсот тысяч китайцев – тогда, наверное, и даосизм будем вводить*»; «*у нас не только православные, и католиков много, много мусульман, поэтому если вводить один курс, то это будет не совсем правильно; не будет ли это разжигать какую-то межнациональную рознь?..*»; «*не надо говорить* [о разных религиях] *плохо или хорошо…* [просто говорить:] *есть вот это, вот это и это…*»

Преобладание мнений в пользу широкой сравнительно-исторической тематики говорит о дефиците сведений о религии/религиях в белорусском обществе и о потребности населения получать такие сведения в форме, которая позволит самостоятельно сориентироваться в многообразии вероучений, осмысленно сформировать религиозные предпочтения или религиозную позицию. И если даже большинство предпочтений будет формироваться по традиционному для Беларуси сценарию – в пользу православия и католичества, – важным является то, что население демонстрирует потребность в осознанном отношении к религии. Правда, при этом оно не торопится с религиозным самоопределением, о чем свидетельствуют следующие данные.

Мотивация к регулярному посещению курса у школьников (в случае, если он будет введен) неустойчива, зависит от привлекательности учебного материала и методик его преподавания. В этом отношении настроения школьников совпадают с позицией родителей (см. Таблицу 9).

Таблица 9

Поведенческие установки родителей и учеников в отношении введения курса о религии / религиях в школьную программу

В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе, Вы –	Старшеклассники (количество, в %)	В случае введения курса по изучению основ религиозной культуры в школе, где учится Ваш ребенок, Вы -	Родители (количество, в %)
Буду с интересом посещать все занятия	7,9	Запишу ребенка на факультатив и буду постоянно поощрять его	19,4
Схожу на несколько уроков, а после решу, нужно ли мне это	59,3	Запишу ребенка на факультатив, но не буду настаивать на его посещении	66,5
Лучше займусь в это время чем-нибудь более интересным	32,8	Не буду записывать ребенка на факультатив	14,1
Всего	100,0 %	Всего	100,0 %

Представленные реакции можно обобщенно охарактеризовать как выжидательное любопытство, но все же не как созревшую, осознанную потребность в важных знаниях. Эти реакции говорят о том, что предлагаемый предмет – сведения о религиях – не знаком респондентам, и только поэтому интересен им. При таком отношении более вероятно, что школьники (поощряемые родителями), удовлетворив любопытство, отложат изучение курса на неопределенную перспективу: вряд ли любопытство послужит достаточным стимулом для продолжительного и систематического усвоения нового материала.

Мнение педагогов о *реакции* учащихся на возможное введение курса (см. Таблицу 10) отчасти подтверждает приведенные установки учащихся и родителей.

Таблица 10

Мнение педагогов о возможных реакциях учащихся на введение курса о религии / религиях

Заинтересует ли курс о религии / религиях учеников?	Количество, %
Да, заинтересует	11,8
Скорее заинтересует	43,4
Затрудняюсь ответить	29,4
Скорее не заинтересует	14,4
Точно не заинтересует	1,0
Всего	100,0 %

По оценкам педагогов, в настоящее время *система образования не испытывает острой потребности во введении в школьную программу курса о религии/религиях*. В то же время определенные ожидания в отношении образовательной и особенно воспитательной пользы этого курса в педагогической среде присутствуют (см. Таблицу 11).

Таблица 11

Оценка педагогами нужности знаний о религии

Нужны ли знания о религии –	– обществу, в %	– человеку, в %
Очень нужны	30,6	35,0
Скорее нужны	60,6	57,8
Затрудняюсь ответить	4,6	3,6
Скорее не нужны	2,0	1,6
Совершенно не нужны	0,6	0,4
Нет ответа	1,6	1,6
Всего	100,0 %	100,0 %

Правда, как показывают данные фокусированных интервью, эти ожидания очень противоречивы и колеблются в пределах следующих крайних позиций: «…*если школе для формирования нравственности нужно привлекать религию, то чего стоит такая школа?..*» – «…*если есть возможность спасти человека от роковой ошибки… совершить суицид или еще что-то… если через* [такой курс] *мы спасем душу ребенка, то это целесообразно…*». Однако педагоги сами сомневаются в оправданности своих ожиданий, – по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, они понимают, что нравственный эффект курса основан на очень сложном механизме взаимодействия материала, педагога и учащегося. Также они хорошо осознают специфику знаний о религии, которые адресованы глубинным структурам человека. Даже отстраненный разговор о религии, о ее смысле может вызвать у детей сильный отклик (как иногда произведения, изучаемые на уроках литературы). И этот отклик может оказаться как заинтересованным (в случае сочувствия педагога содержанию предмета), так и отторгающим (в случае формального отношения педагога). Во-вторых, педагоги отмечают, что их ожидания от курса вызваны ослаблением воспитательных механизмов в обществе. Они с сожалением указывают, что нынешняя педагогическая ситуация характеризуется перекладыванием ответственности: семья перекладывает долг воспитания на школу, школа – пытается переложить его на религию. Так что сами педагоги характеризуют свои ожидания как компенсаторно-идеалистические.

Неопределенность в оценках педагогами перспектив курса сказывается также в отсутствии у них четкого представления о том, кто мог бы сегодня его преподавать. Они отмечают, что далеки от адекватного понимания специфики религии и сути религиозных учений: «…*если бы обратились ко мне как специалисту,.. я не*

смогу поднять такой пласт…»; «*я лично занимаюсь историей, религией… и чем больше занимаюсь, тем больше я не знаю всего этого… Очень много надо думать, прежде чем говорить с детьми об этом* [о религии]». Ошибочно интерпретируя курс о религии как исключительно вероучительный, они признают уместность священнослужителя в его преподавании (см. Таблицу 12). Однако педагоги понимают, что священнослужитель, во-первых, не может, по закону, работать в государственном учебном заведении, во-вторых, не является профессиональным педагогом, в-третьих, своей религиозной вовлеченностью и личным свидетельством может оказывать невольное давление на учащихся, ограничивая свободу их самоопределения. В качестве выхода из положения педагоги предлагают организацию специализированной (в сфере знаний о религии) подготовки кадров из их среды.

Таблица 12

Мнения педагогов о перспективах преподавания курса о религии/религиях

Кто сегодня смог бы вести курсы о религии / религиях в общеобразовательной школе?	Количество, в %
Любой педагог	1,0
Педагог с гуманитарной подготовкой	11,6
Педагог с теологическим образованием	30,2
Священнослужитель с педагогической подготовкой	50,0
Священнослужитель без педагогической подготовки	3,8
Такие специалисты не нужны	1,0
Квалифицированный специалист	0,2
Нет ответа	2,2
Всего	100,0 %

Следует отметить, что в собранных данных отражается отсутствие, несформированность в обществе светского ви́дения знаний о религии / религиях. По инерции, сохранившейся с до-атеистических времен и укрепившейся в период постсоветского религиозного возрождения, преподавание знаний о религии связывается с обучением основам веры и религиозного образа жизни.

Интересно мнение некоторых педагогов о том, что при определенных условиях подобный курс все же мог бы иметь хороший образовательный эффект (и попутно – нравственное влияние на учащихся). Они считают, смещение акцента в организации курса с воспитательного на образовательный, а также продуманная его концепция и полное методическое обеспечение могли бы сформировать мировоззренчески полезный учебный предмет, который стоит преподавать последовательно на всех уровнях средней школы (см. Таблицу 13).

Таблица 13

Мнения педагогов о порядке включения курса о религии/религиях в школьную программу

С какого класса лучше начать изучение курса?	Количество, в %
Начальная школа (1-4)	46,8
Базовая школа (5-9)	41,8
Средняя школа (10-11)	4,4
Нет ответа	7,0
Всего	100,0 %

Однако общая оценка педагогами готовности системы образования к введению курса о религии / религиях тяготеет к отрицательной (см. Таблицу 14).

Таблица 14

Мнение педагогов о готовности системы образования к включению курса о религии/религиях в школьную программу

Как Вы думаете, в какой степени белорусская система общего среднего образования готова к включению в школьную программу курса о религии (религиях)?	Количество, в %
Полностью готова	0,6
Скорее готова	19,2
Затрудняюсь ответить	25,8
Скорее не готова	45,2
Абсолютно не готова	8,6
Нет ответа	0,6
Всего	100,0 %

Стоит отметить, что результаты представленного исследования характеризуют мнение учащихся, родителей и педагогов г. Минска. Для изучения отношения участников образовательного процесса к перспективам введения курса в школьную программу в Республике Беларусь в целом целесообразно проведение исследования республиканского масштаба.

Тем не менее, анализ результатов проведенных исследований позволил сформировать ряд **предложений и рекомендаций** относительно перспектив, оптимального формата и условий возможного включения курса о религии / религиях в школьную программу.

Учебный статус курса о религии / религиях должен определяться *добровольностью* его изучения, но, возможно, в сочетании с *продуманной системой учебных поощрений*.

Не исключается постановка вопроса об *обязательном* введении курса в школьную программу, но при строгом соблюдением его *светского* характера (педагоги отмечают, что такой статус курса надежнее обеспечит его устойчивый образовательный и, возможно, сопутствующий воспитательный эффект).

В любом случае – как при факультативном, так и при обязательном включении курса в школьную программу – целесообразно следующее.

Концепция курса должна быть *разработана* и *принята* на *государственном уровне* через привлечение к разработке концепции *коллектива специалистов разного профиля*: *педагогов*, *психологов*, *историков*, *социологов*, *религиоведов*, *философов*, *теологов*.

Содержание курса должно носить *светский* (т.е. *религиоведческий*, – но *не религиозный*, т.е. *не вероучительный*) характер и раскрывать в мировоззренчески нейтральном ключе содержание, историю и социально-культурную роль одной или нескольких значимых в стране или в мире религий, с привлечением сведений о *влиянии религий на жизнь их последователей*, а также *необыкновенных фактов* из религиозной истории.

Тематика курса предпочтительно (хотя и не обязательно) должна включать сведения о *разных* религиях (что обусловлено дефицитом сведений о религии в обществе и потребностью учащихся в свободном определении своих мировоззренческих и конфессиональных позиций).

Методическое обеспечение курса необходимо разработать в максимальном объеме, т.е. в составе *учебника*, *методических рекомендаций* для педагогов и *учебных материалов* (печатных, электронных, видео) для учащихся.

Преподавание курса должно осуществляться только *специально подготовленными педагогами*, желательно прошедшими обучение основам религиоведения в течение нескольких месяцев с отрывом от работы.

Функции курса – *обучающая* и *воспитательная* – не могут и не должны быть равнозначными в рамках государственной (*светской*) системы образования. Основной функцией курса должна быть *обучающая* – повышение уровня *образованности*. Воспитательный эффект (формирование нравственных ценностей) должен достигаться лишь косвенно, под воздействием образов и примеров из составляющих курс сведений по религиозной истории (подобно тому, как это происходит на уроках литературы, истории, обществоведения). Непосредственный воспитательный эффект от изучения сведений о религии возможен лишь в условиях религиозного (вероучительного) образования, предполагающего глубокую личную вовлеченность в религию как педагогов, так и учащихся, – что достигается в семье, в религиозных группах, в рамках внеклассных культурно-воспитательных мероприятий, но недопустимо в рамках светской системы государственного образования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Джонс Мэтью – адвокат (Великобритания)

Кишка Роджер – адвокат (Словакия)

Попов Лачезар – председатель международной организации «Адвокаты Европы» (Болгария)

Фотре Вилли – директор международной организации «Права человека без границ» (Бельгия)

Шавцова Дина – юрист (Беларусь)

Одиноченко Виктор – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, член Белорусского Хельсинкского комитета (Беларусь)

Жеребятьев Михаил – кандидат философских наук, доцент, эксперт Международного института гуманитарно-политических исследований (Россия)

Ситников Михаил – главный редактор Центра религиоведческих исследований «Религиополис» (Россия)

Решетников Юрий – кандидат философских наук, председатель Госкомитета Украины по делам религий и национальностей (2009-2010) (Украина)

Колодный Анатолий – доктор философских наук, профессор, президент Украинской ассоциации религиоведов, руководитель отделения религиоведения, зам. директора Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, заслуженный деятель науки Украины (Украина)

Филипович Людмила – доктор философских наук, профессор, зав. отделом истории религий и практического религиоведения Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины, вице-президент Украинской ассоциации религиоведов, вице-президент Украинской ассоциации религиозной свободы (Украина)

Заец Александр – председатель правления общественного объединения «Институт религиозной свободы» (Украина)

Михеева Ирина – кандидат философских наук, доцент, член МОО «Центр изучения современной религиозности» (Беларусь)

Элбакян Екатерина – доктор философских наук, профессор, директор Центра религиоведческих исследований «Религиополис» (Россия)

Титаренко Вита – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отделения религиоведения Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины (Украина)

Кутузова Наталия – кандидат философских наук, доцент, председатель правления МОО «Центр изучения современной религиозности» (Беларусь)

Старостенко Виктор – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Могилевского государственного университета им. А. А.Кулешова (Беларусь)

Поднюк Сергей – доктор философии, ректор Теологического института христиан веры евангельской (Беларусь)

Карасева Светлана – кандидат философских наук, доцент, член МОО «Центр изучения современной религиозности» (Беларусь)

Шкурова Елена – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета (Беларусь)

Научное издание

Свобода религии или вероисповедания: общие принципы и правовые условия реализации данного права в различных государствах (лучшие практики государств)

Материалы международной научно-практической конференции,
г. Минск, 8–9 ноября 2013 г.

Ответственный за выпуск Якимович А. Я.
Художественный, технический редактор Сугако Г. М.
Дизайн обложки Кутузовой Н. А.
Верстка Сугако Г. М.
Корректор Каранкевич И. А.

Подписано в печать 20.11.2014 г. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,6. Усл.-изд. л. 10,3.
Тираж 150 экз. Заказ № 558.

ЗАО «Конфидо»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/293 от18.04.2014.
Ул. Платонова, 22-902, г. Минск, Республика Беларусь, 220005

Отпечатано в РУП «ИВЦ Министерства финансов Республики Беларусь»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №2/41 от 29.01.2014.
Ул. Кальварийская, 17, г. Минск, Республика Беларусь, 220004